

Д2
990

ГИМНАЗИЯ
Н. Бр. 23 9 27

ГРУБО-БАДГАРДЕЙ

ЦЕРБОВНЫЙ ВОПРОСЪ

ПО НЕИЗДАННЫХ ИСТОЧНИКАХ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В. ТЕПЛОВА.

ИМПЕРАТОРСКОЮ Академіею Наукъ удостоено Уваровскаго
почетнаго отзыва.

8162
912

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. БЛАГОВА, Екатеринин., кам., № 78
1889.

• 15985

Екатеринбургъ кн., д. 78.
№ 2803.

ГРЕКО-БОЛГАРСКИЙ ЦЕРКОВНЫЙ ВОПРОСЪ ПО НЕИЗДАННЫМЪ ИСТОЧНИКАМЪ.

Inter duos litigantes tertius gaudet.

Изученіе исторического хода и развитія греко-болгарского вопроса не можетъ не привести къ заключенію, что присвоенный вопросу этому эпитетъ «церковнаго» не вполнѣ точенъ, такъ какъ можетъ относиться развѣ лишь ко вѣшней сторонѣ идущаго между двумя народностями спора. Въ сущности это вопросъ политический, выражавшій собою стародавнюю вражду Грековъ и Болгаръ изъ за обладанія Балканскимъ полуостровомъ. Вопросы каноническіе служатъ лишь орудіемъ, прикрывающимъ истинныя, открыто не высказываемыя цѣли вожаковъ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ, съ настойчивостью и упорствомъ продолжающихъ дѣло, которое не смогли остановить ни блестящія победы царя Симеона, ни неслыханныя жестокости императора Василия II Болгаропрестребителя.

Поэтому-то для большаго уясненія внутренняго смысла происходящихъ на глазахъ нашихъ явлений, намъ необходимо обратиться къ истории, которая, какъ яркій свѣтъ, освѣтитъ намъ мракъ давно минувшихъ лѣтъ и поможетъ разсмотрѣть тотъ путь, по которому долженъ будеть направиться разбираемый нами вопросъ въ будущемъ.

Исторический обзоръ Болгаріи и ея древней церкви составилъ я, придерживался Доброва («Южное славянство») и Голубинского («Краткий очеркъ истории православныхъ церквей»). Кромѣ того, я пользовался, какъ источниками, кроме необходимыхъ богословскихъ книгъ, еще и слѣдующими сочиненіями: «Сношенія Россіи съ Востокомъ по церковнымъ дѣламъ» Муравьевъ, 1858, «Исторія Россіи съ древнійшихъ временъ» Соловьевъ, «Вселенскій патріархъ Григорій VI и греко-болгарская распра» Филиппова, «Определение Константинопольского собора по вопросу о болгарскомъ экзархатѣ» Филиппова, «Греко-болгарскій церковный вопросъ» Тесовскаго, 1871, «Мнѣніе православныхъ арабовъ о греко-болгарской распра» Муркоса, 1880, «Панславизмъ и Греки» Леонтьева, «Византізмъ и славянство» его-же, «Первый болгарскій экзархъ блаженный Антимъ» Муромцевой, «Греко-российская церковь въ своихъ отношеніяхъ къ церквамъ Запада» 1880, «Зеленая книга Болгарского княжества», «Органический уставъ Восточной Румелии», «Официальная статистика на источнико румелійско-то населеніе» 1880, «Материалы для статистики Болгаріи, Оракіи и Македоніи» Теплова, 1877, «Ethnographie de la Macédoine» Philippopolis, 1881, «Carte ethnologique de la Turquie d'Europe et m moire sur la repartition actuelle des races dans la p ninsule Illyrique» par Stanford, Paris, 1877, «Ethnographie des vilayets d'Andrinople, de Monastir et de Salonique» 1878, «Carte ethnographique de la Turquie d'Europe et d nombrement de la population Grecque» par Synvet; кроме того, замѣтками, разбросанными въ различныхъ покровенныхъ изданіяхъ.

Но главный и самый богатый материалъ доставилъ миѣ архивъ посольства нашего въ Константинополь, которымъ я пользовался съ разрѣшеніемъ нашего посла Е. П. Новикова. Ходъ переговоровъ и различные фазисы, чрезъ которые проходилъ греко-болгарскій церковный вопросъ за время начиная съ Крымской войны, изложены и разобраны мною на основаніи политическихъ депешъ посольства, консульскихъ донесеній, переписки

сь Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, а также на основаніи мемуаровъ, записокъ и другихъ дипломатическихъ документовъ. Не мало пользы принесли мнѣ воспоминанія принимавшихъ личное участіе въ церковномъ вопросѣ настоятели посольской церкви архимандрита Смарагда и доктора Каракановскаго, родомъ Болгарина.

Ко всему перечисленному нужно присоединить еще и мои личные воспоминанія, вынесенные изъ одиннадцатилѣтняго пребыванія моего въ Константиополѣ съ 1870 по 1881 г., причемъ на глазахъ моихъ разыгрались все главныя проявленія острого периода греко-болгарского вопроса.

I.

Съ самого водворенія Болгаръ въ Мизіи, начался рядъ опустошительныхъ войнъ между новыми пришельцами и греческими императорами, причемъ христианская Византія въ жестокостяхъ, сопровождавшихъ эти войны, не уступала никакъ своимъ языческимъ противникамъ. Мало-по-малу болгарскій народъ собирается въ сильное царство, которое выставляетъ себѣ уже открытымъ соперникомъ Византіи на владѣніе полуостровомъ.

Официальное введеніе христианства въ Болгаріи приписываютъ царю Борису (Михаилу) и относить событіе это къ 863 г.; но еще раньше реальна эта пустыня корни, благодаря массамъ падинныхъ временъ войнъ царей Крума и Мартогона, такъ что сильно уже расшатанный языческий культъ падъ тихо, почти безъ борьбы.

Отъ императорскаго Рима наследовала Византія принципъ нераздѣльности церкви и государства; при всѣхъ попыткахъ церкви къ обособленію, византійскіе императоры продолжали считаться ея верховными главами. Такимъ образомъ верховная власть надъ церковью стала однимъ изъ существенныхъ преимуществъ свѣтскаго владыки на Востокѣ.

Взглядъ на такое отношеніе церкви къ государству былъ усвоенъ всѣми тѣмъ народами, которые приняли христіанство отъ Византіи. Всѣ они, при зарожденіи у нихъ сознательно твердаго стремленія къ политической независимости, разрывали церковно-іерархическую связь съ Византіей, устанавливая у себя высшую церковную власть, независимую отъ Константинопольскаго патріарха.

Поэтому неудивительно, что и царь Борисъ хотѣлъ закрѣпить свою независимость учрежденіемъ въ Болгаріи независимой высшей церковной власти. Обращеніе по этому поводу къ патріарху, съ цѣлью добиться назначенія для Болгаріи особаго митрополита, не имѣло успѣха, такъ какъ Греки, въ видахъ господства надъ Болгарами, не хотѣли первоначально имѣть дать собственнаго отдѣльного архиепископства, а во вторыхъ, есть большое основаніе предполагать, что въ своихъ заботахъ о сохраненіи владычества надъ Болгарами, Греки не хотѣли имѣть давать не только митрополитовъ, но даже и епископовъ, предлагал ограничиться назначеніемъ лишь однихъ священниковъ изъ Болгаръ. Нежеланіе состоять въ подобной опасной для самостоятельности государства церковной зависимости, заставило Бориса прервать переговоры съ Греками и обратиться въ 866 г. къ папѣ Римскому.

Но непродолжительно было господство Латинянъ въ Болгаріи, и въ 870 г. они были изгнаны, а патріархъ Константинопольскій Игнатій, видя необходимость сдѣлать Борису уступку, назначилъ Юсифа, Болгарина родомъ, архіепископомъ Болгарскімъ. Собственно говоря, желаніемъ царя Бориса было имѣть въ Болгаріи патріарха, но такъ какъ на просьбу его объ этомъ было полученъ рѣшительный отказъ не только отъ Константинопольскаго патріарха, но даже и отъ папы, то Борисъ по необходимости долженъ былъ удовольствоваться архіепископомъ, подчиненнымъ Константинопольскому престолу.

Сань архіепископа, какъ высшаго лица болгарской духовной іерархіи, не удовлетворялъ честолюбію болгарскихъ царей, и

преемникъ Бориса, Симеонъ, считая, что невозможно быть царству безъ патріаршества, собственною властью возводить архиепископа Болгаріи въ достоинство Болгарскаго патріарха, утверждая престолъ его въ Преславѣ. Въ 927 г. сынъ Симеона, Петръ, женился на внучкѣ императора Романа II, и Византія, старавшаяся тогда задобрить въ свою пользу могущественныхъ болгарскихъ царей, признала патріархомъ архиепископа Болгарскаго Даміана, но преемниковъ сего послѣдняго Греки не хотѣли уже признавать патріархами. Архиепископская кафедра переносилась послѣдовательно изъ Преславы и Доростола въ Софию, Водину, Преспу и Охриду, слѣдя за столицей Болгарскаго царства, а иногда просто вслѣдствіе необходимости искать безопаснаго мѣста отъ раздиравшихъ тогда Болгарію войны. Такъ какъ въ 971 г. Цимисхій завоевалъ Балканскую Болгарію, то преемникъ Даміана, Гавріиль, завѣдывалъ только македонско-албанской частью Болгаріи по Софию и Видинъ включительно, утративъ прибалканскія епархіи, состоявшія изъ Преславской съ городомъ Преславою, нынѣшнимъ Эскистамбуломъ, Доростольской или Дристрской съ городомъ Доростолемъ, нынѣшнею Силистрею, Проватской съ городомъ Провада, Дебельтской или Запорской съ городомъ Дебельтомъ, верстахъ въ 20 къ западу отъ Бургаса, и Брегалницкой съ городомъ Брегальница вблизи Велеса и Струмницы. При преемникѣ Гавріила, Филиппѣ, столица царства перешла въ Охриду, почему сюда была перенесена и кафедра архиепископская.

Границы Болгарской архиепископіи подвергались постоянному измѣненію, сообразуясь съ перемѣнами границъ Болгарскаго царства, то разбрасывавшагося во всѣ стороны, то терявшаго одну область за другою.

При царѣ Петре въ составъ Болгарской архиепископіи, кромѣ прибалканскихъ епархій, входили слѣдующія:

1. Охридская, съ городами Охрида, Преспа, Кичавъ и Мокръ на западъ отъ Охридскаго озера.

2. *Касторійская*, съ городами Касторія, Курестъ, Горча, Колона (Колонія-Старія), Деаволь, Вооза и Морь.
3. *Глачиницкая*, съ городами Главиница, Неаписки и Канино, близъ Авлоны.
4. *Молемская*, съ городами Могленъ (нынѣ не существующимъ, бывшымъ близъ городка Ноты), Просакъ на Вардарѣ, (нынѣ Демарк-кану), Мирихова (нынѣ Морихово), Сетена, Островъ, въ 20 верстахъ на востокъ отъ Водены и Заодрія.
5. *Битомская*, съ городами Пелагонія (нынѣ Битоль) Прильпъ, Деврета (можеть быть Деври, между Кичавой и Прильпомъ) и Велесь.
6. *Струминицкая*, съ городами Струминица, Радовичи, Конча (нынѣ деревня на ЮЗ. отъ Радовичи и на СВ. отъ Струминицы).
7. *Моровиздская*, съ городами Козникъ (нынѣ деревня на ВСВ. отъ Прильша), Славище (на Ю. отъ Враны), Злетова (на СВ. отъ Истиба), Моровизда (недалеко на Ю. отъ Злетова), Луковища (на С. отъ Злетова), Пыница (на В. отъ Злетова), Малешево (близъ горы Малешъ).
8. *Вельбуждская*, съ городами Вельбужда (на Ю. или на ЮВ. отъ Софії, можетъ быть Кюстендиль), Сунтиасъ, Германія (близъ Дубницы), Теримеръ, Стобъ (нынѣ въ развалинахъ и на З. отъ Рыльского монастыря), Ката, Сундеасъ и Разлогъ.
9. *Трайдницкая*, съ городами Софія, Перникъ (крѣпость на Ю. отъ Софії по дорогѣ въ Филиппополь). Сикновость (можеть быть Самоковъ) и Свенеапость.
10. *Нишская*, съ городами Нишъ, Мокръ, Комплось, Топлица (на р. Топлицѣ) Сверличъ (на р. Тимокѣ къ СВ. отъ Ниша).
11. *Вранницкая*, съ городами Вранница (вѣроятно Бранничево, при впаденіи Млавы въ Дунай), Моровискось (при впаденіи Моравы въ Дунай), Свентеромосъ (вѣроятно Семендрія), Гrotосъ, Дивисискось, Истрагланга, Вродарискось.

12. *Бѣлградская*, съ городами Бѣлградъ (нынѣ Берать), Градище (въ 30 верстахъ на Ю. отъ Берата), Омцость, Главентинъ и Бѣлая Церковь.

13. *Трамская*.

14. *Скопійская*, съ городами Скопія, Винетцісъ, Преаморѣсть, Ликова и Приниость.

15. *Приштинская*, съ городами Приштина, Хоснѣсть (нынѣ Хвостно, на З. отъ Приштины), Леаскулицось (нынѣ Іѣсковашъ), Врантось (можетъ быть Враны).

16. *Липенійская*, съ городомъ Липеній (вѣроятно Митровица).

17. *Сервійская*, съ городомъ Сервія.

18. *Виддинская*, съ городомъ Виддиномъ.

19. *Орейская*, съ городомъ Орея (близъ Чупрія).

20. *Черникская*, съ городомъ Черникъ (въ средней или сѣверной Албаніи).

21. *Химерская*, съ городомъ Химара (въ южной Албаніи, на берегу Адріатики, немного выше Корфу).

22. *Адріанопольская*, съ городомъ Адріанополемъ.

23. *Дринопольская*, съ городомъ Дринополемъ (недалеко отъ Аргирокастро).

24. *Бутротская*, съ городомъ Бутротъ (въ южной Албаніи, на берегу Адріатики).

25. *Козилская*, съ городомъ Козиль (близъ Химары).

26. *Янинская*, съ городомъ Янина.

27. *Петрская*, съ городомъ Петра (между городами Влашколивадо и Катерина).

28. *Стаянская* или *Стагонская*, съ городомъ Стагъ (нынѣ Стайкалаабакъ, въ средній Фессаліи, у горъ Метеорскихъ).

29. *Веррійская*, съ городомъ Веррія.

Затѣмъ, кромѣ этихъ епархій, въ составѣ архієпискожії входили въ теченіе иѣкотораго времени еще слѣдующія епархіи:

Моравская, съ городомъ Морава (при впаденіи Моравы въ Дунай).

Дебрская, съ городомъ Дибра (нынѣ каюедра эта въ Кичевѣ).

Малешовская, съ городомъ Малешево (см. выше).

Гревенская, съ городомъ Гревена (на Быстрицѣ, къ СВ. отъ Яинны).

Дѣвольская, съ городомъ Дѣволь (на Ю. отъ Охриды и на СВ. отъ Кастрої).

Расская, съ городомъ Рась (близь Новаго Базара).

Между тѣмъ Болгарское царство, сдва успѣвъ достигнуть блестящаго положенія, стало клониться къ упадку подъ вліяніемъ кореннаго порока своего государственного устройства. Сдѣлавшись государствомъ, Болгары сохранили инстинкты кочевниковъ и, не переставая вести войны съ Византіей, руководились лишь стремленіемъ расширить предѣлы царства временными захватами городовъ и территорій, нисколько не помышляя о прочномъ органическомъ скрѣпленіи ихъ съ государствомъ: страсть къ временными успѣхами заставила Болгаръ разбрасывать и непроизводительно тратить свои силы, препятствуя въ то же время правильному, здоровому росту государственного организма. Въ минуту испытанія обнаруживается полное отсутствіе единства въ этомъ обширномъ государствѣ, многоразличные элементы которого оказываются вовсе чуждыми другъ другу. Благодаря стремленію къ захватамъ, Болгарія, съ одной стороны, потеряла государственную устойчивость, а съ другой, посыла сѣмена вражды въ соѣднѣхъ славянскихъ племенахъ Сербовъ и Хорватовъ, отголоски которой сохранились и до настоящаго времени въ тѣхъ неправильныхъ отношеніяхъ, основанныхъ на враждѣ и взаимной ненависти, какъ замѣты и нынѣ между славянскими племенами Балканскаго полуострова.

Впрочемъ, нельзя не признать, что существованіе пропасти между этими послѣдними многимъ обязано разъединяющему вліянію византізма, внесшему въ Болгарское царство ничѣмъ неизлечимую деморализацію. Предательство, измѣна, самый мелочнай эгоизмъ, отчужденіе народа отъ правящихъ классовъ, охваченныхъ грекоманіей и считавшихъ высшимъ удовлетвореніемъ

своего самолюбія бути называемими «полу-греками», всѣмъ этимъ Болгары обязаны вліянію Византії.

Ослабленное внутри, Болгарское царство рушилось въ 1019 г. подъ жестокими ударами императора Василія II Болгароистребителя.

Завоеватель, желая примирить съ собою Болгарскій народъ, оставилъ ему самостоятельную церковь и сначала предоставилъ даже самому народу выбрать себѣ архіепископа Болгарина Іоанна, котораго императоръ лишь утвердилъ въ его санѣ, но затѣмъ, какъ ловкій политикъ, Василій II принялъ мѣры къ уничтоженію внутреннаго значенія Охридской архіепископіи, которую народъ не могъ не дорожить какъ послѣднимъ остаткомъ утраченной свободы.

Независимость церкви представляется народу прежде всего въ лицѣ низшаго духовенства, вышедшаго изъ его же среды, а потому Василій II оставилъ Болгарамъ ихъ собственное приходское духовенство, чѣмъ не мало способствовалъ успокоенію завоеваннаго края подъ византійскимъ владычествомъ. Что же касается до высшаго духовенства, то Василій II въ непродолжительномъ времени назначилъ преемникомъ Іоанну епископа Льва, который и былъ первымъ архіепископомъ Охридскимъ изъ Грековъ. Затѣмъ, вѣтъ высшія мѣста въ духовной іерархіи Болгаріи стали замѣщаться епископами греческаго происхожденія. Такимъ образомъ, съ покоренія царства и до конца XII вѣка Болгарія не имѣла своей народной церкви, такъ какъ церковь ея представляла два враждебные между собою элемента,— первый, народный, состоявший изъ низшаго приходского духовенства, а второй — чуждый, къ которому принадлежали всѣ высшіе церковные сановники, съ архіепископомъ Охридскимъ во главѣ. Всѣ высшія кафедры были заняты Греками или полу-Греками, отчасти по пристрастію архіепископа, отчасти вслѣдствіе трудности, какъ утверждали Греки, пріискать въ то время въ средѣ Болгарскаго народа людей достаточно подготовленныхъ къ обязанностямъ блогитителей церковныхъ порядковъ и охранителей чистоты религіи.

Близкое къ народу, связанное съ его интересами, бѣдное и невѣжественное, отличавшееся отъ него только своею одеждой, приходское болгарское духовенство дѣйствительно не имѣло достаточно умственныхъ силъ, чтобы стать руководителемъ народа въ сфере национального его развитія. При такомъ составѣ духовенства, въ которомъ одна часть, образованная, набравшаяся изъ Грековъ, враждебно относилась къ славянской национальности, а другая — хотя и тѣсно связанныя съ народомъ, собою изъновавшая его нуждамъ, но сама невѣжественная, не только не могла направлять национальное развитіе народа, но и дать этому развитію толчокъ,—при такомъ духовенствѣ Византіи нечего было опасаться независимой болгарской церкви, и вотъ почему императоръ Василій II не счѣлъ нужнымъ посягнуть на ея самостоятельность.

Въ то время когда болгарскіе бояре, соревнуя другъ предъ другомъ въ усвоеніи византійскихъ нравовъ, проводили пріятную жизнь въ столицѣ и иныхъ большихъ городахъ имперіи, народъ пѣдными толпами убѣгалъ въ лѣса и горы, ища отвоевать себѣ национальную независимость. И вотъ въ концѣ XII вѣка образуется второе Болгарское царство.

Такъ какъ Охрида оставалась подъ властію Византіи, то основатели царства, Петръ и Асѣнь, озабочившіеся и о церковной самостоятельности, поставили архиепископскую кафедру въ Тырновѣ, около 1185 г., безъ всякаго предварительнаго о томъ соглашенія съ Константинопольскимъ патріархомъ.

Желая быть признаннымъ сосѣдями въ титулѣ короля, царь Калоянъ, будучи въ разрывѣ съ Византіей и ея патріархомъ, обратился къ другому раздавателю титуловъ, папѣ римскому, вошелъ въ сношеніе съ папою Иннокентіемъ III и въ 1204 г., признавъ его главенство, былъ вѣнчанъ королевскимъ вѣнцомъ, а архиепископъ Тырновскій былъ назначенъ примасомъ Болгаріи.

Достигши желаемаго, Болгары разорвали союзъ съ Римомъ и стали сближаться съ Византіей.

Асѣнь II, соглашаясь на бракъ дочери своей съ сыномъ

императора Иоанна Дуки Ватоцеса, поставил непременнымъ условиемъ признание Византіей Болгарского патріарха, что и было приведено въ исполненіе въ 1234 г., когда послѣ торжественного собора въ Ламисакѣ, архієпископъ Тырновскій Іоакимъ былъ призванъ Болгарскимъ патріархомъ, на что, по болгарскимъ источникамъ, было испрошено предварительное согласие патріарховъ Іерусалимскаго, Аنتіохійскаго и Александрийскаго.

Возстановленный Болгарский патріархъ имѣлъ характеръ вполнѣ народный. Какъ Тырновскій патріархъ, такъ и епископы были поставляемы исключительно изъ Болгаръ.

Наибольшее число епархій Болгарскій патріархъ имѣлъ при Асбѣнѣ II, когда въ составѣ его входили: архієпископія Охридская, митрополія Солунская со своими епіскопіями, всѣ Оракійскія епархіи Константинопольскаго патріархата, начиная съ Серской и кончая Адріанопольскою и въ нынѣшней Сербіи епархіи Браничевская и Бѣлградская. Что же касается отношеній между іерархіями Болгарскою и Греческою, то они были всегда холодными, натянутыми, а иногда переходили въ прямой разрывъ.

Междудѣль, широкимъ потокомъ разливалось по Балканскому полуострову могущество новой военной державы, сокрушившей второе Болгарское царство.

17-го июля 1393 г., со взятиемъ Тырнова, Турками былъ уничтоженъ Болгарский патріархъ и самъ патріархъ Евфимій сосланъ въ заточеніе. Въ данномъ случаѣ Турки измѣнили своей обыкновенной политики оставлять въ томъ видѣ, въ какомъ они что находили, и не вмѣшиватьсь въ духовную жизнь покоренныхъ народовъ. Поэтому то дозволительно предположить, что уничтоженіе болгарской церковной самостоятельности является скорѣе дѣломъ рукъ Константинопольской патріархіи, которая пустила въ ходъ всевозможныя средства и интриги и добилась косвенными путями отъ Турокъ закрытія Тырновской патріаршіей кафедры.

Опираясь на посохъ, вышелъ послѣдній патріархъ изъ сто-

лицы Болгарского царства. Большая толпа другихъ изгнаниковъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ съ грустью и плачомъ сопровождала его. Многіе рѣшились оставить свой домъ, чтобы раздѣлить судьбу изгнанника. Но по переходѣ черезъ Балканы послѣдовала приказъ патріарху отѣлиться отъ своихъ согражданъ, имѣвшихъ отправиться въ Малую Азію. Разставаніе было трогательное: вмѣстѣ съ этимъ изгнаникомъ улетало послѣднее дыханіе болгарской вольности; удаляющійся патріархъ представлялся имъ въ видѣ уходящей отъ нихъ свободы. Люди его провожавшіе преклонялись у ногъ его, цѣловали его руки, полы его одежды, рвали траву съ того мѣста, на которомъ онъ стоялъ, называли его отцомъ своимъ. Прощаясь, послѣдний Тырновскій патріархъ Евфимій наставлялъ Болгаръ быть твердыми въ христианской религіи, и долго еще, пока можно было видѣть его, благословлялъ народъ.

Такимъ образомъ Болгары въ 1393 г. утратили свою народную церковь, какъ ни страннымъ покажется это мнѣніе тѣмъ, которые предполагаютъ, что у Болгаръ была своя особая Церковь въ лицѣ автокефальной Охридской архиепископіи, уничтоженной лишь въ 1767 г.

Исторія Охридской архиепископіи представляетъ собою любопытный примеръ какъ, иногда, права мнѣнія оказываются живуче правъ дѣйствительныхъ.

Мы упоминали, что съ паденіемъ первого Болгарского царства архиепископія эта въ недолгій промежутокъ времени превратилась изъ болгарской въ греческую со всѣмъ высшимъ духовенствомъ изъ Грековъ.

Если до восстановленія втораго царства она, если не de facto, то de jure, представляла церковь бывшаго Болгарского царства, то съ этимъ событиемъ она окончательно утратила всякое основаніе. Почему же она продолжала быть автокефальною?

Дѣло въ томъ, что лица, заинтересованныя въ сохраненіи автокефальности Охридской архиепископіи, придумали въ концѣ XII в., что Охрида и есть то селеніе Таврезій, гдѣ родился им-

ператоръ Юстинианъ и на мѣстѣ котораго онъ построилъ великолѣпный городъ Первую Юстиниану, учредивъ въ то же время автокефальную архиепископію Первой Юстинианы и даровавъ главѣ этой послѣдней особо важныя права и преримущества, и что слѣдовательно архиепископія Охридская, какъ архиепископія Юстинианы Первой должна существовать какъ учрежденная однимъ изъ древнихъ императоровъ.

Но сходство границъ Охридской архиепископіи съ архиепископіей Первой Юстинианы только случайное. По послѣднімъ изысканіямъ, Таврэзій былъ на мѣстѣ нынѣшняго Кюстендія; самый городъ Первая Юстиниана былъ разрушенъ въ VI столѣтіи Аварами, и автокефалія ея уничтожилась само собою, по крайней мѣрѣ въ 691 г. VI вселенскій соборъ, утвердивъ преримущества престоловъ Константинопольскаго, Александрійскаго, Антиохійскаго, Іерусалимскаго и архиепископа Кириллова, ни однимъ словомъ не поминаетъ обѣ архиепископіи Юстинианы Первой.

Отъ Грековъ Охридской архиепископія переходила, затѣмъ, къ государямъ Болгаріи и Сербіи, но и они, уважая права предполагавшейся Первой Юстинианы, не дерзали посягать на ея самостоятельность.

Мысль обѣ уничтоженій Охридской автокефаліи, впрочемъ, не исчезала. Первые попытки Константинопольскихъ патріарховъ подчинить себѣ Охридскую архиепископію были неудачны. Пока существовала Византія, ее охраняло благоговѣніе къ памяти Юстиниана. По взятію Константинополя обаяніе исчезло, но Турки, во первыхъ, любили оставлять дѣла въ томъ положеніи, въ какомъ ихъ заставали, во вторыхъ, съ архиепископовъ они получали ту же подать, что и съ патріарховъ Константинопольскихъ, а слѣдовательно имъ пріятнѣ было получать двѣ подати вмѣсто одной и, наконецъ, мѣстные турецкіе чиновники, принимая рѣшительное участіе въ выборахъ архиепископа и епископовъ, и имѣли благодаря тому источникъ постояннаго дохода, а потому и были предъ Портой самыми горячими защитниками автоке-

фалії архієпископії. Лишь въ XVIII столѣтії, когда греки пріобрѣли большое влияние въ Портѣ, захвативъ въ свои руки важное въ то время мѣсто первого драгомана, и когда князей Молдавіи и Валахіи стали назначать исключительно изъ фанаріотовъ, лишь тогда Греки смогли, при известномъ своею ученоностью, твердостью характера и дипломатическими и административными способностями патріархъ Самуилъ I, подчинить себѣ, въ 1767 г., архієпископію Охридскую. Архієпископъ Охридскій Арсений вынужденъ былъ самъ съ подчиненными ему епископами просить о принятіи введенной ему архієпископіи подъ власть Константинопольского патріарха. 16 января архієпископъ Арсений подписаль отреченную грамоту и все подчиненные ему епископы отъ всего своего собора подали Турецкому правительству прошьбу, въ которой, указывая на крайне бѣдственное положеніе дѣлъ въ ихъ автокефальной архієпископіи, умоляли присоединить ебъ къ церковному округу Константинопольского патріарха въ надеждѣ, что подъ управлениемъ вселенского первосвятителя состояніе ея улучшится.

Итакъ, духовенство Охридской архієпископії, отставая права свои на автокефалию, умышленно забывало, что эта архієпископія была, собственно говоря, Преславская, перенесенная въ Охриду при переходѣ въ этотъ городъ столицы Болгарскаго царства и утратившая свои права на существование съ учрежденіемъ Тырновскаго патріархата.

Съ другой стороны, совершенно неправы Болгары, утверждая, что въ 1767 г. была уничтожена самостоятельная Болгарская Церковь. Охридская архієпископія съ паденiemъ первого болгарскаго царства перестала быть народною Болгарскою Церковью, обратившись въ совершенно греческую. Положительно и достовѣрно известно, что, начиная съ 1019 г. по 1767 г., все архієпископы Охридскіе, за исключенiemъ утвержденного Василиемъ II Иоанна и архієпископовъ времени Асения II, постоянно были изъ Грековъ, а не изъ Болгаръ. Въ послѣдній періодъ при владычествѣ Турокъ, Охридскій престолъ занимали иногда Бол-

гары или Сербы, но это были единицы, мелькавшие между десятками Грековъ. Къ тому же архиепископы эти, по всей вѣроятности, были изъ Болгаръ огнечившихся, такъ какъ при постоянномъ рѣшительномъ преобладаніи на кафедрахъ діоцеза архіереевъ Грековъ могли добиваться отъ нихъ избрания въ архиепископы только Болгары эллинофизы.

Изъ всего этого, по моему мнѣнію, достаточно ясно вытекаетъ, насколько неосновательны увѣреія Болгаръ, что патріархъ Константинопольскій Самуилъ уничтожилъ собственную властью самостоятельную Болгарскую Церковь, тогда какъ изъ дѣйствительности онъ подчинилъ себѣ одну изъ внутреннихъ епархій Константинопольского патріархата, долгое время пользующуюся автокефалиею, благодаря вымышленнымъ правамъ ея на наследство Архиепископіи Юстиніаны Первой.

Въ этотъ періодъ архиепископія представляла печальное зрѣлице непрерывнаго дѣйствія интригъ и подкуповъ и непрестанной смѣны однихъ искателей престола другими; если добавить, что между послѣдними пятеро ходили въ XVII ст. къ римскому папѣ торговать своею вѣрою, то внутреннее состояніе Охридской архиепископіи будетъ обрисовано достаточно яркими чертами.

II.

Черными чертами изображеній въ Греческихъ лѣтописяхъ 1453 годъ, когда палъ Константинополь, когда рушилась Византійская имперія, уступивъ мѣсто ордѣ завоевателей, воинственному братству Ислама.

Греки смотрѣли на себя какъ на законныхъ владѣтелей Балканскаго полуострова и Азіатскихъ земель Византійской имперіи. Царьградъ былъ центромъ ихъ могущества, ихъ религіи, ихъ цивилизаціи, ихъ обширнаго владычества. Какъ лучи отъ солнца, распространялись они отъ этого города по Европѣ и Азіи и все, что не было греческимъ, называлось варварскимъ. Взятие Константинополя произвело общее ощущеніе. Несчастіе это пора-

жало всѣ древнія области Византійскаго царства. Въ Морѣ, на островахъ Архипелага, все бѣжало, не зная куда направить свои стопы. Море было покрыто судами, увозившими греческія семейства, греческія богатства. Бѣгство это, по словамъ Альфонсіевъ, походило на бѣгство Евреевъ послѣ взятія Йерусалима. Но вскорѣ тотъ самый завоеватель, имя котораго наводило всеобщій ужасъ пригласилъ разсѣянныхъ Грековъ возвратиться въ Царьградъ, обѣщая имъ неприкословенность ихъ имущества и свободное отправленіе ими ихъ религіи. Онъ пошелъ даже дальше на пути своихъ уступокъ и милостей побѣжденнымъ: онъ созвалъ всѣхъ духовныхъ и мірянъ, какіе только были въ Константиноіполѣ, для избрания патріарха по древнимъ обычаямъ. Магометъ II личнѣ присутствовалъ при церемоніи, пожаловалъ вновь избранному патріарху настырскій жезль, освященный брилліантами, и передалъ ему знаменитый берать (грамоту), не только подтверждавшій, но даже увеличивающій права и преимущества, которыми онъ пользовался при византійскихъ императорахъ.

Тотъ же берать опредѣлилъ условія политическаго существованія Грековъ подъ владычествомъ султановъ.

Они сохранили за собою свои церкви, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ, право свободнаго богослуженія и самоуправленія, образуя изъ себя такимъ образомъ обширную и совершенно отличную отъ завоевателей общину, во главѣ которой находится патріархъ съ своимъ синодомъ. Всѣ дѣла гражданскія и бракоразводныя вѣдались судомъ, составленнымъ изъ высшихъ духовныхъ сановниковъ, который могъ приговаривать виновныхъ къ тюремному заключенію, къ наказанію палками, къ галерамъ и т. п. Всѣ высшія турецкія власти обязаны были содѣствовать приведенію въ исполненіе решеній патріарха, равно какъ и епархиальныхъ епископовъ.

Синодъ былъ верховнымъ совѣтомъ Грековъ: онъ управлялъ доходами церкви и народа. Каждый архіерей въ своей епархіи имѣлъ такія же права и, наконецъ, приходскіе священники вѣдали всѣ гражданскія дѣла своихъ прихожанъ.

Кромъ того, каждая община народа, образованного Турками изъ христіанъ подъ общимъ наименованіемъ *румъ миллети* имѣла свое самоуправлѣніе, причемъ правиція ею лица, выборный отъ общины, главною своею обязанностью имѣли раскладку между жителями государственныхъ налоговыхъ.

Но не одни Греки были подчинены братомъ Магомета II Константионопольскому патріарху. Не дѣлая никакого различія между народностями, подавшими ихъ власти, Турки подчинили духовной и свѣтской власти патріарха всѣхъ исповѣдывавшихъ православную вѣру. Слѣдствіемъ такого порядка было то, что рядомъ съ чисто военною властью султана возникла въ Константинополѣ другая законная власть, обнимавшая всю имперію и которая, кромъ духовной власти, имѣла еще и судебную.

При такомъ неожиданномъ поворотѣ дѣль, воскресли надежды Грековъ и возникла ихъ «великая идея», состоящая въ томъ, чтобы земленизацией народовъ Балканского полуострова способствовать приливу новыхъ живительныхъ соковъ въ иѣсколько ослабѣвшее духовно племя Грековъ, изгнать затѣмъ изъ Европы Турокъ и на развалинахъ мусульманского государства основать сильную Греческую имперію, которая и объединила бы всѣ национальности полуострова.

Понятно, что при такой постановкѣ вопроса Греки съ венавистью должны были относиться ко вскому народу, который могъ бы явиться опаснымъ противникомъ въ осуществлѣніи завѣтныхъ ихъ мечтаній.

Болгары, издавна оспаривавшиѣ у Византіи владычество надъ Балканскимъ полуостровомъ, были именно такимъ противникомъ, а потому очень естественно, что патріархъ, какъ представитель греческой идеи, напрягъ всѣ свои усилия къ уничтоженію болгарской народности.

Сознавая свое бессиліе противопоставить материальныя средства развитію болгарской народности, Греки избрали религию тѣмъ духовнымъ орудіемъ, при помощи котораго они надѣялись затормазить ходъ національнаго самосознанія народа.

Борьба для патриарховъ Константинопольскихъ тѣмъ была легче, что положеніе ихъ по отношенію къ Туркамъ все болѣе укрѣплялось. Хотя Восточная православная Церковь, сообразуясь съ апостольскими правилами, признаетъ полную церковную независимость каждого патриархата другъ отъ друга относительно юрисдикціи правъ, тѣмъ не менѣе, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ предъ Турками, вселенскіе патриархи, кромѣ многихъ примѣровъ вѣшательства во внутреннія дѣла другихъ патриаршествъ, сумѣли стать къ послѣднію въ какія то начальственныя отношенія.

Сначала патриархи вселенскіе оправдывали пополненія свои на прямое вѣшательство въ дѣла неподвѣдомыхъ имъ церквей законами Византійскихъ императоровъ Льва и Константина, институтами, лагестами и новеллами Юстиніана Великаго, въ которыхъ есть намеки о первенствующемъ значеніи вселенскаго патриарха не только по почету, но и въ дѣлахъ церковныхъ.

Вотъ краткая выборка изъ этихъ постановленій о патриархахъ:

«Константинопольскій престолъ (патриаршій), по важности царскаго пребыванія, сподалѣнными постановленіями признанъ первымъ. Согласно съ смирѣ и божественные (церковные) законы предписываютъ, чтобы споры (или недоразумѣнія), бывающіе въ другихъ патриаршествахъ относныы были къ его разбирательству и сужденію.

«Управление всѣми митрополіями, епархіями, монастырями и церквами и попеченіе о нихъ, равно и судъ, осужденіе или оправданіе, предоставлены ихъ собственному патриарху; Константинопольскому же предѣдателю позволено и въ епархіяхъ другихъ престоловъ давать ставроигії тамъ, где не было прежде освященія храма; равнымъ образомъ разматривать и исправлять бывающіе у другихъ престоловъ споры (или недоразумѣнія) и оканчивать судъ».

Затѣмъ, когда царь Алексѣй Михайловичъ послалъ въ Константинополь іеродіакона Мелетія съ вопросами какъ поступить съ патриархомъ Никономъ по его беззаконностямъ, вселенскій

патріархъ отвѣчалъ, между прочимъ, что на Никона можетъ быть подана жалоба престолу Константинопольскому и что право верховнаго суда хотя дано лишь римскому папѣ, но такъ какъ послѣдній, по своей гордости и злонамѣренности, отлученъ отъ кафолической церкви, то означенное право перенесено къ патріарху Константинопольскому, какъ патріарху новаго Рима.

Что же касается Турокъ, то при паденіи Византіи они имѣли очень смутное понятіе о патріархахъ Александрийскомъ, Іерусалимскомъ и Антіохійскомъ. Лишь по завоеваніи Сиріи, Палестины и Египта султаномъ Селимомъ I, турецкое правительство было вынуждено опредѣлить положеніе Антіохійской, Іерусалимской и Александрийской патріархій по отношенію къ новой политической власти. При этомъ, посредникомъ между ними и Портой явился вселенский патріархъ, успѣвшій заслужить довѣріе турецкаго правительства и ставшій уже твердою погодой на почвѣ главнаго блюстителя интересовъ Восточной церкви, благодаря чему ему и удалось закрыть за собой исключительное право, коимъ онъ пользуется и до настоящаго времени, обращаться въ Порту съ представленіями для истребованія султанскихъ береговъ на признаніе въ своеемъ санѣ патріарховъ Антіохійскихъ, Іерусалимскихъ и Александрийскихъ.

Пользуясь такимъ завиднымъ положеніемъ даже по отношенію къ другимъ независимымъ восточнымъ церквамъ, Константинопольскій патріархъ съ тѣмъ болѣе легкостью могъ наложить свою руку на Болгарскій народъ. Какъ единственный посредникъ между турецкимъ правительствомъ и подвластными ему христіанскими народами Балканского полуострова, онъ имѣлъ полную возможность убѣдить Порту и султана, что попытка возстановленія Тырновскаго патріархата, если таковая и была дѣлана, есть результатъ своею рукою руководящей партіи Болгарскаго народа и представляетъ собою стремленіе къ церковному расколу, который при дальнѣйшемъ своемъ существованіи можетъ вызвать непріятныи и для правительства политическія послѣдствія.

Чтобы народъ сознавалъ себя единимъ, живымъ, пылымъ, словоэъ, народомъ, необходимо, чтобы онъ имѣлъ для себя одинъ общий центръ, одно общее знамя, его объединяющее. Утративъ вмѣстѣ съ царствомъ и патріаршество, Болгары потеряли свой связующій центръ и не имѣя никакого органа, чрезъ который могли бы быть высказываемы народныи нужды и желанія, они перестали сознавать себя единимъ народомъ подъ своимъ общенароднымъ верховнымъ паствыремъ и совершило подчинились вліянію греческому. Фанаріотекіе епископы, заручившись поддержкой турецкаго правительства, сдѣлались полновластными хозяевами въ болгарскихъ епархіяхъ: славянское богослуженіе стало мало по малу замыняться греческимъ, во всѣхъ значительныхъ городахъ были открыты эллинскія училища, преподаваніе болгарскаго языка повсемѣстно преслѣдовалось. Въ то же время тяжко легъ на Болгаръ гнетъ материальный. Греческіе епископы приобрѣтали во вселенскомъ патріархатѣ покупкой ту или другую болгарскую епархію и, разумѣется, возвращали себѣ уплаченныи деньги усиленными поборами со своей же паствы, которая равнымъ образомъ должна была содѣйствовать образованію капитала епископу на черный день, на день смыщенія съ кафедры—случайность тѣмъ болѣе частая, чѣмъ данная епархія бывала выгоднѣ.

Фанаріоты стремились стереть болгарскую народность съ лица земли не мечомъ, который перешель къ Туркамъ, а путемъ духовнаго порабощенія народа, путемъ его обезличенія, для чего постарались уничтожить всѣ памятники, которые могли бы способствовать пробужденію болгарскаго самосознанія. Въ подтвержденіе этого мнѣнія достаточно привести нѣсколько примѣровъ изъ нынѣшняго столѣтія.

Въ 1823 г. Софійскій митрополитъ Іоакимъ, узнавъ, что въ одной изъ деревень близъ Берковицы хранятся древніе болгарскіе сборники и изображенія святыхъ, приказалъ крестьянамъ сжечь или зарыть въ землю всѣ эти предметы, угрожая, что въ противномъ случаѣ онъ не вступить къ нимъ въ де-

ревию. Желание его было исполнено, и лишь три рукописи были случайно спасены мѣстнымъ священникомъ, Болгариномъ родомъ.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ въ Зографской обители на Аѳонѣ масса славянскихъ рукописей была истреблена и брошена въ море; въ Ватопедскомъ монастырѣ ими топили хлѣбныя печи, тоже дѣлали Серескій монастырь и игуменъ монастыря св. Наума, Дюнисій.

Въ сороковыхъ годахъ, Шуменскій епископъ при освященіи церкви въ Тигѣ приказалъ зарыть въ яму древнія болгарскія рукописи; тоже сдѣлано съ рукописями, найденными въ Эски-Загрѣ.

Въ Тырновѣ митрополитъ Неофитъ велѣлъ скжечь всѣ найденные имъ болгарскія рукописи до XIV ст. Но такъ какъ пѣ-которые рукописи спаслись отъ участія, постигшей большую ихъ часть, и то случайно, то новый митрополитъ Илларіонъ, открывъ секретное книгохранилище, гдѣ находились эти остатки болгарской письменности, скжегъ ихъ, тщательно выбравъ предварительно греческія рукописи.

Подъ удручающимъ вліяніемъ фанаріотовъ и Турокъ заглохъ Болгарскій народъ и навсегда, казалось, отрекся отъ мысли о лучшей политической будущности, тѣмъ болѣе, что и всѣ высшіе его слои или были истреблены завоевателями, или же перешли на сторону Грековъ. Но сознаніе о своей народности сохранилось въ темной массѣ Болгаръ, и идея свободы отличалась такою живучестью, что никакія казни не могли подавить ее въ конецъ. Даже 500-лѣтнее турецкое владычество оказалось безсильнымъ въ борьбѣ съ этой идеей, которая при всей подавленности Болгарскаго народа давала о себѣ знать отдѣльными взрывами восстаний.

III.

Обративъ все свое вниманіе, всѣ свои заботы на военное устройство государства, Турки пренебрегли другими сторонами государственной жизни и въ среду разноцеменныхъ подвласт-

ныхъ имъ народъ не внесли твердаго начала политического общежитія; они не сплотили эти народы, не захотѣвъ ломать себѣ головы надъ созданіемъ для нихъ новыхъ формъ, при которыхъ они сознавали бы себя гражданами одного и того же государства, связанными между собою общими интересами. Турки поставили въ Европѣ свой военный станъ и были очень довольны, что при посредствѣ его могли поддерживать механическую связь между завоеванными ими народами. Болгары, Греки, Сербы и пр. и послѣ завоеванія ихъ Турками продолжали жить своею особливою народною жизнью и, конечно, должны были предъявить свои требования на самостоятельность при малѣшьемъ ослабленіи той военной силы, которая держала ихъ въ искусственномъ соединеніи.

Попытки мятежныхъ нашей къ политической автономіи, имѣвшія нерѣдко времененный успѣхъ, оказали громадное вліяніе на отношенія христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова къ турецкому владычеству. Они раскрыли предъ христіанами слабость его и расшатанность и въ сознаніи ихъ утвердили мысль о возможности борьбы за независимость; они послужили школой, въ которой христіане пріучились драться съ Турками, такъ какъ инсуррекціонные отряды нашей набирались не только изъ мусульманъ, но и изъ христіанъ, причемъ на религію обращалось столь мало вниманія, что Али-паша Тешебенскій, заключая союзъ съ христіанскими племенами Албаніи, клялся надъ Евангеліемъ, а тѣ надъ Кораномъ.

Первые христіанскія восстанія имѣли характеръ отдѣльныхъ попытокъ; недоставало общей точно опредѣленной идеи въ средѣ этихъ отдѣльныхъ шаекъ, которыхъ, преслѣдуя частныя злоупотребленія, вовсе не ставили вопроса о годности системы турецкаго владычества. Внѣшнія события обобщили ихъ. Эти событія сводятся главнымъ образомъ къ австро-рускимъ отношеніямъ къ Турціи.

Россія и Австрія, стремясь къ турецкимъ морямъ, нашли удобнымъ для себя пользоваться броженіемъ общественныхъ

элементовъ Турціи, замѣтное развитіе котораго началось съ XVIII столѣтія.

Несмотря на свою отдаленность и отрѣзанность отъ Турціи, издавна начались спошениа православной Россіи съ восточными патріархами, ограничивавшіяся сначала просьбами этихъ послѣднихъ о денежной помощи угнетаемымъ христіанамъ; но къ нимъ скоро стали примѣшиваться надежды иного рода, выставляемія Московскіхъ царей какъ государей всѣхъ православныхъ. Подобная отношенія не могли не правиться Московскімъ государямъ, такъ какъ увеличивали ихъ значеніе, и потому они принимали очень благосклонно обращенія и просьбы патріарховъ, стараясь помочь имъ деньгами и соболями и явно высказывая свое къ нимъ сочувствіе и увѣренность въ скорой перемѣнѣ ихъ пригнѣтеніаго положенія.

Въ 1557 г. царь Иванъ Васильевичъ Грозный пишетъ грамоту патріарху Іоасафу съ просьбой о благословеніи его на царское вѣчаніе и въ концѣ говорить: «И мы желательно желаемъ, дабы и Вы отъ Бога получили милость, какъ чашу исполненную растворенія, и избавились во дни сіи отъ томительства богохульныхъ, и мы, о томъ услышавъ, возрадуемся и принесемъ побѣдную пѣснь Богу, во славу и честь Его имени».

Соборная грамота вселенскаго патріарха 1561 года признаетъ царскій титулъ Ивана Васильевича и называетъ его «государемъ нашимъ». Въ другой грамотѣ они называютъ его «царемъ и государемъ православныхъ христіанъ всей вселенной отъ востока до запада и до океана, надеждою и упованіемъ всѣхъ родовъ христіанскихъ; мы же воздвигши руки молимъ Всевышнаго да возвыситъ онъ руку царя и да избавить по-всюду всѣ христіанскіе роды отъ скверныхъ варваръ, сыроядцевъ и страшныхъ язычниковъ Агарянъ».

Первое письменное спошение Московскіхъ царей непосредственно съ Болгаріей, упоминаемое въ лѣтописи, это двѣ проѣзжія грамоты, данныя въ 1558 г. царемъ Иваномъ Грознымъ старцамъ Рильскаго монастыря св. Иоанна для сбора милостыніи по Россіи.

Съ теченіемъ времени патріархи вселенскіе уже прямо приглашаютъ русскихъ государей ко вмѣшательству въ турецкія дѣла.

Въ 1688 г. патріархъ Константионопольскій пишеть царямъ Петру и Ioanni Алексѣевичамъ: «всякія государства и власти благочестивыхъ королей и князей православныхъ всѣ вѣбѣтъ возстали на антихриста, воюютъ на него сухимъ путемъ и моремъ, а царство ваше дремлетъ. Всѣ благочестивые святаго нашего царствія ожидаютъ, Сербы и Болгары, Молдаване и Валахи; возстаньте, не дремлите, придите спаси насть.»

Въ то же время господарь Валахскій Кантакузень и патріархъ Сербскій Арсений говорить: «и будетъ путь русскихъ до Царьграда безъ помѣшки.» Государи отвѣчали, что сначала надо съ Крымомъ покончить, а потомъ уже думать о походѣ за Дунай, но что и «они имѣютъ о всѣхъ православныхъ христіанахъ, живущихъ подъ игомъ поганскімъ, попеченіе неотмѣнное».

Не довольствуясь упраниванными, восточные ёпархи въ грамотахъ своихъ къ Московскому царю прибѣгали даже къ насмѣшкамъ, чтобы побудить ихъ на войну съ Турками. Такъ, Йерусалимскій патріархъ Досиоей пишеть въ 1696 г. по тому поводу, что русские не сдержали Татаръ: «Турки за то никакой благодарности вамъ не воздаютъ, потому что, думать надобно, доброта ваша отъ неразумія... Теперь такое благополучное время, и вы не радѣете... вѣсь ни во что ставить, смотрите какъ сѣбѣются надъ вами, ко всѣмъ государямъ посланы грамоты, что воцарился новый султанъ, а къ вамъ не пишутъ ничего. Татары—горсть людей и хвалятся, что беруть у васъ дань, а такъ какъ Татары турецкіе подданные, то выходитъ, что и вы турецкіе подданные. Много разъ вы хвастались, что хотите сѣбѣлать и то, и другое, и все оканчивалось одними словами, а дѣла не явилось никакого».

Нѣсколько уже окрѣпшая Россія съ XVIII ст. открыто принимаетъ на себя роль защитницы православныхъ христіанъ въ Турціи, безъ различія ихъ народностей, и съ тѣго времени начинается рядъ сильныхъ ударовъ, наносимыхъ одряхлѣвшей имперіей Османисовъ.

Понятія о различії національностей Балканскаго полуострова были очень смутны у Московскихъ царей и сливались въ одноть общемъ имени православныхъ, и это то имя написала Россія на своихъ знаменахъ. Ярко горбль тогда на Балканскомъ полуостровѣ крестъ православія и быть тѣмъ лучезарнымъ маякомъ, который блескомъ своимъ скрывать всѣ племенныя различія и на свѣтъ которого потянулись изъ Россіи ряды защитниковъ.

Начиная въ 1711 г. войну съ Турками, Петръ I, дабы поднять христіанъ Адріатическаго побережья, посыпаетъ Милорадовича съ воззваніемъ, въ которомъ приглашаетъ всѣхъ на войну за вѣру и оканчиваетъ: «ибо мы себѣ иной славы не желаемъ, токмо да возможемъ тамошніе христіанскіе народы отъ тиранства ноганскаго освободить, православныя церкви тамо украсить и животворящій Крестъ возвысить. Итакъ, если будетъ всякий во возможности трудиться и за вѣру воевать, то имя Христово прославится наявъше и ноганина Магомета наслѣдники будутъ проганы въ старое ихъ отчество пески и стени арабскіе». Хотя Прутскій походъ и кончился неудачей, тѣмъ не менѣе война имѣла огромное значеніе; благодаря ей, увеличилось связи, соединившія русскихъ съ христіанами Балканскаго полуострова. Они имѣли случай взаимно погрататься оружіемъ, такъ какъ Сербы, Черногорцы, Молдаване и Валахи сотнями вступали въ русскую армію.

Больѣ близкое знакомство съ христіанскими народами Балканскаго полуострова открыло русскимъ глаза на многіе недостатки этихъ послѣднихъ. Въ этомъ отношеніи любопытны донесенія Вешнякова и гр. Орлова.

Первый изъ нихъ, бывший нашимъ посланникомъ въ Царьградѣ, пишетъ въ 1735 г., побуждая къ продолженію войны противъ Татару: «такъ какъ теперь самое полезное время не только къ сломленію звѣрской гордости, но и къ окончательному испроверженію всего этого беззаконнаго союза», и затѣмъ: «здѣшніе константинопольскіе Греки большую частью бездѣльники, ни вѣры, ни закона, ни чести не имѣющіе, ихъ главный интересъ—деньги, и ненавидятъ насть больше самихъ Турокъ, но

Греки областные и еще больше Болгары, Валахи, Молдаване и другие такъ сильно заботятся объ избавлениі своемъ отъ турецкаго тирания и такъ сильно преданы Россіи, что при первомъ случаѣ жизни не пожалѣютъ для В. И. В., какъ упомянутой избавительницы».

Графъ же Орловъ, въ 1770 г., во время Морейской экспедиціи, не щадить красокъ для очерненія и областныхъ Грековъ, расхваленныхъ Вешниковымъ: «здѣшніе народы, говорить онъ, льстивы, обманчивы, непостоянны, дерзки и трусливы, лакомы къ деньгамъ и добычѣ, такъ что ничто удержать не можетъ ихъ къ сему стремлѣнію. Легковѣrie и вѣтреность, трепетъ отъ имени Туровъ суть не изъ послѣднихъ также качествъ нашихъ единовѣрцевъ. Законъ исповѣдуютъ единими только устами, не имѣя ни слабаго начертанія въ сердцѣ добродѣтели христіанскія. Привыкли жизнь вести въ распутствѣ (т. е. распущенности), ненавидящіе всякаго порядка и не зная какимъ способомъ приступить къ оному, пребывають ежеминутно въ смятѣніи духа. Рабство и узы нравленія турецкаго, на нихъ наложенные, въ которыхъ они родились и выросли, также и грубое невѣжество обладасть ими».

Несмотря на такие отзывы, сознаніе собственныхъ выгодъ и желаніе защитить православіе побуждали Россію сплачивать христіанскіе народы Турціи, слишкомъ слабые, чтобы дѣйствовать самостоительно, въ одно цѣлое, прикрытое знаменемъ православія. Въ наказѣ Екатерины II графу Орлову при отправлѣніи въ Морейскую экспедицію говорится: «Да будетъ первымъ верховнымъ вашимъ посеченіемъ приводить всѣ тамошніе народы или большую ихъ часть въ тѣсное между собою единомысліе и согласіе видовъ и привести ихъ къ яснѣмъ убѣжденіямъ собственно ихъ взаимной пользы и надеждой общаго всѣхъ освобожденія отъ несноснаго ига невѣрныхъ, особенно же равною всѣхъ православныхъ христіанъ обязанностью защищать св. церковь и самое благочестіе».

Въ то же время графъ Орловъ долженъ былъ распростран-

нить слѣдующее воззвание, въ которомъ уже просвѣчиваєтъ желаніе Россіи побудить не только Грековъ, но и Славянъ къ возвращенію ихъ былой независимости.

«Божію милостью мы, Екатерина II и пр., объявляемъ всѣмъ греческимъ и славянскимъ народамъ православнаго исповѣданія какъ на твердой землѣ, такъ и на островахъ Архипелага обитающимъ. Крайняго сожалѣнія достойно состояніе древностию и благочестіемъ знаменитыхъ сихъ народовъ, въ какомъ они нынѣ находятся подъ игомъ Порты Оттоманской. Свойственный Туркамъ лютость и ненависть ихъ ко христіанству, закономъ магометанскому преданная, стремится совокупно ввергать въ бездину злоключеній въ разсужденіи души и тѣла христіанъ, живущихъ не только въ подданствѣ и порабощеніи ихъ, но и въ сосѣдствѣ уже, ибо злочестіе Агарянъ, не зная другаго себѣ обузданія кромѣ страха, не находило по сю пору никакого. Порта Оттоманская, по обыкновеніи ей злобѣ къ православной церкви нашей, видя старанія, употребляемыя за вѣру и законъ нашъ, который мы тщились въ Польшѣ привести въ утвержденія трактатами древнія его преимущества, кои по временамъ у него насилию похищены были, дыша мщѣніемъ, презрѣть всѣ права народныя и самую истину, за то только одно, по свойственному ей вѣроломству, разруша заключенный съ нашою Имперіею вѣчный миръ, начала несправедливѣйшую и безо всякой законной причины противу насъ войну и тѣмъ убѣдила и насъ нынѣ употребить дарованное намъ отъ Бога оружіе. И сіе есть то самое время, въ которое христіане подъ игомъ ея стенище еще большее почувствуютъ угнетеніе. Сообразя горестное благочестивыхъ сыновъ церкви Божіей состояніе, приемлемъ мы пынѣ въ всемилостивѣйшее разсужденіе и желаемъ сколько возможно избавленію ихъ и отрадѣ споспѣшствовать. Остается только, чтобы при производимыхъ нашими арміями военныхъ дѣйствіяхъ и они сами содѣйствовать потщились. Увѣщаю всѣхъ ихъ вообще и каждого особенно, полезными для нихъ обстоятельствами настоящей войны воспользоваться къ сверженію ига и къ приве-

дению себя попрежнему въ независимость, ополчаясь, гдѣ и когда будетъ удобно, противъ общаго всего христіанства врага и старался возможный вредъ ему причинять и чрезъ то общему благому дѣлу возспособствовать и собственному своему жребию, котораго прочность и на предбудущія времена свято и ненарушимо утвердится при заключеніи съ Портой Оттоманской мира, когда высокомѣрный непріятель принужденъ будетъ искать спасенья отъ насъ. Наше удовольствіе будетъ величайшее видѣть христіанскія области изъ поноснаго порабощенія избавляемыя и народы руководствомъ нашимъ вступающіе въ слѣды своихъ предковъ, къ чьему мы и впредъ всѣ средства подавать не отречемся, дозволяя имъ наше покровительство и милость для сохраненія всѣхъ тѣхъ выгодностей, которыи они своимъ храбрымъ по-двигомъ въ сей нашей войнѣ съ вѣроломнымъ непріятелемъ одержать».

Нельзя оспаривать благотворныхъ послѣдствій, какія оказала Россіи постоянная поддержка на Востокѣ православію; благодаря ей влияніе наше со временемъ Петра Великаго постоянно возрастало. Въ прошломъ и въ началѣ нынѣшняго столѣтія роль наша была проста, дѣятельность могла проявляться въ формахъ наименѣе сложныхъ. Для христіанина—рай—всѣ гражданская жизнь со всѣми ея правами и обязанностями обусловливалась его вѣроисповѣданіемъ. Онь несъ на себѣ всю тягость турецкаго ига за свою вѣру и отъ той же вѣры чаялъ своего освобожденія въ будущемъ. Всѣ интересы христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова: народное образование, поддержаніе общиннаго начала, нравственное единство, все сосредоточивалось въ рукахъ духовенства, находившаго опору въ общеніи съ православно-руssкою церковью. Вселенскій патріархъ являлся единственнымъ защитникомъ христіанъ Турціи предъ ненавистнымъ имъ правительствомъ и онъ же являлся единственнымъ представителемъ ихъ интересовъ предъ вѣшнимъ міромъ. Идеи о национальностяхъ еще почти не существовало. Рѣзко отличались одна отъ другой линіи двѣ народности—побѣдителей и побѣженныхъ:

къ первой принадлежали всѣ мусульмане, какого бы племени они ни были, ко второй вся масса православнаго христіанскаго населения. Латинскій элементъ, сравнительно малочисленный и лишенный пока материальной поддержки Запада, попеволѣ не отдалъ рѣзко политическія судьбы свои отъ мѣра православнаго. Западъ переживалъ тяжелыя времена внутреннихъ переворотовъ, династическихъ войнъ, соціальныхъ завоеваній демократическихъ начальъ надъ послѣдними остатками феодализма; внимание его было отвлечено, ему некогда было заниматься Востокомъ. Тогда намъ не зачѣмъ было близко знакомиться съ национальными бытовыми особенностями единовѣрныхъ намъ народовъ. Россія шла напроломъ, высоко неся предъ собою непобѣдимое знамя православія и наносила ударъ за ударомъ когда то столь могущественной имперіи Османовъ.

Притомъ, какъ мы видѣли выше, старая Россія, Россія Петровскихъ преданій, сознавая всю громадную государственную важность сохранить за собою непосредственное и преобладающее влияние на христіанскіе народы Балканскаго полуострова, не останавливалась предъ призывомъ балканскихъ христіанъ къ восстанию противъ ихъ властителя султана, смѣло протягивала имъ руку и шла вмѣстѣ съ ними въ бой за общее дѣло. Даже въ критическую минуту собственного существованія Россія не забыла возставшихъ въ Шумадіи, создавъ изъ Сербіи, Бухарестскимъ трактатомъ 1812 года, свой первый этапъ за Дунайемъ, точку опоры среди самыхъ славянъ, для совмѣстной дѣятельности на Востокѣ. Правда, въ политикѣ этой былъ нѣкоторый перерывъ, когда послѣ Вѣнскаго конгресса и подъ вліяніемъ Священнаго Союза, виціальная политика Россіи сдѣлалась достояніемъ иностранцевъ и когда возможны были такія явленія, какъ отказъ Россіи принимать въ войну 1828 года въ ряды своей арміи Болгаръ изъ-за того, что они были для нея лишь мягкими подданными султана. Но перерывъ этотъ былъ непродолжителенъ, и вскорѣ Россія снова вернулась къ своей освященной преданіями политикѣ.

Многое изменилось съ тѣхъ поръ, когда Россія въ своемъ качествѣ защитницы православія, почти никѣмъ не стѣсняемая, такъ дѣятельно вмѣшивалась въ дѣла Балканскаго полуострова. Разсчитавшись съ прошедшими, выработавъ изъ его остатковъ нынѣшній политический свой строй, Европа обратила свое вниманіе на Востокъ, ужаснулась наимѣнъ усибхамъ, и результатомъ явилась Крымская война, отнявшая у Россіи право исключительного покровительства надъ православными Турцией. Въ независимомъ Греческомъ королевствѣ и въ полууправляемыхъ Египтѣ и Румыніи укрѣпились и стали развиваться различныя враждебныя намъ западныя влиянія, проникающія и въ христіанское населеніе собственно Турции, посредствомъ усилившіхся религіозныхъ пропагандъ, обаятельной силы европейскаго образования, промышленности, торговли и фальшиваго либерализма. Принципы національности получили права гражданства и разгруппировали по своему то, что прежде обусловливалось исключительно вѣроисповѣданіемъ.

При такихъ измѣнившихся обстоятельствахъ на Востокѣ и Россія должна была измѣнить программу своей политической дѣятельности по отношенію къ христіанскому населенію Балканскаго полуострова. Исключительное поддержаніе принципа православія уже оказывалось недостаточнымъ, и мы не могли болѣе оставаться чуждыми повсюду громко пробуждающимся чувству народности, и вотъ Россія, силой исторического хода вещей и подъ опасеніемъ утратить или по крайней мѣрѣ ослабить свое влияніе на турецкихъ христіанъ, должна была неминуемо явиться первою пособницей ихъ народнаго развитія и сообщницей въ дѣлѣ достиженія ими національной независимости.

IV.

Выше мы имѣли уже случай видѣть какую тяжелую руку наложило на Болгару фанаріотское духовенство и какъ постепенно уничтожалось самое воспоминаніе о болгарской національ-

ности. Человѣкъ, переставшій сознавать себя живою частью собственнаго исчезнувшаго цѣлаго, подверженъ тому же физическому закону, по которому мелкія тѣла притягиваются крупными и вслѣдствіе коего онъ неизбѣжно стремится пристать къ народу болѣе его крѣпкому. Такъ и у Болгаръ: все, что переходило изъ низшаго сословія въ высшее, чуждалось своего славянскаго происхожденія и считало особеніемъ честью поступать въ народность греческую. Сознаніе же своей національности сохранилось лишь въ сельскомъ людѣ, во второй уже разъ явившемся носителемъ идеи о Болгаріи, какъ самостоятельномъ государствѣ.

Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія совершается переворотъ въ жизни порабощеннаго, загнаннаго Болгарскаго народа. Сначала едва слышались и едва доходили до него, голоса славянскихъ писателей, призывающіе къ жизни разрозненный славянскій народности, но голоса эти съ каждымъ годомъ дѣлаются смыѣще, многочисленнѣе. Труды пѣкоторыхъ чешскихъ и русскихъ писателей, а въ особенности Юрія Венелина, Угроруссии—воспитанника Московскаго Университета, гдѣ онъ и сожалѣлся съ Болгарами, по истории Болгарскаго народа, способствовали первые къ пробужденію чувства народности и сознанія своихъ народныхъ правъ сначала въ самомъ ограниченнѣмъ кружкѣ Болгаръ, но мало-по-малу воздействиѳ этого кружка стало ощущаться въ народныхъ массахъ. Благодаря успѣямъ этихъ историковъ, которые, развернувъ предъ Болгарами картины блестящаго прошлаго, вдохнули въ нихъ вѣру въ самихъ себя и надежду на повтореніе временъ Симеона и Казояна, благодаря всему этому, народъ стражнуль съ себя пятнѣшковой сонъ, вспомнилъ, что и онъ способенъ къ самостоятельной жизни и что и онъ имѣеть право на свое мѣсто подъ солнцемъ.

Въ свою очередь болгарская эмиграція, съ тридцатыхъ годовъ утвердившаяся преимущественно въ Румыніи, частью путемъ печати, частью чрезъ посредство своихъ агентовъ, впервыхъ, вызвала пѣкоторое сочувствіе общественнаго мнѣнія Европы

къ Болгарамъ, заставила заговорить о нихъ въ печати и тѣмъ самыемъ развила въ нихъ известную степень самоувѣренности и надежды на успѣхъ въ борьбѣ съ турецкимъ владычествомъ и, во-вторыхъ, обобщило саму идею этой борьбы, поддерживая и распространяя эту идею указаніемъ на вѣшнюю помощь.

Въ то же время были открыты болгарскія училища и тѣмъ положено дѣйствительное основаніе возрожденію болгарской народности.

Одна изъ самыхъ главныхъ и существенныхъ потребностей народа, сознавшаго наконецъ свое единство и свою национальность, это имѣть своихъ пастырей и богослуженіе на своемъ родномъ языкѣ. Такимъ образомъ вопросъ о преобразованіи церковнаго устройства по необходимости явился первымъ проявленіемъ пробудившейся болгарской народности, а такъ какъ разрешеніе его зависѣло отъ Константинопольскаго патріарха и тормазилось высшимъ греческимъ духовенствомъ, то отсюда неминуемо должно было произойти столкновеніе противоположныхъ политическихъ интересовъ, во прикрытыхъ духовною маской, и вотъ происхожденіе греко-болгарской церковной распри.

Возвращавшіеся изъ Россіи и изъ за границы Болгары начали первые возбуждать своихъ согражданъ къ сверженію нравственного и материальнаго ига, наложеннаго на ихъ народность Греками. Греческое духовенство было чуждо своей паства и смотрѣло на нее лишь какъ на стадо овецъ, годныхъ исключительно къ стрижкѣ, которая и производилась постоянно, причемъ подати взыскивались нерѣдко съ явными насилиями и жестокостями.

«Народъ нашъ», говорятъ Болгары въ одной брошюрѣ 1860 года, «не только не усматриваетъ въ греческихъ архиереяхъ руководителей къ вѣчному спасенію, но и видитъ ежедневно съ ихъ стороны примеры глубокаго развращенія и гибнаго презрѣнія къ реалгіи, ведущіе въ вѣчную погибель». Злоупотребленія высшаго духовенства возстановили противъ себя порабощенный народъ и содѣствовали успѣхамъ проповѣди различныхъ

коноводовъ болгарскаго движениі. Въ то же время враги православія, со свойственною имъ предусмотрительностью, постигли всѣ выгоды, какія могутъ оіи извлечь изъ этихъ только что пробуждавшихся народныхъ стремлений Болгаръ и ихъ ненависти къ греческому духовенству и во имя возрожденія болгарской народности и освобожденія ея изъ подъ греческаго ига стали призывать Болгаръ къ отторженію отъ православія, обѣщаю содѣйствіе папы — къ установлѣнію национальной іерархіи — и западныхъ державъ — для возвращенія народу его прежней независимости. Такимъ образомъ, съ каждымъ днемъ возрастало броженіе умовъ между Болгарами, но броженіе это, будучи неопредѣленнымъ и безизрѣдочнымъ, могло бросить ихъ въ самыя преувеличеннія крайности и угрожало имъ несомнѣнными опасностями. Въ виду этихъ обстоятельствъ, между Болгарами образовалась партія, которая, понимая опасность положенія, сознавала однако же, что стремленіе къ достижениію полноправности болгарской народности осуществимо лишь подъ условіемъ перазрывности съ міроязъ восточными и преданности православію. Уставъ надзирательства болгарской церкви въ Константиноіоль, оправдывая необходимость борьбы съ греческимъ вліяніемъ, прибавляетъ: «при несчастномъ стремлениі греческаго духовенства и греческихъ общинъ подавить славянскія начала въ пользу гражданскаго единства, съ ихъ собственной точки зреінія, мы вынуждены выбрать сказанный тяжелый путь, чтобы къ тому времени, когда великая церковь сбросить съ себя насильственный путы зланискаго эгеризма, сохранить для обновленныхъ ея силъ неиспорченный и нашъ народъ, не мало, къ сожалѣнію, подстремляемый и новѣрною и враждебною пропагандой».

Нерѣдко слышались голоса, обвинявшіе Россію въ созданіи Греко-болгарского вопроса въ видахъ политическихъ, но мы видѣли выше причины его возникновенія, указывающія, что разлитіе его совершилось непосредственно и помимо участія въ немъ нашего правительства. Слѣдуетъ постоянно помнить, что средина текущаго столѣтія отмѣчена развитіемъ идеи националь-

ностей, стремившихся группировать современные народы и отдельные владычия въ крупные политические единицы. Это въяніе не могло не отозваться и на Болгарахъ. Напротивъ, некоторые высокопоставленные лица у насъ, близко стоящія къ дѣлу, считали Болгарь даже въ 1867 году политически незрѣлыми, не готовыми къ самостоятельной жизни: они находили, что не слѣдовало во что бы то ни стало создавать блѣдную народность, исключительно болгарскую, а нужно стремиться къ соединенію съ уже окрышено и рѣзко очерченной народностью сербскою, подъ общимъ именемъ народности южно-славянской, такъ какъ деморализованные турецкимъ игомъ Болгари, предоставленные сами себѣ, навсегда-де останутся послушными орудіями Турокъ. Они признавали существованіе въ болгарской народности влиятельной партии, которая желала бы составить особое политическое тѣло, отдѣленное и отъ Сербовъ и отъ Грековъ. Сознавая вполнѣ, что они пока не имѣютъ ни связующаго центра, ни способныхъ личностей, люди этой болгарской партии твердо вѣрили въ успѣхъ своихъ стараний, разсчитывая во всемъ на время, подъ условіемъ продолженія существованія Турціи до того момента, когда болгарская народность усилится и сможетъ явиться соперницей Сербіи. Къ этой цѣли направлены всѣ ихъ усилия, причемъ всѣ средства кажутся имъ годными. Въ то время полагали, что тотъ, кто захотѣлъ бы создать изъ Болгари независимое государство, напрасно сталъ бы искать въ странѣ необходимыхъ для того элементовъ и даже не могъ бы быть увѣренъ, что народъ отнесется къ его стараніямъ съ признательностью. Одно, въ чёмъ невозможно было сомнѣваться, это то, что старанія эти неминуемо вызвали бы недовѣріе и опасенія Сербовъ и Грековъ.

Въ виду такихъ мѣній, высказанныхъ компетентными лицами въ 1867 г., невозможно допустить и мысли о подстрекательствѣ Болгарь со стороны Россіи и возбужденіи ихъ требованій. Требованія эти обнаружились гораздо ранѣе и къ поддержкѣ ихъ Россія, какъ то объяснено въ предыдущей главѣ,

была увлечена уже затѣмъ историческимъ ходомъ вещей и заботливостью о собственныхъ, правильно понимаемыхъ государственныхъ интересахъ.

Впервые желанія Болгаръ выражены въ прошеніи, поданномъ ими въ 1853 г. чрезвычайному нашему послу князю Меншикову, и въ которомъ они требуютъ богослуженія на свою родину языкѣ и отраженія отъ притеснений ихъ греческими епископами. Болгары не шли далѣе этихъ скромныхъ требованій и незадавались никакими политическими цѣлями. Не такъ отнеслись къ этимъ требованіямъ патріархъ и въ особенности фанарскій народный совѣтъ, которые усмотрѣли въ нихъ пробужденіе болгарской народности, весьма вредное для осуществленія греческой великой идеи и, считая Болгаръ слишкомъ грубыми, чтобы додуматься самимъ до подобныхъ мыслей, приписали ихъ подстрекательству сѣверного колосса. Въ свою очередь Болгары, видя такое желаніе Грековъ заглушить ихъ требованія и всякое проявленіе народности, стали оказывать, по закону сопротивленія, все большее и большее упорство и мало по малу увеличивать свои требования. Такимъ образомъ, главнымъ инновникомъ быстраго развитія греко-болгарского вопроса является вселенскій патріархъ, не умѣвшій малыми уступками, сдѣланными во время, предотвратить важныя послѣдствія, отъ того происшедшія.

Гатти-гумаюнъ 1856 г. обѣщалъ, что архіереямъ, вмѣсто всѣхъ ими собираемыхъ налоговъ и податей, будетъ положено определенное жалованье. Видинскіе Болгары, пользуясь этимъ, просили Порту и патріархъ: 1) о назначеніи жалованья своимъ архіереямъ съ цѣлью избавиться отъ непомѣрныхъ поборовъ греческаго духовенства и 2) о назначеніи священниковъ и епископовъ изъ природныхъ Болгаръ. Несмотря на убѣжденія нашего посланника въ Константинополь, патріархъ не рѣшился сдѣлать требуемыхъ уступокъ, и подавшія прошеніе лица были посажены въ тюрьму. Тогда Болгары вспомнили примѣры изъ своей истории и, не получая желаемаго отъ вселенскаго пат-

піарха, стали страшать его переходомъ своимъ въ католичество, которое удовлетворить всѣ ихъ требованія. Къ этому времени относится переходъ въ унію города Кукуша, который дѣйствительно вынудилъ патріарха на уступку болгарскимъ требованиямъ, выразившуюся назначенiemъ въ октябрь 1859 г. Полянинскимъ епископомъ, въ епархїи коего находится этотъ городъ, Пароенія,—родомъ Болгарина и воспитанника Московской Духовной Академіи,—благодари чemu Кукушъ возвратился въ православіе.

Преосвященный Пароеній, Болгаринъ изъ Калофера, постриженный въ монахи изъ Аѳонъ, быль, по возвращеніи изъ Россіи, профессоромъ славянскаго языка въ Халкиндской семинаріи и постоянно отличался горячимъ патріотизмомъ и преданностью Россіи.

Несмотря на услуги, оказанныя епископомъ Пароеніемъ православію при уничтоженіи Кукушской уніи, Греки преслѣдовали его неотступно. Въ концѣ 1861 года, за свои старанія о пробужденіи и поддержаніи въ Болгарахъ своей епархїи народнаго болгарскаго духа, преосвященный Пароеній отданъ быль Солунскимъ митрополитомъ подъ судъ, заключенъ въ митрополичью тюрьму и, наконецъ, оправданъ посланнымъ вселенской патріархіей для слѣдствія епископомъ Анонимомъ, будущимъ экзархомъ болгарскимъ.

Турецкое правительство, съ своей стороны, поняло всѣ выгоды усиленія распри между двумя подвластными ему христіанскими народностями, съ цѣлью взаимнаго ихъ ослабленія, и въ 1857 году консулъ нашъ въ Адріанополѣ едва успѣлъ воспрепятствовать подписанию прослыбы о совершеннѣи отдѣленія Болгарской церкви отъ вселенскаго престола, причемъ мысль обѣ этомъ прошенія была внушена самимъ великимъ визиремъ.

Примѣръ благоразумныхъ уступокъ быль данъ патріархомъ Иерусалимскимъ, который разрѣшилъ въ подвѣдомственной ему церкви Иерусалимскаго подворья въ Адріанополѣ събѣшанное богослуженіе на греческомъ и славянскомъ языкахъ, но вскорѣ местные Греки рѣшились искоренить это вредное, по ихъ мнѣ-

нію, нововведеніе. Съ этою цѣлью они стали собираться въ церкви подворья и криками, угрозами и неприличными тѣлодвиженіями старались помѣшать произнесенію молитвъ на неславянствомъ имъ славянскому языку. Вскорѣ дѣло дошло до драки; обѣ стороны обратились съ жалобами къ патріарху, причемъ Греки просили, чтобы славянское богослуженіе было вовсе запрещено, а Болгары—чтобы оно было разрѣшено по возможности въ большемъ числѣ церквей и вмѣстѣ съ тѣмъ заявили, что если разрешено будетъ лишить ихъ возможности молиться на понятномъ для нихъ языке, то они предпочтутъ слышать богослуженіе на языке равнѣ чуждомъ обѣимъ сторонамъ, т. е. на турецкомъ.

Послѣдствіемъ этихъ прошеній было синодальное постановленіе, которымъ предписывалось употребленіе славянского языка на лѣвыхъ клиросахъ, но и тутъ намѣренное или нечаянное упущеніе указаній о томъ, слѣдуетъ ли Евангеліе и Апостоль читать и по славянски, подало поводъ къ самымъ нечальнымъ сценамъ въ церквахъ, нерѣдко доходившимъ до кровавыхъ побоищъ.

Начиная съ послѣднихъ мѣсяцевъ 1858 года, борьба между Греками и Болгарами принимаетъ характеръ все болѣе напіональный, причемъ у обѣихъ сторонъ голосъ разсудка заглушается страстиами, увлекающими несогласныхъ къ самымъ печальнымъ крайностямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, яснѣ очерчивается политическая сторона вопроса, такъ какъ Болгары рядомъ съ требованіями чисто церковнаго свойства начинаютъ заявлять требованія обѣ отдѣленіи не только ихъ церкви отъ Константинопольскаго патріархата, съ дарованіемъ ей полной автономіи, но и политической самостоятельности Болгаріи.

Желанія Болгаръ имѣть свое особое церковное управление съ отдѣльною болгарской патріархіей или, при условіи главенства вселенскаго патріарха, имѣть на болгарскихъ каѳедрахъ архиереевъ изъ природныхъ Болгаръ и участвовать въ завѣданіяхъ общеперковыхъ дѣлъ на правахъ совершеншаго равен-

ства съ Греками, были, по приказанию правительства, разсмотрены народнымъ соборомъ, созваннымъ въ 1858 г. изъ представителей всѣхъ областей Турецкой имперіи, коимъ, совмѣстно съ иѣсколькими архиерейами, предоставлялось пересмотрѣть вопросъ о правахъ и преимуществахъ патріархіи и выработать новый уставъ церковно-народнаго управления православными христіанами. Засѣданія собора тянулись два года и окончились 16 февраля 1860 года заключительною рѣчью Каратсодори, презрительно отвергавшею всѣ требования Болгаръ, причемъ ораторъ прибавилъ, что Болгары слишкомъ наивны, если воображаютъ, что въ собраніи представителей греческихъ когда нибудь могутъ быть выслушаны рѣчи о правахъ націи болгарской.

Пораженіе, понесенное Болгарами въ народномъ соборѣ, чрезвычайно способствовало успѣхамъ католической пропаганды, которая съумѣла имъ воспользоваться въ собственныхъ видахъ, и къ этому времени относятся блестательнѣйшіе успѣхи унії въ Константинополѣ и Адріанополѣ. Многіе переходили въ унію подъ впечатлѣніемъ умышленно внушенной имъ надежды, что подобныя обращенія вынудятъ патріархатъ на уступки, которыхъ иначе достигнуть невозможно.

Въ то же время стали появляться брошюры по церковному вопросу, которымъ занялись и многочисленные начавшіе тогда выходить журналы: въ Смирнѣ началъ издаваться ежемѣсячный журналъ *Любословіе*, въ Лейпцигѣ газета *Болгарскій Орелъ*, въ Вѣнѣ ежемѣсячный журналъ *Міровоззрѣніе*, въ Константинополѣ газеты: *Болгарія*, *Турція*, *Македонія*, *Совѣтникъ*, *Зарница*, *Время*, *Право* и пр. и периодическое изданіе *Болгарскія книжницы*, вышедшее съ 1858 по 1861 годъ. Греческіе журналы съ своей стороны не оставались въ долгу, и такимъ образомъ вопросъ былъ перенесенъ на почву публичнаго обсужденія и литературной полемики, которая способна была лишь усугубить взаимную ненависть враждующихъ сторонъ.

Одно частное обстоятельство содѣствовало окончательному разрыву Болгаръ съ патріархіей; оно заключалось въ отказѣ

этой послѣдней назначить на вакантную Охридскую кафедру одного изъ трехъ духовныхъ лицъ, признанныхъ епархией достойными занимать это мѣсто. Патріархъ же нашелъ болѣе удобнымъ, не обращая вниманія на ходатайство Охридянъ, назначить митрополитомъ Охридскимъ Мелетія Велесскаго, нена-видимаго за свою жадность и жестокость. Въ виду этого Охридяне выгнали Мелетія изъ города и отказались поминать имя патріарха на литургії.

Примѣръ оказался заразительнымъ.

Болгарская община въ Константинопольѣ была въ то время раздираема внутренними раздорами; въ средѣ ея образовалось двѣ партии: одна перешедшихъ въ унію Болгаръ, другая—православныхъ, группировавшася вокругъ Авксентія, бывшаго митрополита Велесскаго, и Илларіона Макаріупольскаго, известнаго по своимъ качествамъ съ наилучшей стороны самой патріархіи, но въ то же время горячаго болгарскаго патріота.

Преосвященный Авксентій, Болгаринъ изъ Самакова, бывъ самоучка. Постриженный въ Хиландарскомъ монастырѣ, онъ былъ затѣмъ рукоположенъ въ епископы Велесскіе, что не помѣшило ему смѣло выступить противъ вселенской патріархіи.

Илларіонъ Макаріупольский, отличавшійся твердостью своего характера и пользующійся большими вліяніемъ между своими соотечами, былъ Болгаринъ изъ Елены, Тырновскаго округа, воспитывался въ Атонскомъ университѣтѣ. Постриженный на Афонѣ, преосвященный Илларіонъ долгое время былъ представителемъ въ Константинопольѣ афонскихъ монастырей и затѣмъ рукоположенъ въ епископы для константинопольской болгарской церкви. Умный и рѣшительный, епископъ Илларіонъ не питалъ, однако, симпатіи къ Россіи и относился къ ней съ недовѣріемъ; быть можетъ въ этомъ отражалось вліяніе университетскаго образования въ Атонахъ, во время котораго онъ такъ много долженъ былъ слышать кругомъ себя о завоевательныхъ замыслахъ Россіи на Востокѣ.

Въ виду возраставшаго негодованія Болгаръ, усиленного

охридскимъ происшествиемъ, и съ цѣлью удовлетворить сколько нибудь одушевлявшему ихъ чувству ненависти къ греческому духовенству и въ то же время, чтобы удержать Болгартъ отъ перехода въ унію, Илларіонъ и Авксентій сочли себя вынужденными прибѣгнуть къ мѣрѣ крайней. Въ день Свѣтлаго Воскресія, 3-го апраля 1860 г., когда Илларіонъ совершилъ торжественное богослуженіе, онъ уступилъ шумнымъ крикамъ во множествѣ собравшагося въ церковь народа и отмѣнилъ поминаніе на литургії патріаршаго имени, вмѣсто котораго стала поминать «всѧкое епископство православныхъ». Лишь только вѣсть объ этомъ распространилась по Болгаріи, тридцать три города и мѣстечка прислали Илларіону благодарственные адресы и присоединились къ принятой имъ мѣрѣ; константинопольскіе уніаты толпами стали возвращаться въ православіе.

События эти устроили новаго вселенскаго патріарха Іоакима, хитраго и умнаго, и убѣдили его въ необходимости уступокъ. Въ апраѣ 1860 г., съ согласія многихъ членовъ синода, Іоакимъ объявилъ, что не будетъ препятствовать отдѣленію Болгарской церкви отъ Вселенской патріархіи и поставленію ея подъ власть самостоятельнаго болгарскаго епископа и вызвался даже самъ хлопотать объ этомъ предъ Портой, въ полной увѣренности, что Турецкое правительство не допустить первого шага къ возстановленію болгарской народности дарованіемъ ей церковной независимости.

Непреклонный правитель патріарха постоянно увлекалъ его къ мѣрамъ крутымъ и рѣзкимъ. Считая виновниками всего случившагося Авксентія и Илларіона, патріархъ обратился въ Порту съ просьбой объ ихъ наказаніи, на чѣмъ великий визирь отвѣчалъ ему, что Турецкое правительство не считаетъ себя въ правѣ вмѣшиваться во внутренніе распорядки православной церкви и что, поэтому, его святейшество самъ можетъ въ случаѣ надобности наложить церковное наказаніе на провинившагося епископа. Вследствіе чего оба болгарскіе епископа въ концѣ 1860 года были патріархомъ осуждены и лишены архиерейства и

священства. Въ этотъ же промежутокъ времени Илларіонъ, уступая всеобщему требование народному, долженъ быть отслужить обѣдно безъ благословенія патріарха, причемъ ему стояло большихъ усилий отклонить настоячивый приглашенія многихъ Болгаръ, чтобы онъ объявилъ себя патріархомъ Болгарскимъ. Этотъ поступокъ Илларіона еще болѣе раздражилъ патріарха, который объявилъ, что онъ не приступить ни къ какимъ переговорамъ и соглашеніямъ до тѣхъ поръ пока Илларіонъ не изъявитъ покорности и раскаянія и не явится къ нему съ покинютою головой.

Пользуясь смущенiemъ умовъ въ средѣ Болгарскаго народа, католическая пропаганда собирала богатые плоды. Служа обычнымъ способомъ для выраженія протеста Болгаръ противъ патріархата, упія своими успѣхами много обязана ясно очертившейся тогда дѣятельности редактора газеты *Болгарія* Драгана Цанкова, пріобрѣвшаго себѣ тогда печальную известность своими стараниями сократить въ латинство своихъ соотечественниковъ. Уроженецъ города Систова и будущій глава либераловъ Болгарскаго княжества, Цанковъ воспитывался въ школѣ іезуитовъ въ Константинополѣ и затѣмъ отправился въ Россію, где окончилъ курсъ въ Киевской Духовной Академіи. По возвращеніи изъ Россіи, Цанковъ былъ учителемъ въ Галацѣ, потомъ добровольцемъ въ Болгарской дружинѣ 1853 года, снова ученикомъ въ одномъ изъ учебныхъ заведений Вѣны и, наконецъ, послѣ Крымской войны поселился въ Константинополѣ, где сталъ издавать свою газету. Внослѣдствіи руцукскій генераль-губернаторъ Митхадъ-паша поручилъ Цанкову завѣдывать болгарскими школами вилайета и редактировать официальную газету *Дунай* и назначилъ его, видинскимъ вице-губернаторомъ.

Недовольные арестомъ одного варненского священника, который въ церковной проповѣди осмѣивалъ недостатки патріарха и приглашалъ народъ не признавать его власти, болгарскіе предводители уговорили народное собрание обратиться къ покровительству папы, и тутъ же, подъ впечатлѣніемъ пламенной рѣчи

Цанкова, быть составленъ и подписанъ всѣми присутствующими актъ о переходѣ ихъ въ унію. Немедленно было составлено и подано папскому нунцію прошеніе, въ коемъ заявлено желаніе константинопольской болгарской общины подчиниться власти папы и готовность ея склонить къ тому же и остальныхъ Болгаръ. Отступничество свое община закрѣпила, по приглашенію армяно-католического епископа Хассуна, торжественнымъ благодарственнымъ молебствіемъ, отслуженнымъ въ церкви католической архиепископіи.

Къ чести патріарха слѣдуетъ сказать, что къ поступку константинопольской общины онъ отнесся довольно хладнокровно и послѣдующія события показали, что онъ былъ правъ, не особенно огорчаясь переходомъ въ латинство вѣсколькоихъ худыхъ православныхъ. Унія не измѣла почвы подъ ногами и въ массѣ простаго сельскаго народа успѣхи ея были ничтожны, несмотря даже на то, что католические миссионеры рѣшились прибѣгнуть для этого къ денежнѣмъ средствамъ. При этомъ нельзя умолчать объ одномъ эпизодѣ довольно характерномъ.

Предположенные миссионерами подкупы требовали значительныхъ денежныхъ средствъ, а кассы уніи давно были истощены. Въ этой крайности они рѣшились обратиться къ содѣйствію французскаго посланника въ Константинополь, который отказалъ имъ наотрѣзъ, объявивъ, что не считаетъ себя обязаннѣмъ поддерживать пропаганда католицизма и содѣйствовать его успѣхамъ. Такимъ образомъ маркизъ Лавалеттъ, представитель католического государства, оказалъ здѣсь услугу православію.

Отношеніе епископовъ Авксентія и Илларіона къ совершившимся событиямъ было вполнѣ правильнымъ, они громко выразили свое осужденіе и разослали по всей Болгаріи посланіе, въ которомъ приглашали народъ остерегаться пропаганды, твердо держаться православной вѣры и неуклонно стремиться къ одной цѣли — отдѣленію болгарской церкви и упроченію ея самостоятельности.

Одновременно съ этимъ и правительство наше, вѣрное сво-

ему призванію оберегать истинные интересы нашихъ единовѣрцевъ въ Турціи, предписало консуламъ внушать Болгарамъ, какъ имъ слѣдовало быть осторожными, чтобы не поднастъ вліянію миссионеровъ, старающихся помощью разныхъ обмановъ заставить покинуть вѣру ихъ отцовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, агентамъ нашимъ поручалось ободрить Болгаръ увѣреніемъ, что правительство наше принимаетъ дѣятельное участіе къ удовлетворенію справедливыхъ требованій Славянъ.

По желанію патріарха, Болгары письменно представили свои требования: 1) Болгарскій народъ признаетъ и почитаетъ святышаго патріарха Константинопольскаго какъ имѣющаго преимущества чести въ православной церкви, 2) Болгары, будучи особымъ народомъ, желаютъ имѣть себѣ іерархію, которая бы находилась подъ властію архіепископа болгарскаго, имѣющаго пребываніе въ Константинопольѣ, 3) этотъ архіепископъ будетъ избираемъ Болгарами и утверждаемъ патріархомъ, 4) все епископы болгарскіе будутъ избираемы туземнымъ клиромъ, при участіі народныхъ представителей и съ согласія вышеназваннаго архіепископа или его уполномоченныхъ, 5) Болгары исключительно самимъ себѣ оставляютъ право устроить все то, что касается ихъ церковной администраціи, 6) Болгары, почитая Константинопольскій патріаршій престолъ, съ полной охотой соглашаются ежегодно давать патріарху значительную сумму денежнаго, 7) равнымъ образомъ Болгары исклучительно не отказываются вмѣстѣ съ народомъ греческимъ позаботиться о погашеніи долговъ Константинопольской церкви.

Ознакомившись съ требованиями Болгаръ, патріархъ объявилъ, что онъ не намѣренъ входить въ какія либо соглашенія съ этими послѣдними до тѣхъ поръ пока епископъ Илларіонъ не явится съ изъявленіемъ покорности и раскаянія и присовокупитъ, что онъ не считаетъ возможнымъ допустить отдѣльной болгарской церкви иначе какъ ограничивъ ея предѣлы Балканами.

Этимъ условиемъ ярко очерчивается истинная причина трудности соглашенія между Греками и Болгарами, это та именно

политическая сторона вопроса, хранимая въ глубинѣ мыслей обѣихъ враждующихъ сторонъ. На первый планъ выступаютъ интересы народные, въ чёмъ открыто сознавался тогдашній греческій посіланникъ въ Константинополь. По выражению г. Деліанні, греческие интересы требовали заключенія самостоятельной болгарской народности въ такихъ границахъ, которыми, представляя естественные, трудно переходимыя преграды, служили бы надежнымъ средствомъ для окончательного разъединенія Грековъ съ Болгарами, необходимаго для того чтобы избавиться отъ вмѣшательства этихъ послѣднихъ въ тѣ великия события, которыхъ имѣютъ совершиться на Балканскомъ полуостровѣ и въ которыхъ Греки представляли себѣ дѣятельную и преобладающую роль.

25-го февраля 1861 г. патріархъ разослалъ окружное посланіе, въ которомъ, осуждая унию и принявши ее, отзывался въ самыхъ жесткихъ выраженіяхъ объ епископахъ Илларіонѣ и Авксентії, обвиняя ихъ въ произведеніи всѣхъ беспорядковъ, возмущавшихъ спокойствіе церкви и нарушившихъ ея достоинство и безопасность. Въ томъ же посланіи патріархъ оправдывается въ обвиненіяхъ на него изводимыхъ относителью гонений на болгарскую народность и въ 15 пунктахъ излагаетъ предоставленныя ей права. Главнѣйшіе изъ этихъ пунктовъ: 1) достойныя лица изъ болгарскаго клира будуть отнынѣ назначаемы на чисто-болгарскія епархіи; 2) въ случаѣ вдоянства какой нибудь изъ чисто болгарскихъ епархій, патріархія съ благосклонностью будетъ принимать достойныхъ кандидатовъ, рекомендуемыхъ самою епархіей; 3) въ одной изъ епархій Болгарамъ дозволяется открыть для себя богословское училище; 4) во всѣхъ болгарскихъ училищахъ имѣеть первенствовать болгарскій языкъ; 5) одинъ или два болгарскихъ архіерея будутъ, какъ и прежде, присутствовать въ синодѣ, состоящемъ при патріархіи; 6) въ церквахъ чисто болгарскихъ епархій богослуженіе будетъ совершаemo на славянскомъ языке.

Неопределенные и условные уступки патріарха, оставляющіе полный просторъ личному его произволу, не могли удовлетворить

Болгаръ и они обратились къ Портѣ, представивъ ей такъ называемыя восемь точекъ (пунктовъ), перечисляющія ихъ требованія; вотъ ихъ сущность: 1) въ избраниі патріарха Болгари имѣютъ право участвовать наравнѣ съ Греками; 2) члены патріаршаго синода состоятъ на половину изъ Грековъ, на половину изъ Болгаръ; 3) болгарскіе архіереи (6) составляютъ съ шестью мірянами болгарскій народный совѣтъ вѣдающій всѣ дѣла Болгарскаго народа, не касающіяся религії; 4) достойнѣйшій изъ архіереевъ съ выборнымъ міряниномъ пребываютъ въ Константинопольѣ и представляютъ предъ правительствомъ Болгарскій народъ; 5) смѣна этихъ двухъ лицъ не зависитъ отъ патріарха, а въ случаѣ обвиненія ихъ народнымъ собраніемъ она дѣлается Портой; 6) для замѣщенія каѳедръ выбираются епархіей два кандидата: одинъ изъ нихъ избирается болгарскимъ народнымъ совѣтомъ и рукополагается патріархомъ; 7) въ смѣшанныхъ епархіяхъ, архіерей выбирается изъ того народа, который многочисленнѣе, но онъ долженъ основательно знать оба языка, греческій и болгарскій, и строго блюсти чтобы никакого препятствія не было селянамъ употреблять въ церквахъ и училищахъ свой природный языкъ и 8) архіереймъ назначается жалованіе.

Оскорбясь весьма рѣзкимъ отвѣтомъ Болгаръ на окружное посланіе, патріархъ созвалъ соборъ изо всѣхъ патріарховъ, проживавшихъ въ то время Константинопольѣ и находившихся тамъ митрополитовъ и епископовъ, для осужденія епископовъ Илларіона и Аксентія. Несмотря на троекратныя приглашенія, обвиняемые въ самовольномъ служеніи обѣдни, въ усиленіи раздора въ церкви и въ составленіи дерзкаго возраженія на патріаршее посланіе, епископы на соборъ не явились и были имъ осуждены съ лишеніемъ священства и архіерейства. Одновременно съ болгарскими епископами были осуждены и митрополитъ Филиппопольскій Паисій, родомъ Грекъ изъ Янинъ, по глубоко переданный интересамъ Болгарскаго народа и который тоже отмѣнилъ въ своей епархіи поминовеніе при богослуженіи имени вселенскаго патріарха.

Преосвященный Пасій, бывшій сначала Смирнскимъ митрополитомъ, воспитанинъ Лоніскаго университета, много содѣствовалъ образованію Болгарскаго экзархата, на служеніе которому онъ принесъ отличавшіе его глубокій умъ, искренность и доброту.

Немедленно за постановлениемъ собора, патріархъ сталъ требовать у Порты изгнанія осужденныхъ епископовъ изъ Константинополя, но встрѣтилъ сильный отпоръ со стороны Али-паши несмотря даже на опасенія, выраженные этому послѣднему патріархомъ, что дальнѣйшее ихъ пребываніе въ Царьградѣ вызоветъ безпорядки и столкновенія. Греки, въ особенности Іонійцы, подозрѣвали, что причина уклончивыхъ дѣйствій Порты заключается въ наставленіяхъ англійскаго посла, предложили патріарху вооруженную свою помощь для изгнанія осужденныхъ епископовъ и хотѣли даже напасть на домъ англійскаго посольства.

Испугавшись такого настроенія народныхъ массъ, Порта распорядилась арестованиемъ и отправленіемъ епископовъ въ ссылку въ Малую Азію. Когда Илларіонъ находился уже на пароходѣ, къ нему пріѣхалъ Цапковъ и уговаривалъ его принять упію, обѣщающая ему освобожденіе отъ заточенія и возвращеніе сана, но Илларіонъ отказалъ наотрѣзъ. Нѣкоторые предполагаютъ, что не привыканность къ православію послужила причиной этого отказа. Основываясь на многихъ данныхъ, доказывающихъ положительно отсутствіе въ Илларіонѣ твердыхъ убѣжденийъ, лица эти объясняютъ настоящій его поступокъ тѣмъ, что онъ считалъ для себя выгоднѣе оставаться православнымъ и выжидать случая сдѣлаться патріархомъ православныхъ Болгаръ, нежели занять второстепенное мѣсто въ Уніатской церкви, во главѣ которой только что былъ поставленъ папою архіепископъ Болгарскій Іоанніфъ Сокольскій.

Здѣсь умѣстно сказать нѣсколько словъ объ Іоанніфе Сокольскомъ,—интригою іезуитовъ выдвинутомъ впередъ и поставленномъ на первое мѣсто,—во главу болгарскихъ уніатовъ, но также быстро павшемъ, не взирая на всѣ усиленія враговъ пра-

вославія, направлений къ охраненію Сокольского въ болѣе громкость, чѣмъ славномъ званіи латинскаго архіепископа Болгаръ.

Выше было пояснено, какимъ образомъ подъ вліяніемъ внутреннихъ раздоровъ и борьбы съ патріархіею стало увеличиваться число отщепенцевъ отъ православія, переходившихъ въ унію. Но, несмотря на усилившуюся численность уніатовъ, они продолжали быть слабыми по отношенію къ мѣстной власти и къ другимъ исповѣданіямъ. Не имѣя во главѣ своей духовнаго сановника, признаннаго Турецкимъ правительствомъ за духовнаго начальника всѣхъ болгарскихъ уніатовъ,—эти уніаты не представляли изъ себя, съ точки зрѣнія мѣстныхъ законовъ, отдѣльной юридической личности,—общины или, какъ принято называть въ Турціи, *миллета*, т. е. народа. Такой порядокъ вещей лишалъ болгарскихъ уніатовъ возможности имѣть за себя особаго официального представителя предъ Портю, какими являются главы всѣхъ остальныхъ признанныхъ Оттоманскимъ правительствомъ вѣроисповѣданій. Необходимость же постоянно прибѣгать къ помощи Французскаго и Австрійскаго посольствъ—офиціозныхъ защитниковъ католичества въ Турціи, вызывая поневолѣ неудобство Порты на вмѣшательство Европейскихъ представителей въ ея внутреннія дѣла, могло имѣть лишь непріятный для уніатовъ практическій послѣдствія.

Легко представить себѣ восторгъ недруговъ православія, когда имъ, наконецъ, удалось добиться отъ Турокъ признания отдѣльнаго архіепископа для Болгаръ-уніатовъ, благодаря чему могла быть образована правильная, съ точки зрѣнія Турокъ, болгаро-латинская община съ одинаковыми правами, какъ и прочие миллеты.

Лицомъ, которому выпала незавидная честь отъ правительства и волютить въ себѣ стремленія, враждебныя по отношенію къ прежней его религіи—былъ Іосифъ Сокольский. Ранѣе постриженія своего въ монахи, Сокольский, уроженецъ города Габрова, въ продолженіи десяти лѣтъ занимался гайдучествомъ; въ 50-хъ годахъ онъ отказался отъ своего ремесла

и на заработанныя имъ деньги, сначала, исправилъ полуразрушенный монастырь св. Николая, а, затѣмъ, сдѣлался его игуменомъ, не умѣя вовсе писать, а лишь читать. Въ 1860 г., когда онъ пріѣхалъ въ Константинополь съ цѣлью жаловаться въ патріархіи на прѣтензіи Тырновскаго греческаго митрополита, Цанкову удалось склонить Сокольскаго перейти въ унію. Съ согласіемъ Французскаго посольства и при помощи іезуитовъ Цанковъ свезъ Сокольскаго въ Римъ, где самимъ папою онъ былъ посвященъ въ архиепископа всѣхъ Болгаръ.

Достигнувъ своей цѣли, іезуиты охраняли вернувшагося въ Царыградъ Сокольскаго съ особымъ тщаніемъ и берегли его какъ зеницу ока, точно предчувствуя неустойчивость убѣждений новаго болгарскаго прелата. Сердце ихъ оказалось вѣщуномъ: прошло не болѣе пяти мѣсяцевъ послѣ возвращенія Сокольскаго въ Константинополь, какъ сибѣдаемый угрizenіями совѣсти за вѣроотступничество и мучимый сознаніемъ, что онъ сдѣлался орудіемъ созданія общины, которая отнынѣ, благодаря своему новому юридическому положенію, имѣть всѣ средства, чтобы вести ожесточенную борьбу съ православіемъ,— Сокольскій внялъ совѣтамъ извѣстнаго болгарскаго патріота Славейкова и, не взирая на приставленную къ нему почетную стражу, бѣжалъ изъ своего дома; на простомъ, трехшарномъ капѣ прибылъ онъ въ Буюкдере—ътишее мѣсто пребыванія Русскаго посольства.

Когда нашему тогдашнему посланнику, князю Лобанову-Ростовскому, доложили, что его желаетъ видѣть болгарскій архиепископъ и онъ вышелъ къ нему въ прѣмную, Сокольскій прямо указалъ на колѣна и, изъявляя горькое свое раскаяніе во всемъ прошломъ, умолялъ князя спасти его отъ іезуитовъ. Видя, что Сокольскій былъ одѣтъ какъ католический прелатъ, къ фioletово-вомъ одѣяніи и такихъ же чулкахъ, кн. Лобановъ потребовалъ прежде всего, чтобы онъ снялъ съ себя эту одежду—не подобающую бывшему православному духовному,—такъ какъ ранѣе того онъ не признаетъ возможнымъ входить съ нимъ въ какіе либо переговоры. Сокольскій подчинился этому требованію и,

такъ какъ немыслимо было для него покинуть посольскій домъ или же, пославъ въ Константинополь за другимъ платьемъ, обнаружить свое мѣстопребываніе, то прибыли къ помощи діакона посольской церкви Акаакія, который, будучи одного роста съ Сокольскимъ, снабдилъ его своимъ платьемъ. Вторично принятый, послѣ того, нашимъ посланикомъ, Сокольскій снова умолялъ принять въ немъ участіе и спасти его изъ когтей католическаго духовенства. Ки. Лобановъ отвѣтилъ ему: «сегодня почтовый день и черезъ часъ придется сюда русскій пароходъ, отправляющійся въ Одессу: если раскаяніе ваше испрение, то ничто не мѣшаетъ вамъ сѣсть на этотъ пароходъ и тотчасъ же отправиться въ Россію». Озадаченный столь быстрымъ поворотомъ дѣла, Сокольскій тѣмъ не менѣе, послѣ минутнаго размышленія, рѣшилъ послѣдовать совѣту кн. Лобанова и въ тотъ же день выѣхалъ въ Одессу. Все это было сдѣлано такъ быстро и такъ ловко, что лишь чрезъ 3 дня, безуспѣшно искашившіе Сокольскаго повсюду, іезуиты узнали всю непрѣятную для нихъ правду. Но было уже поздно, дѣло было непоправимо: Сокольскій былъ уже въ Одессѣ, откуда, съ Высочайшаго соизволенія, былъ переведенъ въ Киево-Печерскую Лавру, гдѣ провелъ на покой около двухъ лѣтъ вилотъ до своей кончины. Долго не могли утишиться католики въ понесенному ими пораженіи, весьма важномъ по своимъ послѣдствіямъ, въ особенности въ виду тогдашихъ обстоятельствъ. Наградою же кн. Лобанова былъ весьма лестный отзывъ объ его образѣ дѣйствій въ этомъ случаѣ со стороны покойнаго Императора Александра II и звѣзда св. Анны, приславшая ему съ первою же послѣ разсказаннаго происшествія почтою, пришедшою въ Константинополь изъ Россіи.

Новыя попытки непосредственнаго соглашенія сторонъ не имѣли успѣха. Патріархъ стоялъ на прежде поставленныхъ имъ условіяхъ и объявилъ, что готовъ скорѣе допустить переходъ всѣхъ Болгаръ въ католицизмъ, нежели уступить что либо изъ преданій великой церкви.

Между тѣмъ Болгары просили у правительства скорѣйшаго

разрѣшенія распри, такъ какъ народъ не принималъ къ себѣ греческаго духовенства, отчего во многихъ мѣстностяхъ дѣти оставались некрещеными, свадьбы вѣгчались безъ священниковъ, такимъ же образомъ погребались умершіе.

Австрійское правительство, съ своей стороны, видя раздрѣженіе Болгаръ, стало хлопотать о присоединеніи Болгаръ къ Карловицкому патріархату.

Порта, въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ и желая также положить конецъ исканіямъ западныхъ державъ, стремившихся водворить свое вліяніе въ странѣ путемъ удовлетворенія духовныхъ требованій Болгаръ, учредила смѣшанную греко-болгарскую комиссию для разсмотрѣнія способовъ примиренія сторонъ на основаніи восьми точекъ Болгаръ. Занятія комиссіи, продолжавшіяся полтора года, оказались совершенно безплодными; достигнуто было лишь общее соглашеніе по 1-му пункту объ избраниіи патріарха, причемъ изъ числа 70 избирательныхъ голосовъ Болгарамъ предоставилось отъ 25 до 30 голосовъ. По остальнымъ же пунктамъ пренія не привели ни къ чему: члены комиссіи не могли согласиться между собою и она должна была закрыть свои засѣданія.

Аали-паша, желая облегчить задачу комиссіи, предложилъ два проекта разрѣшенія вопроса. Первый предлагалъ раздѣленіе всѣхъ существующихъ епархій на три категоріи: чисто греческія, чисто славянскія и смѣшанныя; отъ каждой группы посылаются для засѣданія въ синодъ по четыре епископа, а отъ смѣшанныхъ по два отъ каждой народности. Второй проектъ предлагалъ устроить избирательные округа на каждыя 50 тысячъ жителей, съ тѣмъ чтобы каждый изъ округовъ имѣлъ своего представителя въ синодѣ.

Проекты эти были безусловно отвергнуты патріархомъ, упорство котораго и крутой нравъ вывели наконецъ изъ терпѣнія самихъ Грековъ и привели къ его изложенію и замѣнѣ его Амассейскимъ епископомъ Софроніемъ, человѣкомъ умнѣмъ, мягкимъ, одушевленнымъ самыемъ примирительнымъ духомъ, но ко-

торый, благодаря своей безхарактерности, сдѣлался вскорѣ игрушкой различныхъ пиртій, толшившихся около вселенского престола.

Новый патріархъ собралъ большой совѣтъ изъ 70 членовъ, на половину духовныхъ и мірянъ, который выработалъ слѣдующія уступки Болгарамъ: 1) при избраніи патріарха Болгарамъ предоставляется 59 голосовъ; 2) для достиженія большей правильности при назначеніи епископовъ патріархъ обязывается за- вести книгу, въ которую будуть вписываться имена лицъ наиболѣе достойныхъ избрания, а также кандидаты рекомендован- ные болгарскими епархіями: въ случаѣ вдовства каѳедры, на нее назначается ближайшій по списку кандидатъ изъ числа предложенныхъ тою епархией, где открылась вакансія 3) область вселенской патріархіи раздѣляется на шесть округовъ: Азія, острова, Эпиръ-Фессалія, Фракія, Македонія и Болгарія-Боснія; каждый округъ посыпаетъ по два епископа въ составъ Константинопольского синода; 4) члены синода назначаются на одинъ годъ; 5) требование о смѣшанномъ церковномъ совѣтѣ отвер- гнуто на томъ основаніи, что Болгары такимъ образомъ полу- чили бы больше правъ, чѣмъ сама вселенская церковь, совѣтъ коей состоить изъ представителей одного Константинополя, а не провинцій, какъ того требуютъ для себя Болгары.

Съ точки зреінія Болгаръ предложенные уступки главный- шимъ образомъ были недостаточны въ слѣдующихъ отношеніяхъ: избраніе епископовъ по списку, составленному патріархіей, не представляло никакихъ гарантій для Болгаръ, которымъ приходилось бы довѣряться добросовѣтности патріаршихъ чиновни- ковъ, неоднократно и не безъ причины ими заподозрѣнной, затѣмъ, при крайней неравномѣрности областей, при которой острова составляли округъ, имѣющій такія же права какъ и вся Болгарія и Боснія вмѣстѣ, очевидно было, что греческий эле- ментъ будетъ всегда имѣть значительный перевѣсъ въ синодѣ.

На основаніи этихъ то соображеній Болгары не удовлетво- рились предложенными уступками и раздоръ получила новую пищу вслѣдствіе возвращенія Портой въ Константинополь сослан-

ныхъ епископовъ Илларіона и Авксентія. Болгары собирались было устроить имъ торжественный прѣмъ, но онъ не имѣть мѣста вслѣдствіе заблаговременно принятыхъ Аали-нашой мѣрь.

Патріархъ пробовалъ мириться съ возвратившимися епископами и предлагалъ даже имъ епархіи, лишь бы они просили прощенія, но тѣ отказались и поселились въ деревнѣ Ортакѣй, на Европейскомъ берегу Босфора, которая отнынѣ становится мѣстопребываніемъ высшаго болгарскаго духовенства.

Среди Болгаръ все болѣе и болѣе усиливается стремленіе къ обосленію своей народности, и одинъ изъ выдающихся ихъ дѣятелей, Геровъ, въ своей запискѣ 1864 года ставитъ слѣдующія условия примиренія съ патріархіей: Болгары желаютъ: 1) отѣниться отъ Грековъ и составить особенный народъ, хотя бы и подъ глашенствомъ вселенскаго патріарха; 2) избирать имъ самимъ своихъ архиересовъ для того, чтобы патріархія не могла и впредь посыпать къ нимъ, какъ до сихъ поръ, недостойныхъ пастырей и 3) устранить неблагопріятное вліяніе патріархіи на управление болгарскими епархіями.

Впервые послѣ паденія Болгарскаго царства, съ амвона болгарской церкви въ Шумлѣ раздалась рѣчь митрополита Виддинскаго Анонима, будущаго экзарха Болгаріи, въ которой онъ осмѣялся говорить народу явно и громко о его славномъ прошломъ. Владыка говорилъ, что Шумла есть старая Преслава, древняя, великая столица Болгарскаго народа; она для Болгаръ тоже что Сіонъ для Израїля. Вспомнилъ онъ и Крума, и Симеона, и другихъ, предь которыми когда то трепетала Византія. «Если бы камни и деревья имѣли языки и голосъ, они повѣдали бы намъ объ этихъ славныхъ временахъ», говорилъ онъ, «но теперь все пало, все исчезло, и нѣть сгѣдовъ этой славы, этого могущества»...

Взаимная ненависть дошла до того, что умирающій Авксентій, завѣщавшій предь смертью все свое состояніе въ пользу болгарскихъ ученицъ, отказался принять разрѣшеніе наложенное на него клятвы, посланное ему патріархомъ вслѣдствіе на-

стояній нашего посла, указывавшаго на необходимость воспользоваться подобнымъ случаемъ, чтобы доказать готовность патріарха примириться съ Болгарами.

Патріархъ Софроній дѣйствительно понималъ необходимость скорѣйшаго разрѣшенія церковной распри. Патріархія была въ очень затруднительномъ денежному положеніи вслѣдствіе отказа славянскихъ епархій платить обычныя подати. Съ другой стороны, тульчинские жители, не желая обращаться для поставленія священниковъ къ греческому митрополиту, рѣшили собрать соборъ священниковъ и поручить имъ произвести посвященіе. Тогда же, подъ вліяніемъ графа Игнатьева, Софроній приступилъ къ очищению болгарскихъ каѳедръ, отзывая постепенно или переводя въ другія епархіи епископовъ не болгарскаго происхожденія.

Но ни миролюбивое настроение умѣренной партии Болгаръ, ни искреннія старанія патріарха Софронія добиться мира, ни, наконецъ, дѣятельное вышательство посла нашего въ Константинополь, успѣвшаго достигнуть соглашенія по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ, не привели къ желаемой цѣли. Обѣ стороны убѣдились въ необходимости покончить споръ, но были не въ силахъ ограничить и видоизмѣнить свои требованія настолько, чтобы прийти къ возможности соглашенія. Съ одной стороны, сильное, хотя не всегда высказываемое прямо стремленіе Болгаръ къ достижению самостоятельности своей церкви, а съ другой — упорная рѣшимость Грековъ удержать свое первенство создаютъ тысячи затруднений, которыя, при неуступчивости обѣихъ сторонъ, обращаются въ неодолимыя препятствія. Напрасно всевозможныя комиссіи и много- и малочисленныя стараются надъ разсмотрѣніемъ всевозможныхъ проектовъ, всѣ усилия разбиваются объ упорство спорящихъ, доводягь лишь обѣ стороны до крайнаго раздраженія и вызывающъ взаимную вражду, которая, ослѣдняя спорящихъ, препятствуетъ имъ прислушаться къ голосу разума. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ новыхъ и неудачныхъ попытокъ соглашенія, обѣ стороны приходятъ къ уѣждѣ-

шю, что онъ не въ состояніи рѣшить своего спора собственными силами, и Болгары обращаются къ Портѣ съ просьбой допустить отдѣленіе Болгарской церкви отъ вселенской и устройство ея по образцу Сербской; филиппопольскіе же Болгары изъявляютъ желаніе мириться на условіяхъ, которыхъ будутъ предложены Россіей.

Въ концѣ 1866 г. на кафедрѣ Константинопольской произошла перемѣна: патріархъ Софроній былъ низведенъ, а на его мѣсто, 10-го февраля 1867 г., избранъ одинъ изъ прежде бывшихъ Константинопольскихъ патріарховъ Григорій VI; онъ показалъ искреннее желаніе примириться съ Болгарами и подалъ правительству слѣдующій проектъ, оставившій такіе глубокіе слѣды въ исторіи греко-болгарскаго вопроса: 1) епархіи, которыя будутъ признаны болгарскими, не могутъ быть отдѣлены отъ вселенскаго престола, но составятъ отдѣльный округъ подъ названіемъ Болгарскаго. 2) Первенствующій митрополитъ этого округа получитъ званіе экзарха Болгаріи и будетъ призванъ намѣстникомъ патріарха въ Болгарскому округу. 3) Экзархъ и подчиненные ему епископы будутъ поминать имя вселенскаго патріарха. 4) Всѣ митрополиты округа составляютъ подъ предсѣдательствомъ экзарха синодъ. Обязанности этого синода заключаются въ охраненіи чистоты православной вѣры и въ веденіи духовныхъ дѣлъ округа. Рѣшенія его будутъ иметь полную силу въ предѣлахъ Болгарскаго экзархата и подлежать пересмотру только по апелляціи вселенскому патріарху. 5) Синодъ будетъ вести списокъ лицъ признанныхъ, по подлежащемъ испытаніи, достойными назначенія во епископы и к концу этого списка сообщать ежегодно вселенской церкви. 6) Назначеніе епископовъ будетъ производиться согласно этому списку. Патріарху предоставляется право утвержденія избраннаго. Хиротонія назначаемаго производится на основаніи патріаршаго разрѣшенія. 7) Архіепископскіе бераты испрашиваются у Порты патріархомъ и пересыпаются имъ синоду для передачи по принадлежности. 8) Синодъ округа обращается къ патріарху для

полученія св. муга и пр. 9) Синодъ озабочится устройствомъ на счетъ Болгарского округа высшаго богословскаго училища и духовныхъ школъ для приготовленія низшаго духовенства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Болгарамъ не возвращается доступъ и въ богословское училище на островѣ Халки. 10) Регламентъ для управления Болгарскимъ экзархатомъ будеть составленъ по соглашенію патріарха съ духовенствомъ и представителями Болгарскаго народа. Измѣненія въ этомъ регламентѣ могутъ быть производимы не иначе какъ съ согласія патріарха и его синода. 11) Уставъ ставронигіальныхъ монастырей вселенскаго патріархата остается безъ измѣненій. 12) Если въ какой либо церкви Болгарского округа богослуженіе производится въ настоящее время по гречески или по славянски, то этотъ порядокъ будеть сохраненъ до тѣхъ порь, пока по общему согласію прихожанъ и по благословенію митрополита не подвергнется измѣненію. 13) Низшее духовенство Болгарского округа находится въ полной канонической зависимости отъ своихъ епископовъ и поминаетъ ихъ имена на литургіи. 14) Митрополиты Болгарского округа имѣютъ тѣ же права, какъ и всѣ прочие митрополиты, участвовать въ избраніи патріарха въ качествѣ избирателей или избираемыхъ. 15) Они обязаны въ бытность свою въ Константинополѣ по своимъ дѣламъ соблюдать тѣ же каноническія правила, какъ прочие іерархи великой церкви. 16) Болгарскіе митрополиты, временно проживающіе въ Константинополѣ, будутъ получать почетныя приглашенія на сослуженіе въ церквяхъ съ греческими іерархами и на присутствіе въ синодѣ. 17) Если бы въ Константинополѣ оказались законно-признанные свѣтскіе представители Болгарского церковнаго округа, то они будутъ приглашаемы на общія собранія патріархата. 18) Великая церковь даруетъ торжественнымъ актомъ прощеніе болгарскимъ епископамъ, низложеннымъ за отказъ поминать имя патріарха, лишь только они изъявятъ раскаяніе и обѣщаютъ подчиниться всѣмъ вышеизложеннымъ постановленіямъ.

Проектъ этотъ хотя и не вполнѣ удовлетворялъ Болгаръ,

но дѣмалъ имъ такія звичательныя и такія дѣйствительныя, а не мнимыя, уступки, что имъ съ радостью слѣдовало принять его, какъ представляющій всѣ ручательства для достижениія ихъ стремлений, тѣмъ болѣе, что гораздо легче расширить имѣемыя права, чѣмъ приобрѣсти или требовать ихъ въ полномъ ихъ объемѣ.

Патріархъ разумѣлъ предлагаемыя имъ преобразованія, какъ имѣющія чрезвычайную важность. Вотъ подлинныя его слова нашему послу въ Константинополѣ генераль-адьютанту Игнатьеву: «Je batis de mes mains un pont à l'indépendance politique des Bulgares».

Но Болгары не захотѣли довольствоваться уступками проекта Григорія VI, тѣмъ болѣе, что онъ не разрѣшалъ главной стороны вопроса, а именно о разграниченіи смѣшанныхъ епархій, укрываясь за эластическими выраженіемъ: «епархіи, которыхъ будуть признаны болгарскими». Идеи народности стали находить среди Болгаръ все большую пищу, и Порта захватываетъ въ это же время печатный адресъ на имя султана, въ которомъ доказывается необходимость создать автономную провинцію изъ нынѣшней Болгаріи подъ именемъ намѣстничества Болгарскаго, связанного съ прочими областями Оттоманской имперіи на основаніяхъ федеративныхъ и имѣющаго въ столицѣ имперіи свое отдельное народное представительство. Адресъ былъ подписанъ такъ называемымъ центральнымъ болгарскимъ комитетомъ. Въ то же время враждебность Болгаръ по отношенію къ Грекамъ нашла себѣ выраженіе въ адресѣ, которымъ Болгары осуждаютъ восстание Критянъ. Подачу этого документа, наглядно показывающаго разнѣ между христіанскими народами Балканскаго полуострова, Чомаковъ, одинъ изъ передовыхъ болгарскихъ бойцовъ, объяснялъ тѣмъ, что Болгарамъ выгоднѣе, чтобы Турція пропущствовала еще лѣтъ 50 или 60, въ теченіи коихъ они окрѣпнутъ, иначе же они могутъ сдѣлаться добычей Грековъ или Русскихъ.

Не удовлетворивъ Болгаръ, проектъ Григорія VI вызвалъ

опасенія и Грековъ; при разборѣ, въ совѣтѣ, проекта и составленнаго патріархомъ списка мѣстностей, которыя должны были входить въ составъ предположеннаго округа, особенное сопротивленіе было оказано міривами, которые никакъ не хотѣли согласиться на расширение предѣловъ Болгарскаго экзархата за Балканы и громко обвинили патріарха въ измѣнѣ греческому дѣлу. Твердость патріарха была поколеблена, и онъ сталъ придумывать различныя отступленія отъ своего проекта, дабы тѣмъ успокоить бурю, поднявшуюся въ совѣтѣ по поводу его предложеній. Такъ, опираясь на то, что Филиппополь даже во время самостоятельности Охридскаго патріархата составлялъ принадлежность вселенской церкви,—Григорій VI объявилъ, что этотъ городъ и теперь не можетъ быть присоединенъ къ будущему Болгарскому экзархату. Кромѣ того, онъ объявилъ, что епископскія каѳедры въ Болгаріи будутъ замѣщаемы Болгарами лишь по смерти епископовъ, въ настоящее время ихъ занимающихъ.

Вообще Греки были увѣрены, что тогдашній моментъ имѣлъ рѣшающее значеніе въ исторіи развитія новой Греціи. Греческій посланикъ въ Константинополь Деліанъ въ разговорѣ съ генераль-адъютантомъ Игнатьевымъ повторилъ, что, во избѣженіе всевозможныхъ недоразумѣній, необходимо ограничить Болгарію линіей Балканъ. По его словамъ, вся политическая будущность Греціи зависитъ отъ разрешенія этого вопроса: борьба отнынѣ идетъ между славянствомъ и эллинствомъ; борьба эта уже началась, и Греція слѣдуетъ показать въ ней всю свою силу и непоколебимость.

Проектъ патріарха встрѣтилъ еще враговъ въ лицѣ турецкихъ министровъ, совѣтъ которыхъ высказался противъ создания новой национальности,—болгарской—называя идею эту русскою. Они опасались, чтобы вопросъ, касающійся духовнаго управления, не породилъ нового политического тѣла, съ которымъ Турція придется считаться впослѣдствіи. Порта боялась самаго имени Болгаріи и не желала давать этой области политическихъ границъ, дабы созданіемъ экзархата съ ясно очерченными пре-

дѣлами не винуть Болгарамъ мысли требовать автономіи политической. Въ виду такихъ соображеній, Турки рѣшились, съ одной стороны, всячески мѣшать соглашенію между споряющими, выставляя каждому изъ нихъ недостаточность дѣламъ уступокъ и возможность добиться лучшихъ, а съ другой, способствовать успѣхамъ уніи. Еще въ 1861 году Али-паша въ отвѣтъ на сообщенія о недовольствѣ Болгаръ уступками патріарха сказали: «такъ пусть идутъ въ унію». Теперь же Порта стала особенно интересоваться этимъ вопросомъ по двумъ причинамъ; встревоженная движениемъ умовъ въ Болгаріи, она, во-первыхъ, желала бы сдержать ихъ порывъ, давъ ему другое направленіе и, во вторыхъ, надѣялась, что, по совращеніи Болгаръ въ латинство, сочувствіе къ нимъ Россіи неминуемо должно будетъ охладиться.

Какъ дополненіе къ своему проекту, патріархъ Григорій представилъ проектъ рѣшенія финансовой стороны вопроса въ слѣдующихъ двухъ пунктахъ: 1) Болгарскій экзархатъ принимаетъ на себя уплату части долга патріархата пропорціально своему пространству или числу жителей. 2) Епископы болгарскихъ епархій высыпаютъ ежегодно на расходы по содержанию патріархата извѣстную небольшую сумму, размѣръ которой будетъ определенъ особымъ регламентомъ. Остальные же вѣс доходы они употребляютъ по своему усмотрѣнію.

Какъ уже сказано выше, Болгары не удовлетворились проектомъ Григорія VI какъ потому, что епархіи во Фракіи и Македоніи оставались въ прежнемъ положеній, такъ и потому, что патріархъ предоставлялъ себѣ большой просторъ вмѣшательству въ дѣла новоопределенного имъ Болгарскаго церковнаго округа. Они стали настаивать на совершенномъ отдѣленіи отъ вселенскаго престола, съ возстановленіемъ Охридской архиепископіи, съ тѣмъ, чтобы къ ней были присоединены вѣсъ изъ болгарскихъ епархій, которыхъ въ прежнее время хотя къ ней и не принадлежали, по какимъ либо образомъ изъявляли желаніе соединить свою участъ съ участомъ прочихъ своихъ соотечествен-

никовъ, а равнымъ образомъ и тѣ, которыя входили въ предѣлы Тырновскаго патріархата, тоже незаконно уничтоженнаго патріархіей вселенскою. При такой лишь постановкѣ вопроса Болгары, говорили они, могутъ сказать, что они пользуются правами, простижающими изъ признаннаго въ государствѣ и начертаннаго въ гатти-гумаонѣ начала свободы совѣсти.

Старанія турецкихъ министровъ усилить раздоръ между Греками и Болгарами нашли себѣ дѣятельнаго помощника въ одномъ изъ самыхъ ярыхъ предводителей Болгаръ,—Чомаковъ, депутатъ города Филиппополя, который, не считая возможнѣмъ согласиться на предложенія патріарха, исключающія представляемый имъ городъ изъ состава предполагаемаго экзархата, подалъ Портѣ записку, прося о восстановленіи Охридскаго патріархата, основывая свое ходатайство на каноническомъ правѣ, на исторіи и на принципѣ свободы совѣсти, причемъ въ заключеніи благодарили турецкое правительство за соблюденную имъ роль зрителя и просили сохранить ее до конца и не препятствовать Болгарамъ самимъ устроить свои церковныя дѣла.

Въ концѣ 1867 года въ Петербургъ прѣѣзжали два болгарскіе представители, Георгіевъ и Шоповъ, съ просьбой о помощи и покровительствѣ Болгарамъ, которые рѣшились посвятить всѣ силы и средства на освобожденіе свое отъ турецкаго ига. Депутаты эти выразили, что они знаютъ, что эта борьба сопряжена съ великими опасностями и страшными пожертвованіями, но не могутъ откладывать своего дѣла на неопределѣленное время, подчиняясь для составленія плана и опредѣленія времени указаніямъ Сербіи, которая, съ своей стороны, обязалась помочь имъ деньгами, оружиемъ и снарядами.

Правительство наше, въ отвѣтъ на это обращеніе, отозвалось, что по причинѣ важныхъ внутреннихъ преобразованій, Россія желаетъ устраниться отъ войны, а, потому, не только не можетъ возбуждать своихъ единовѣрцевъ къ вооруженному возстанію, но и увѣщеваетъ ихъ отложить рѣшительную борьбу до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, такъ какъ она не можетъ

объщать поддержать военной силой ихъ стремлениі. До тѣхъ же порь необходимо не покидать надлежащей осмотрительности и особенно озабочиться устраниенiemъ раздоровъ и недоразумѣній между разными христіанскими народностями, попытки которыхъ къ освобожденію оказывались неудачными отъ недостатка въ искреннемъ единицѣ дѣйствій. Въ то же время вниманіе Георгіева и Шопова было обращено на то, какъ гибельна для общаго дѣла продолжающаяся распра между Болгарами и патріархатомъ, что распра эта поддерживается чрезмѣрными стремлениіями передовыхъ дѣятелей, что всѣ обращенія къ Портѣ по этому дѣлу совершение бесполезны, какъ уже доказалъ опытъ, и только вредятъ православной церкви, къ радости враговъ ея, и, наконецъ, что Болгарамъ необходимо войти въ прямыя спошнія съ патріархомъ, принять предлагаемыя имъ уступки и, прекративъ этотъ раздоръ, въ виду дорогихъ имъ надеждъ, предоставить времени достиженіе остальныхъ законныхъ ихъ требованій.

Впрочемъ, обращеніе Георгіева и Шопова къ совѣтамъ митрополита Московскаго Филарета для изысканія средствъ къ примиренію осталось безъ послѣдствій, такъ какъ маститый іерархъ объявилъ, что онъ считаетъ официальное вмѣшательство Россійскаго св. Синода невозможнымъ.

Ограниченнія, возвѣщенныя патріархомъ касательно епархій Филиппопольской и Охридской, вызвали цѣлую бурю въ средѣ болгарской общины и раздѣлили ее на двѣ партіи: одна отказывалась принять проектъ Григорія VI въ виду того что главною цѣлью свою онъ ставитъ разъединеніе славянскихъ земель, какою то фиктивною линіей, чтò, въ свою очередь, окажетъ вредное влияніе въ политическомъ отношеніи, когда придется возможность восстановить ихъ национальную независимость; другая же партія, болѣе умѣренная, желала, чтобы епархіи Филиппопольская и Охридская, продолжая оставаться подъ непосредственную властью патріарха, приобрѣли тѣмъ не менѣе право свободнаго выбора своихъ епископовъ, которые, затѣмъ, будуть лишь утверждаться

въ своемъ санѣ патріархомъ. Кромѣ того, они желали учреждения при вселенскомъ патріархатѣ Болгарскаго совѣта изъ мірянъ, который бы завѣдывалъ школами и благотворительными заведеніями.

Подъ вліяніемъ совѣтовъ нашего посла, Григорій VI началъ было склоняться въ пользу программы умѣренной болгарской партии, во главѣ которой сталъ митрополитъ Пантелеймонъ.

Турецкое правительство, узнавъ о непосредственныхъ переговорахъ болгарской общины съ патріархатомъ и предвидя возможность соглашенія между ними, тѣмъ болѣе для него не- приятнаго, что это время совпало съ Критскимъ восстаніемъ, употребило всѣ усилия, чтобы помѣшать примиренію и составило собственный проектъ, долженствовавшій служить яблокомъ раздора между спорящими, давъ Болгарамъ понять, что оно готово признать ихъ отдельно национальностью, *милліетомъ*. Болгары сочли эту уступку чрезвычайно важную, такъ какъ, по ихъ мнѣнию, въ ней заключалася зародышъ будущей автономіи, къ которой направлены были всѣ ихъ помышленія.

Проектъ Порты давалъ Болгарамъ совершенно самостоятельную Церковь, потому что хотя и ставилъ ее изъ приличій подъ верховную зависимость вселенского патріарха, но не упоминалъ, въ чёмъ именно эта зависимость должна выражаться. Особенно много раздоровъ общагъ второй пункта, который говорилъ: «церкви, построенные Греками и освященные ихъ епископомъ, будуть признаны исключительно собственностью греческихъ общинъ; такія же права предоставляются Болгарамъ относительно храмовъ, воздвигнутыхъ ими; имѣсть съ тѣмъ, Болгарамъ разрешается, въ случаѣ если бы они признали это нужнымъ, приступить къ построению новыхъ храмовъ исключительно для себя». При невозможности съ точностью определить на чьи именно деньги выстроена та или другая церковь, постановленіе это вызвало бы нескончаемые споры и даже серьезныя столкновенія обѣихъ народностей.

Не излишне замѣтить, что въ то же время султанъ прислалъ

болгарской церкви Св. Стефана въ Балатѣ Евангеліе со своею тутрою (именемъ). Болгары были этимъ поставлены въ немалое затрудненіе и, подъ конецъ, рѣшили выразить султану благодарность, объявивъ, что приняли Евангеліе на храненіе, но что употреблять его въ церкви не будутъ. По слухамъ, 2000 такихъ же Евангелій съ сultанскою тутрой приготовлены были Портой къ отправлению въ провинціи.

Между тѣмъ болгарскіе представители избрали исполнительную комиссию изъ восьми членовъ, которой вѣрили веденіе переговоровъ по церковному дѣлу. Въ основаніе ея инструкцій положено обязательство сохранить догматическое и духовное единеніе съ великою церковью. Здѣсь кстати будетъ сказать, что другое обстоятельство, въ которомъ Болгары показали, что желаютъ оставаться въ тѣсномъ единеніи съ православною церковью—это отказъ ихъ принять приглашеніе папы на такъ называемый вселенскій соборъ, созданный тогда въ Римѣ.

Исполнительная комиссія рѣшила, что если патріархъ откажется принять проектъ разрѣшенія вопроса, составленный бывшимъ митрополитомъ Филиппопольскимъ Паисіемъ, то она обратится съ просьбой о разрѣшении несогласія къ синодамъ россійскому и прочихъ автокефальныхъ церквей.

Проектъ митрополита Паисія есть не что иное, какъ проектъ Григорія VI съ нѣсколькоими измѣненіями и дополненіями, заключающимися въ слѣдующемъ: второй пунктъ выраженъ такъ: «Болгарскій церковный округъ состоять изъ епархій чисто болгарскихъ и смѣшанныхъ, которые будутъ указаны». Затѣмъ: «въ смѣшанныхъ епархіяхъ избрание епископа предоставлается большинству, а меньшинству дозволяется просить у соплеменного духовного начальника *хорѣ-епископа*, поминающаго вселенскаго патріарха и пославшего его начальство». 6-й пунктъ измѣненъ предоставлениемъ патріарху разъ навсегда уполномочить синодъ экзархата посвящать избранныхъ епископовъ, а 8-й пунктъ дополненъ возложеніемъ изъ патріарха представительства по дѣламъ экзархата у Порты. Пункты 12-й и 18-й отмѣ-

нены, но за то прибавляется одинъ пунктъ о томъ, что болгарские митрополиты и епископы будутъ уплачивать на содержание вселенского патріархата выпадающую на ихъ долю сумму денегъ.

Затрудненіе для патріарха принять проектъ Панісія заключалось, во-первыхъ, въ условіи присоединенія къ экзархату всѣхъ смишанныхъ епархій, а во-вторыхъ, предложенное имъ нововведеніе хоръ-епископовъ представлялось канонически незаконнымъ и оскорбительнымъ для Грековъ, такъ какъ обнаруживало заботливость Болгаръ отрѣшился отъ всякаго общеія съ ними. Поэтому, Греки пришли враждебно проектъ Панісія, обвинили даже патріарха Григорія въ излишней мягкости и въ измѣнѣ греческому дѣлу, вслѣдствіе которыхъ вопросъ доведенъ до такого развитія, и заставили его святѣйшество поклониться, что онъ никогда не допустить расширенія предѣловъ Болгарскаго экзархата за Балканы, чѣмъ болѣе и болѣе выясняли истинныя причины упорства, съ которымъ Греки, въ видахъ народныхъ, отказывались сдѣлать Болгарамъ просимыя уступки.

Видя взаимное раздраженіе сторонъ, графъ Игнатьевъ обратился къ россійскому Св. Синоду за указаніями, дабы Императорское посольство могло сообразно съ ними руководить двѣ спорящія стороны.

Св. Синодъ не нашелъ въ 1868 году возможнымъ дать просимыя указанія, такъ какъ хотя онъ, по его выражению, «и слѣдить съ напряженіемъ вниманіемъ за развитіемъ прискорбной Греко-Болгарской распри, тѣмъ не менѣе не можетъ въ настоящее время принять въ ней какое либо участіе, признавая ее внутреннимъ вопросомъ самостоятельной Константинопольской церкви, въ дѣла коей не почитаетъ себя въ правѣ вмѣшиваться, не получивъ на то приглашенія вселенскаго патріарха».

3-го октября 1868 года Порта, вынужденная появленіемъ близъ Дуная болгарскихъ четь къ уступчивости, прислала патріарху два проекта урѣшенія вопроса при особомъ *тезжере*, въ которомъ указывается на невозможность продолженія распри,

на необходимость обезпечить Болгарамъ дарованный всѣмъ подданнымъ султана права свободы совѣсти и, наконецъ, на то, что составленные проекты не касаются вовсе религії, въ вопросы которой Порта, по принципу, никогда не "вмѣшиваются".

Первый проектъ заключался въ слѣдующемъ: 1) во всѣхъ мѣстностяхъ Османской имперіи, гдѣ проживаютъ православные Болгары, имъ предоставляется выбирать себѣ священниковъ, знающихъ ихъ языкъ, 2) въ митрополіяхъ, гдѣ большинство населенія составляютъ Болгары, митрополитъ будетъ Болгаринъ; такое же право предоставляется Грекамъ. Если же въ епархіи, гдѣ митрополитъ Болгаринъ, большинство жителей Греки, епископомъ назначается Грекъ, подчиняющійся митрополиту Болгарину, и обратно, 3) въ Константинополѣ будетъ заѣдать башть-митрополитъ, который, вмѣсть съ своимъ синодомъ, будетъ имѣть попеченіе о духовныхъ нуждахъ Болгаръ, 4) митрополиты и епископы болгарскіе, избранные церковнымъ собраниемъ, назначаются султанскимъ бератомъ, 5) митрополиты и епископы болгарскіе избираются болгарскимъ синодомъ, но утверждаются патріархомъ, имя которого они обязаны поминать на богослуженіи, 6) въ городахъ, гдѣ учреждены митрополіи и епископскія кафедры, будутъ заѣдать тѣ, которые назначены духовными начальниками этихъ епархій. Болгары сохраняютъ право на всѣ церкви, гдѣ они теперь исключительно производятъ богослуженіе, а тѣ, гдѣ оно производится смѣшанно, не переходять въ собственность Грековъ, Болгарамъ же предоставляется право строить новые церкви, 7) синодъ обязанъ составить духовный регламентъ, который, по утвержденію Портой, получить полную законную силу.

Второй проектъ разнится отъ первого въ слѣдующемъ: 1) Болгарамъ предоставляется имѣть въ каждомъ вилайетѣ митрополита и въ каждомъ санджакѣ епископа, 2) такъ какъ все остается по прежнему и греческіе митрополиты и епископы сохраняютъ свои мѣста, то болгарскіе должны избрать себѣ города для пребыванія тамъ, гдѣ пѣтъ греческихъ епископовъ и

митрополитовъ, 3) Греки остаются подъ начальствомъ своихъ духовныхъ пастырей, которымъ и Болгары могутъ, если пожелаютъ, подчиниться; для назначенія въ санджакъ болгарского епископа требуется согласіе большинства жителей, 4) греческія митрополичны и епископскія кафедры остаются за ними.

Существенный и коренной недостатокъ обоихъ проектовъ Порты состоять въ томъ, что ими устанавливается совмѣстное и паралельное существование въ предѣлахъ одной и той же церковной области двухъ единовѣрныхъ, но взаимно другъ отъ друга независимыхъ церковныхъ властей. Второй недостатокъ проектовъ, это неопределѣленіе точнымъ образомъ границъ Болгарского экзархата. По канонамъ, никакая церковь и никакое церковное управление не существовало и не могутъ существовать безъ точно опредѣленныхъ границъ, точно также какъ немыслимо существование гражданской администраціи безъ предѣловъ географическихъ. Такимъ образомъ и предположенная Болгарская церковь неминуемо должна имѣть свои границы, а не можетъ распространять свою юрисдикцію на всѣхъ Болгартъ, разбросанныхъ по всей Оттоманской имперіи. Никогда ни одинъ патріархъ или епископъ не имѣлъ и не имѣть претензій на юрисдикцію по отношенію къ вѣрующимъ, хотя и соплеменнымъ и единовѣрнымъ, но обитающимъ въ его церковнаго округа. Слѣдовательно, точно также какъ Иерусалимскій патріархъ или митрополитъ Эфесскій или Кесарійскій не могутъ распространять своей юрисдикціи на вѣрующихъ ихъ епархій, живущихъ въ Константинополѣ, ни русскіе митрополиты на русскихъ, обитающихъ въ томъ же городѣ, или наконецъ Эллинскій синодъ на царградскихъ Грековъ, точно такимъ же образомъ духовный глава Болгарской церкви не можетъ имѣть притязаній на подчиненіе его власти всѣхъ Болгартъ, въ какомъ бы уголкѣ Турціи они ни находились.

Ошпраясь на поддержку Турскаго правительства, Болгары выпросили у него дозволеніе напечатать въ мѣстныхъ газетахъ какъ тезкере Порты, такъ и составленные ею проекты.

Выходка эта глубоко оскорбила патріарха, который, потерявъ прежнюю энергию и нацуганный неистовыми волами міянъ, во-звиамърился созвать общее собраніе, изъ которомъ, конечно, должны были восторжествовать крайнія мнѣнія иѣкоторыхъ лицъ, желавшихъ вынудить патріарха прибѣгнуть къ церковнымъ караимъ и произнести анаему на Болгаръ, нарушающихъ священные каноны. Это были первые признаки бури, разразившейся на Константинопольскомъ соборѣ 1872 г.

Находя въ проектахъ Порты отголосокъ требованій, на необходи-
мости которыхъ посольство наше въ Константинополѣ не переста-
вало настаивать предъ патріархатомъ, Греки приписали послѣднія
мѣры Турецкаго правительства русскому вліянію, русскимъ вну-
шенніямъ. Дѣйствительно, вполвѣтвѣ октября 1868 года, графъ
Игнатьевъ высказалъ мысль, въ послѣдствіи осуществившуюся,
о неизбѣжности вмѣшательства гражданской власти, тѣмъ болѣе,
что посольство наше въ Царыградѣ, лишенное указаний Св. Си-
нода и предоставленное собственнымъ своимъ средствамъ, го-
тово уже было тогда сознаться въ невозможности склонить спо-
рщиця стороны ко взаимнымъ, въ духѣ христіанского братолю-
бія, уступкамъ. Впрочемъ, какъ послѣднее средство къ достиже-
нію соглашенія, напѣ поболь напомнилъ патріарху совѣть, дан-
ный имъ еще въ 1866 г., чрезъ посредство Дерконскаго митро-
полита, а именно войти въ сношеніе съ единовѣрными церк-
вами, дабы посредствомъ взаимнаго обмѣна мыслей сдѣлать воз-
можнымъ созваніе вселенскаго собора.

Патріархъ съ радостью ухватился за эту мысль, явившуюся
единственною доскою спасенія, и созвалъ чрезвычайное собраніе
высшаго духовенства и докторовъ богословія, поручивъ въ то же
время своему синоду написать опроверженіе проектовъ Порты.
Патріархъ находилъ ихъ противорѣчими не только канонамъ,
но и самому существу христіанскаго вѣроповѣданія, то есть
догмату вѣры, и наносящими ему смертельную рану.

Болгарскіе архіереи не оставили мнѣнія вселенской патріар-
хіи безъ возраженія: они доказывали, что стремленіе отдѣлиться

отъ Константинопольской церкви не нарушаетъ каноновъ, такъ какъ 28 правило IV вселенского собора признаетъ за патріархомъ Константинопольскимъ право назначенія и юрисдикції лишь на однихъ архимитрополитовъ Азіи, Понта и Фракіи, предоставивъ назначеніе епископовъ на кафедры, находящіяся въ епархіяхъ подчиненныхъ этимъ архимитрополитамъ, самимъ архимитрополитамъ съ ихъ синодомъ, составленнымъ изъ подвластныхъ имъ епархиальныхъ епископовъ. Что же касается до утверждений каждого изъ сказанныхъ архимитрополитовъ, то правило прибавляетъ, что оно будетъ производиться архіепископомъ Константинопольскимъ послѣ того, какъ выборъ этого лица будетъ сдѣланъ и сообщенъ сему послѣднему, сообразно съ церковными канонами и обычаями. На этомъ то правила основаны церкви Сербская и Молдовалахская съ ихъ полунезависимыми архимитрополитами.

Затѣмъ, болгарскіе архіереи доказывали, что начало народности никакъ не противорѣчить церковнымъ правиламъ, такъ какъ съ глубокой древности были уже отдѣльныя церкви Эоіония, Готовъ, Армянъ, Грузинъ, Скиоонъ, Хазарь, Русскихъ, Эллиновъ и пр., причемъ священники и епископы избирались по большинству голосовъ духовенствомъ и мірянами, какъ то говорить 6-ое правило I вселенского собора и 19-ое правило Антиохійского собора и, наконецъ, 34-ое апостольское правило выражается по этому случаю: «епископы каждого народа должны имѣть начальникомъ первого между ними».

Кромѣ того, Болгарскіе архіереи доказывали, что въ ихъ домогательствахъ неѣть ничего противодогматического, такъ какъ неѣть и рѣчи объ измѣненіи догматовъ или же даже просто церковныхъ обрядовъ; догматъ же единства церкви не заключается ить признаніи одной и единственной Константинопольской церкви, отъ которой они хотятъ отдѣлиться, но въ вѣрѣ во святую, вселенскую и апостольскую Церковь, глава которой самъ Иисусъ Христосъ.

Что же касается обращенія ихъ къ свѣтской власти, то ар-

хіерей объясняли его тѣмъ, что греко-болгарскій вопросъ не только духовный, но и политический, такъ какъ епископамъ, кромѣ духовной власти, принадлежитъ еще власть судебная и административная.

Въ заключеніе болгарскіе архіереи утверждали, что образованіе отдѣльной самостоятельной Болгарской церкви можетъ быть даровано собственностию властью вселенского патріарха, безъ вселенского собора, какъ то было при установлении церквей Русской и Эллинской. Въ опроверженіи болгарскихъ архіереевъ замѣчательно то обстоятельство, что они не настаиваютъ на фактѣ уничтоженія въ 1767 году самостоятельной Болгарской церкви и тѣмъ доказываютъ, что они сами прекрасно знали, что церковь эта была лишь фиктивно болгарскою, а въ сущности чисто греческою.

Святѣйшій Григорій VI, рѣшивъ обмѣнѣться мыслями съ прочими самостоятельными церквами, обратился къ нимъ съ окружнымъ посланіемъ, гдѣ, излагая ходъ церковной распри и причины, препятствующія ему удовлетворить домогательства Болгаръ, нынѣ открыто поддерживаемыхъ Турецкимъ правительствомъ, указалъ на необходимость созванія вселенского собора.

Мысль о вселенскомъ соборѣ, какъ о крайнемъ средствѣ, какъ сказано уже выше, внушена была генераль-адъютантомъ Игнатьевымъ, который, со времени назначенія своего въ Константинополь, постоянно стремился установить близкія, частыя и, по возможности, непосредственные сношенія между вселенскимъ патріархомъ, прочими іерархами Восточной Церкви и нашимъ Св. Синодомъ. Старанія его были не безуспѣшины, и мало по малу вошло въ обычай между восточными іерархами относиться къ Св. Синоду и спрашивать его совета и братскаго духовнаго пособія въ дѣлахъ, касающихся церкви. Такимъ образомъ, вселенский патріархъ въ распѣрѣ своей съ молдавскими церковью обратился къ нашему Синоду и отвѣтъ имъ полученный окончательно убѣдилъ греческое духовенство въ пользуѣ, которую Восточная церковь можетъ извлечь изъ тѣсныхъ сношеній и об-

мѣна мыслей съ Русскою. Точно также обратился къ нашему Синоду Григорій VI, когда послѣдовало приглашеніе отъ папы на римскій соборъ. Но самыи рѣшительныи шагомъ патріарха было посланіе его по греко-болгарскому вопросу, въ которомъ онъ не только спрашивается мнѣнія русской церкви по этому предмету, но и предлагаетъ собрать вселенскій соборъ всѣхъ православныхъ церквей, подчиняясь заранѣе рѣшеніямъ его.

Отвѣтъ нашего Синода, вынужденнаго, несмотря на все свое нежеланіе, категорически высказаться по поводу церковной распри, не удовлетворилъ ни Болгаръ, ни Грековъ. Напротивъ, онъ возбудилъ ожесточенную полемику въ обоихъ лагеряхъ и способствовалъ сильнѣйшему раздраженію сторонъ и къ увеличенію недовольства греческаго духовенства противъ насъ, тѣмъ болѣе, что и вообще характеръ отношеній восточныхъ іерарховъ къ намъ измѣнился. Проявленіе народныхъ стремлений, воскресившихъ заглохшія было въ лонѣ православной церкви различныя народности, заступничество наше въ пользу Болгаръ въ Болгаріи, Македоніи и Оракіи, Арабовъ въ Сиріи и Палестинѣ, Сербовъ изъ Старой Сербіи и Босніи и разныя другія обстоятельства поселили въ Грекахъ недовѣріе къ намъ, замѣшившее прежнюю безусловную въ насъ вѣру. Подозрѣнія, возбужденныя предполагаемымъ въ насъ желаніемъ дать первенство на Балканскомъ полуостровѣ единокровному элементу надъ греческимъ, усердно и безпрестанно раздувались агентами запада, Турками и эллискою печатью. Не надо забывать, что большая часть іерарховъ, получая свое образованіе въ Греціи и въ греческихъ школахъ, легко поддается вліянію греческой журналистики, а, потому, съ ужасомъ помышляетъ объ уничтоженіи греческаго элемента въ пользу славянскаго. Поэтому и неудивительно, что въ то время, какъ Болгары обвинили Россійскій св. Синодъ въ пристрастіи къ фанаріотскимъ воззрѣніямъ, за то что онъ не одобряетъ самовольное отторжение Болгаръ отъ патріархіи, въ то же время греческое духовенство смотрѣло на отвѣтъ св. Синода съ недовѣріемъ, какъ на слишкомъ благопріятный Болгарамъ, видя въ

немъ положительное намѣреніе содѣйствовать панславистскимъ замысламъ въ ущербъ греческимъ интересамъ на Балканскомъ полуостровѣ, и было недовольно мнѣніемъ св. Синода, что вселенскій патріархъ имѣть право собственною властью признать независимость Болгарской церкви.

Кромѣ того, Греки обвинили насъ въ томъ, что мы желаемъ ввести въ церковь принципъ национальностей, нападали на то, что мы ободряемъ вмѣшательство Порты въ церковныя дѣла, допуская обсужденіе фирмана, который наша церковь должна была-бы оставлять незамѣченнымъ.

Грамота св. Синода дѣйствительно благопріятна Болгарамъ. Признавая за вселенскимъ патріархомъ полное право дѣлать по своей доброй волѣ уступки Болгарамъ и даже признать независимость ихъ церкви «какъ призналь иѣкогда независимость церкви Русской и Греческой», Синодъ прибавляется: «иѣкоторыя, если не все, желания Болгаръ, заявленныя предъ вселенскимъ патріархомъ, суть, конечно, желания самыя естественныея, основательныея, законныя, и его святѣйшество призываются самымиъ своимъ настырскимъ долгомъ удовлетворять по возможности этимъ желаниямъ».

Вообще же, Россійскій св. Синодъ высказывается противъ вселенского собора, дабы не вызвать раскола, могущаго произойти, въ случаѣ если Болгары не подчинятся соборному постановленію.

Отвѣтное посланіе Сербскаго митрополита было кратко и отличалось простотой и спокойствіемъ. Митрополитъ Михаилъ высказываетъ вселенскому патріарху сожалѣніе, что въ дѣло Божеское замѣшились людскія страсти, и церковный вопросъ перешелъ на почву политическую. Что же касается до церковнаго управления, то онъ полагаетъ, что оно можетъ видоизмѣниться согласно требованіямъ необходимости. Видя возможность утишить эту прискорбную расприю только путемъ прямаго соглашенія сторонъ, митрополитъ высказывается за удовлетвореніе требованій Болгарскаго народа, желающаго имѣть настырей «рожденныхъ среди его».

Не таковы были отвѣты восточныхъ патріарховъ, высказывающіе явное нерасположеніе къ Болгарамъ. Іерусалимскій патріархъ приписываетъ волненіе Болгаръ «снаблѣніемъ и обманамъ орудій сатаны и вѣрныхъ служителей мрака» и обѣщаетъ «сдѣлаться единодушнымъ способникомъ къ устраниенію изъ среды церкви недавно подозрѣвшей ехидны племенныхъ различий».

«Мы не потерпимъ», говорить, въ свою очередь, Антіохійскій патріархъ, «чтобы были устранимы права и издревле переданныя намъ преимущества церкви». Въ томъ же духѣ составленъ былъ отвѣтъ Кипрскаго митрополита.

Леонійскій синодъ въ своемъ посланіи считаетъ требованія Болгаръ не только противными церковнымъ законоположеніямъ, но и лишенными всякаго практическаго смысла. Отвѣтственность за всѣ раздоры, возникшіе въ великой церкви, Эллинскій синодъ возлагаетъ на преувеличенныя требования Болгаръ. Признавая справедливымъ для Болгаръ употреблять въ церковныхъ службахъ славянскій языкъ, онъ сожалѣтъ объ отвращеніи ихъ къ языку греческому, «царственному языку», которому они обязаны первоначальнымъ своимъ духовнымъ образованіемъ и на которомъ говорили и писали первые отцы церкви.

Россійскій св. Синодъ хотѣлъ было предварительно согласиться съ Эллинскимъ синодомъ, дабы отвѣты обоихъ на посланіе патріарха были по возможности тождественны, но когда объ этомъ было написано въ Леоніи нашему тамъ посланнику Новикову, то было поздно, такъ какъ отвѣтъ Леонійского синода былъ уже отправленъ въ Константинополь.

Всѣ восточные церкви высказались за собраніе вселенскаго собора, и такимъ образомъ ярко выступило разногласіе между греческими и славянскими церквами изъ за вопросовъ чисто народныхъ.

Легко представить себѣ впечатлѣніе, произведенное этими отвѣтами на Болгаръ; имъ не трудно было предвидѣть, въ какомъ смыслѣ рѣшилась бы ихъ распри на вселенскомъ соборѣ, созванномъ при такомъ настроеніи.

Порта, съ своей стороны, не желая собрания въ Константино-
полѣ вселенского собора, не переставала поддерживать домо-
гательства Болгарь и внушала имъ подь рукой, что она не прочь
дать имъ фирмантъ для учрежденія ихъ собственной церкви, лишь
только епископы болгарские соберутся въ Константино-
полѣ и согласятся между собою насчетъ основъ будущаго церковнаго
устройства.

Всѣдствіе подобныхъ внушеній, крайняя болгарская партия
вызываетъ въ Константино-полѣ епископовъ, которые немедленно
повинуются этому приглашенію. Простой народъ въ Болгаріи
относится съ восторгомъ къ путешествию епископовъ, считая
его предназначениемъ скораго разрѣшенія вопроса, дѣластъ,
между прочимъ, Софийскому митрополиту овацию при проѣздѣ
его чрезъ Рущукъ и служить молебны за султана, какъ благо-
дѣтеля болгарскаго народа.

Патріархъ вселенский бытъ глубоко опечаленъ самовольнымъ
прѣѣздомъ болгарскихъ епископовъ изъ своихъ епархій въ Царь-
градъ и считалъ его нарушеніемъ каноновъ и безпримѣрнымъ
слушаніемъ; онъ жалуется Портѣ и составляетъ окружное по-
сланіе, читаемое по всемъ церквамъ Константино-поля и объ-
ясняющее положеніе вопроса.

Болгарские епископы, прибывъ въ Константино-полъ, подали
патріарху записку, въ которой объясняютъ, что положеніе дѣлъ
въ Болгаріи невыносимо, что народъ давно уже не хочетъ при-
знавать греческихъ епископовъ, посланныхъ вселенскимъ пат-
ріархатомъ и что, всѣдствіе того, церкви лишены священниковъ,
прихожане — таинствъ. Не ставя никакихъ новыхъ условій при-
миренія, епископы считаютъ раздѣленіе церквей фактъмъ отнынѣ
уже совершившимся и заявляютъ о невозможности для Болгарь
помышлять о какомъ либо полюбовномъ соглашеніи со вселен-
скимъ престоломъ. Указавъ на безполезность вселенского собора
для рѣшенія распри, епископы въ заключеніе своей записки го-
ворятъ, что они удаляются отъ служенія Константино-полскому
престолу и возвращаются въ древнюю церковь Болгарскую, пра-

вославную, каноническую и автокефальную, которую признаетъ весь болгарскій народъ и клиръ и которая была, есть и вѣчно будетъ въ духовномъ единеніи съ великою церковью.

Патріархъ возвратилъ прошеніе епископамъ съ выговоромъ и потребовалъ ихъ отъѣзда въ епархіи; въ то же время, хотя и крайне раздраженный Григорій VI, уступая совѣтамъ графа Игнатьева, грозилъ прибѣгнуть къ церковнымъ карамъ лишь въ посѣдней крайности.

Епископы не повиновались, однако, приказанію патріарха и, оставшись въ Константинопольѣ, образовали изъ себя соборъ. Эти епископы были: Панаретъ Филиппопольскій, Паисій Пловдивскій, Анонимъ Видинскій, Дорофей Софійскій, Илларіонъ Ловчанскій и Илларіонъ Макаріупольскій.

Съ личностями Паисія Филиппопольскаго и Илларіона Макаріупольскаго мы уже знакомы. Обратимся теперь къ прочимъ духовнымъ сановникамъ, составившимъ изъ себя первый Болгарскій соборъ.

Преосвященный Панаретъ, родомъ изъ Битоліи, кончилъ курсъ филологическихъ наукъ въ Афинскомъ университѣтѣ. Поставленный епископомъ, онъ, благодаря своему искусному прітворству, считался Греками однімъ изъ преданийшихъ вселенской патріархіи лицъ.

Преосвященный Дороѳей—Болгаринъ изъ Копривиццы, самочука, постриженный на Аѳонѣ, былъ за деньги рукоположенъ греческими Тырновскими митрополитами во Врачансіе епископы и въ 1861 году ознаменовалъ себя скорой съ своею паствой; въ началѣ 1863 года принялъ унию, но потомъ скоро раскался и возвратился въ православіе. Епископъ Дороѳей считался преданнымъ Туркамъ и потому былъ очень нелюбимъ Болгарами; умеръ онъ затѣмъ въ Константинопольѣ въ крайней бѣдности.

Илларіонъ, епископъ Ловчанскій, родомъ изъ Елены, былъ протосингеломъ Тырновскаго греческаго митрополита Мелетія и, по настоянію жителей города Ловчи, былъ за большия деньги поставленъ епископомъ этого города. Преосвященный Илларіонъ

былъ первымъ Болгарскимъ епископомъ, поставшимъ на Болгарскую епархію.

Наконецъ, будущій Болгарскій экзархъ Аноімъ Виддинскій былъ уроженецъ города Кыркъ-клиссе (Лозенъ-града) и воспитывался сначала въ греческихъ училищахъ, затѣмъ уѣхалъ въ Россію, поступилъ въ Харьковскую семинарію, а потомъ въ Московскую Духовную Академію, гдѣ и кончилъ курсъмаги-стромъ. Въ 1857 году, вернувшись въ Константинополь, преосв. Аноімъ въ продолженіе двухъ мѣсяцей былъ іеромонахомъ при россійскомъ посольствѣ, а затѣмъ профессоромъ церковной истории и русскаго языка въ Халкинскай семинарії. Поставленный въ 1860 году епископомъ Преславскимъ, преосв. Аноімъ, посланный на ревизію Визійской епархіи, возвращается въ 1862 году изъ унії села Малый Тырновъ и Малый Самоковъ, гдѣ изъ 500 семействъ уніатовъ не возвратилось въ правосла-віе только 35 или 40 семействъ. При этомъ преосв. Аноімъ случайно избавился отъ убийства уніатами.

Затѣмъ, преосвященнаго послали на новую ревизію въ Ку-кушъ, гдѣ ему удалось оправдать Пароенія Полянинскаго, и въ 1865 году назначили ректоромъ Халкинскай семинарії, которую онъ и привелъ въ блестящее состояніе. Снова посланный на слѣдствіе въ Кесарійскую епархію, преосв. Аноімъ, по возвра-щешіи своемъ, поставленъ быть въ 1868 году въ митрополиты Виддинскіе; въ Виддинѣ онъ быть принять очень холодно паствой, считавшею его другомъ патріархіи и измѣнившимъ народному дѣлу. Убѣдившись въ невозможности противиться народному дви-женію, преосв. Аноімъ, по приглашенію главарей болгарской партіи, осенью 1868 года рѣшился открыто принять сторону народа и 6-го декабря 1868 года совершилъ литургію, не по-мнѹювъ имени вселенскаго патріарха. Блаженный Аноімъ обла-далъ даромъ обаятельный краснорѣчія. Проповѣди его въ Кон-стантинополѣ производили потрясающее впечатлѣніе, и греческіе журналы того времени приравнивали его къ знаменитостямъ древняго міра и называли его новымъ Іоанномъ Златоустомъ.

Выше, впрочемъ, мы имѣли уже случай привести его Шумленскую рѣчъ.

Положеніе дѣла становилось все болѣе патетичнѣмъ.

Всю надежду свою Болгары полагали на Порту, которая, чтобы разжечь споръ, отдает имъ документы, касающіеся уничтоженія Охридской и Испекской кафедръ.

Въ свою пользу Болгары выставляли главнымъ образомъ тѣтъ аргументъ, что, если султанъ Мустафа съ вѣдома и по просьбѣ патріарха Самуила имѣлъ въ 1767 году право измѣнить церковное устройство, установленное императоромъ Юстиніаномъ, то и султанъ Абдуль-Азизъ имѣть нынѣ такое же право возстановить прежній порядокъ вещей, не прибѣгая къ созванію вселенского собора, тѣмъ болѣе, что въ сущности греко-болгарская распри въ настоящее время вовсе не церковный вопросъ, а чисто народное дѣло, благопріятныемъ котораго Болгары желаютъ стать въ уровень съ другими народностями предъ правительствомъ султана.

Оставивъ даже въ сторонѣ извѣстный уже намъ составъ іерархіи Охридской архиепископіи, не имѣвшей въ себѣ ничего болгарскаго, нельзя не замѣтить, что Болгары напрасно основываются на примѣрѣ султана Мустафы. Тогда, въ 1767 году, какъ самъ архиепископъ Охридскій, такъ и подчищенные ему епископы, сами просили о присоединеніи ихъ къ вселенской патріархіи. Болгары, правда, увѣряютъ, что эта просьба была вынужденною, но и это все таки не измѣняетъ сущности дѣла. Султанъ Мустафа, основывался на письменномъ прошеніи архіепископа Арсенія, дѣль линь, въ своемъ качествѣ представителя гражданской власти, санкцію соглашенію, состоявшемуся непосредственно между Константинопольской патріархіею и Охридскою архиепископіею. Между тѣмъ какъ въ настоящемъ случаѣ Болгары, не добившись никакого соглашенія съ вселенскимъ престоломъ, обращаются противъ воли сего послѣдняго къ свѣтской власти и требуютъ отъ султана Абдуль-Азиза, мусульманскаго государя, дарованія имъ национальной церкви.

Болгары сами сознавали слабость своих доводовъ съ точки зрења церковной, а потому-то и рѣшились откровенно высказать, что расиря ихъ съ Греками имѣть характеръ исключительно народный, направленный къ возсозданию Болгаріи какъ отдельной национальности. Въ виду такого оборота дѣлъ и усилившагося волненія между Болгарами, турецкое правительство, находившее одно время выгоднымъ для себя поддерживать и разжигать расприю, начало понимать опасность для себя такого образа дѣйствий и рѣшило подвергнуть вопросъ новому обсужденію въ смѣшанной комиссіи, составленной изъ свѣтскихъ трехъ Болгаръ и трехъ Грековъ, которой было поручено добиться какого либо соглашенія.

Работы комиссіи шли медленно; патріархъ отвергалъ ея значеніе какъ составленной не изъ духовенства и настаивалъ, чтобы болгарскіе епископы отправились, прежде всего, въ свои епархіи. Крайняя же болгарская партія настаивала не только на томъ, чтобы епископы не удалились изъ Константинаополя, но чтобы они совершили торжественное служеніе въ церкви, дабы тѣмъ ознаменовать свое отдѣленіе отъ вселенской патріархіи.

Недовольные ходомъ работъ комиссіи, болгарскіе представители, не ограничиваясь жалобой на нее въ Порту, стали просить иностранного содѣйствія и обратились къ великобританскому послу; они не продолжали дѣйствовать въ томъ же смыслѣ въ другихъ посольствахъ лишь потому, что это обращеніе весьма не понравилось Турецкому правительству.

Новое обстоятельство совершенно неожиданно усложнило вопросъ. Сербское регентство нашло нужнымъ поручить своему агенту въ Константинаополь заявить права Сербіи на Илекскій и Охридскій престолы, какъ принадлежавшіе нѣкогда Старой Сербіи, и настаивать на томъ, что, въ случаѣ отдѣленія ихъ отъ вселенского патріархата, право назначать епископовъ должно перейти къ сербскому митрополиту. Графу Игнатьеву стоило не мало труда убѣдить сербское правительство въ несвоевременности такихъ заявлений, которыхъ возбудили бы недовѣріе

Порты и повели бы, съ другой стороны, къ разрыву съ Болгарами.

Сознавая всю опасность направлениія, принимаемаго распорѣй, посолъ нашъ употребилъ всѣ усилия, чтобы воспрепятствовать окончательному разрыву. Предъ Болгарами онъ настаивалъ на необходимости, прежде всего, установить каноническое основание для церковнаго болгарскаго устройства. Это была необходимость первенствующая, вопросъ же о числѣ и пространствѣ епархій, которыя войдутъ въ составъ экзархата, имѣлъ уже второстепенную важность, такъ какъ онъ могъ измѣниться подъ влияниемъ событий. Прочныя учрежденія основываются лишь постепенно, желать же достигнуть всего разомъ, значило бы действовать противно урокамъ истории. Что касается огреченія и католической пропаганды, то графъ Игнатьевъ старался разсѣять опасенія Болгаръ въ томъ, что оставшіяся въ рукахъ Грековъ болгарскія земли утратятъ свою народность; если до сихъ поръ Болгары могли противостоять влияніямъ, которыхъ нынѣ такъ они опасаются, то нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ ихъ стойкости теперь, когда предъ ними будетъ новый скѣтъ надежды, который будетъ освѣщать ихъ путь и укрѣпить ихъ мужество.

Великому визирю посолъ нашъ поставилъ на видъ крайнюю потребность достигнуть соглашенія сторонъ, такъ какъ, въ случаѣ разрыва, Портѣ грозило бы волниеніе въ Болгаріи или необходимость созвать вселенскій соборъ.

Понимая справедливость этихъ доводовъ, Аали-паша принялъ личное предѣдательство надъ събѣшанною комиссией, и послѣ нѣсколькихъ засѣданій удалось наконецъ прійти къ соглашенію, первому послѣ многоглѣтнихъ раздоровъ.

Выработаннымъ комиссией проектомъ устанавлялось отдельное церковное управлениѣ; во главѣ его находится Болгарскій экзархъ—предѣдатель Болгарскаго синода; онъ назначается бераторомъ и поминаетъ при служеніи патріарха, который устраивается отъ всякаго вмѣшательства въ церковное управлениѣ. За

вселенскимъ патріархатомъ остается въ Варненской епархії Варна, Месемврій, Аихіаль, Созополь, во Фракії южная съ Адріанополемъ, въ Македонії Солунь. Болгарамъ предстають Кукушъ, епархії Водени, Моглены, Струници и съверная часть епархії Мелникъ. Городъ Битолія будеть принадлежать патріархії, окружающія его деревни съ городомъ Прильпомъ составлять Болгарскую епархію. Велесь, Скопія, Приштина, Самоковъ и Неврокопъ войдутъ въ предѣлы экзархата, точно также какъ и городъ Охрида. Фермы же Преславской епархії, окружающія Преспу, деревни, населенные Кучовлахами, Сересь и Драма будуть продолжать оставаться подъ властью Константинопольскаго престола. Мѣстомъ засѣданій синода будеть Тырново или Охрида.

Несмотря, однако, на всѣ старанія какъ нашего посла, такъ и греческаго посланика и членовъ комиссіи, патріархъ не согласился принять выработанный сю проектъ и представить свои возраженія, требуя изъкоторыхъ измѣненій этого послѣдняго; протестуя противъ предположеннаго разграничения, патріархъ, хотя и предоставляетъ Болгарамъ право свободнаго выбора, сообразно съ канонами, экзарха и митрополитовъ, но настаиваетъ на своеемъ правѣ утверждать ихъ въ этомъ санѣ особою утвердительной грамотой. Берать для экзарха долженъ испрашиваться патріархомъ и немедленно сообщаться имъ экзарху, который, равно какъ и подчиненные ему митрополиты, поминаютъ на богослуженіи имя патріарха. Въ денежному отношеніи патріархъ тоже не сошелся съ заключеніями комиссіи: онъ желалъ получать съ Болгаръ 100,000 шастрровъ ежегодной дани, а они предлагали лишь 30,000.

Что касается до возраженія патріарха противъ разграничения, Аали-паша находилъ, что противодействіе ему исходить нестолько отъ самого патріарха, сколько отъ Грековъ мірянъ, которые боятся, чтобы граница, проведенная нынѣ между двумя церковными областями, не повліала на политическую судьбы эмиграціи, предполагая, что въ тотъ день когда настанетъ время

дѣлить наслѣдство имперіи Османа, Славяне воспользуются, чтобы захватить себѣ львиную долю.

Приверженцы идеи эллинизма, видящіе въ уступкахъ Болгарамъ изыѣпу будущему великому дѣлу Гречіи, фанаріотское духовенство и католическая пропаганда удвоили свои проповѣди, чтобы помѣшать патріарху войти въ какое нибудь соглашеніе съ Болгарами.

Французское же правительство уже тогда начало поддерживать стремленія эллинизма, дабы возстановить свое влияніе на греческую народность и содействовать въ то же время успѣхамъ унії.

Послѣ бурнаго засѣданія, иѣкоторые изъ членовъ патріаршаго совѣта подали въ отставку подъ тѣмъ предлогомъ, что его святѣйшество сдѣлаетъ, по слабости своей, противоканоническое уступки Болгарамъ.

Утомленный борьбой и не видя себѣ поддержки въ окружающихъ его лицахъ, Григорій VI рѣшился самъ подать въ отставку, и лишь благодаря усиленнымъ стараніямъ Аали-пашини и графа Игвазѣева, опасавшихся, что при преемникѣ его церковное дѣло примѣтѣ еще худшее направление, удалось уговорить его святѣйшество взять свою просьбу назадъ.

Разрѣшеніе вопроса не подвигалось, однако, никакъ; послѣ всѣхъ разнообразныхъ и одинаково неудачныхъ попытокъ достигнуть соглашенія сторонъ, оставалось еще одно средство, давно уже предвидѣнное нашимъ посломъ въ Константинополь, а именно—вмѣшательство Турецкаго правительства, но не какъ посредника, а съ цѣлью постановить свое рѣшеніе, равно обязательное для обѣихъ сторонъ. За невозможностью развязать узелъ, оставалось только разбѣчь его.

Порта тѣмъ болѣе склонялась къ такому образу дѣйствій, что, давая Болгарамъ фирмантъ, она рѣшилась строго ограничить вытекающія изъ него преимущества исключительно церковною стороной дѣла, сохранивъ за собою все, что касается юрисдикцій гражданской и административной. Турецкое правительство пред-

полагало достичь этими нѣсколькихъ результатовъ разомъ: добиться централизаціи власти, отмѣны патріаршихъ преимуществъ и ослабленія вообще церковной власти и, въ то же время, дать удовлетвореніе, хотя и кажущеся, домогательствамъ Болгары. Но появленію фирмана, окончательная редакція котораго была готова уже въ сентябрѣ 1869 г., препятствовали пропаганда греческаго духовенства и существовавшія еще опасенія турецкаго правительства, которому пришлось бы такимъ образомъ признать болгарскую народность. Сознавая все значеніе послѣдняго обстоятельства, великий визирь рѣшился, однако, покончить съ тягостнымъ греко-болгарскимъ вопросомъ и утвердить торжественнымъ актомъ постановлія комиссіи.

Посоль нашъ находилъ въ то время, что хотя, конечно, прямое соглашеніе сторонъ было бы лучше, но такъ какъ этого соглашенія не предвидѣлось и во всякомъ случаѣ нельзя было бы обойтись безъ утвержденія правительства, то онъ и счѣлъ нужнымъ не только поддерживать Аали-пашу въ его намѣреніи, но и настаивать на возможно скоромъ обнародованіи фирмана. Многочисленныя прошенія изъ Болгаріи, усиленно настаивающія на рѣшеніи вопроса, были тогда же поданы Аали-пашѣ, который, наконецъ, 28 февраля 1870 года вручаетъ фирмансъ болгарскимъ выборнымъ.

V.

Фирманъ 1870 г., составляющій эпоху въ церковной греко-болгарской распѣ, состоить изъ 11 пунктовъ.

1. Образуется особый церковный округъ подъ официальнымъ названіемъ Болгарского экзархата, въ составъ коего, вмѣстѣ съ низкоименованными митрополіями и епископіями, входять нѣкоторыя другія мѣстности. Управление духовно-религиозными дѣлами этого округа будетъ вполнѣ представлено самому экзархату.

2. Старшій по сану изъ митрополитовъ этого округа будетъ

носить титулъ экзарха. Ему принадлежить право канонического предсѣдательства въ Болгарскомъ синодѣ.

3. Внутреннее духовное управление экзархатомъ будетъ определено, согласно съ основными канонами и религиозными постановлениями православной церкви, уставомъ, который будетъ представленъ на одобрение и утверждение сultанского правительства. Уставъ этотъ будетъ составленъ такъ, чтобы патріархъ не могъ ни прямо, ни косвенно вмѣшиваться въ духовные дѣла и, въ особенности, въ избрание епископовъ и экзарха. По избранию экзарха, Болгарскій синодъ даетъ знать объ этомъ патріарху, который немедленно же даетъ требуемую утвердительную грамоту.

4. Экзархъ, назначаемый сultанскимъ братомъ, обязаънъ будетъ, сообразно съ церковными правилами, помнить имя Константинопольскаго патріарха. Но прежде чѣмъ состоится избрание экзарха, сultанскому правительству должно быть представляемо то лицо, которое признано будетъ достойнымъ быть возведеннымъ въ этотъ сань.

5. Экзархъ имѣть право по дѣламъ, касающимся подчиненныхъ его духовному управлению мѣстностей, споситься непосредственно съ мѣстными властями и, въ случаѣ нужды, съ Портой. Особливо же берать, даваемые духовнымъ лицамъ, принадлежащимъ его вѣденію, будутъ даваемы лишь съ его извѣщенія.

6. По дѣламъ, касающимся православнаго вѣроисповѣданія, требующимъ совмѣстнаго совѣщанія, Болгарскій синодъ относится ко вселенскому патріарху и его синоду; эти же послѣдніе должны давать ему просимую помощь и отвѣтчать безъ замедленія на запросы, которые имъ будутъ предъявлены.

7. Св. муро Болгарскій синодъ будетъ брать отъ Константинопольскаго патріарха.

8. Епископы, архіепископы и митрополиты, подчиненные вселенскому патріарху, могутъ безпрепятственно проѣзжать чрезъ епархіи Болгарскаго экзархата, точно также какъ и болгарскіе епископы, архіепископы и митрополиты могутъ проѣзжать чрезъ епархіи Константинопольскаго патріархата; имъ дозволяется пре-

бывать въ главныхъ городахъ вилайетовъ и въ другихъ административныхъ центрахъ, но они не могутъ, виѣ своего духовнаго округа, созывать синодъ, ни вмѣшиватьсь въ дѣла христіанъ не принадлежащихъ ихъ духовному вѣденію, ни священничествовать безъ разрѣшенія епископа той мѣстности, гдѣ они находятся.

9. Подобно тому какъ Иерусалимское подворье, находящееся въ Фанарѣ, зависитъ отъ патріарха Иерусалимскаго, точно также Болгарское подворье и церковь, находящаяся въ той же мѣстности, будутъ зависѣть отъ экзарха Болгарскаго. Каждый разъ когда экзарху необходимо будетъ прѣѣхать въ Константинополь, ему дозволяется жить въ своемъ подворѣ. Что же касается священничествий, которыя экзархъ можетъ совершать во время пребыванія своего въ столицѣ, то онъ подчиняется тѣмъ же самымъ церковнымъ правиламъ, которымъ въ подобныхъ обстоятельствахъ подчиняются патріархи Александрийскій, Антиохійскій и Иерусалимскій.

10. Въ составъ Болгарскаго экзархата входятъ епархіи Рущукская, Силистрійская, Шумленская, Тырновская, Софійская, Врацкая, Тульчинская, Видинская, Нишка, Шаркѣйская, Кюстендильская, Самаковская, Велесская, Филиппопольская, Сливенскій округъ и уѣздъ Созопольскій, за исключеніемъ около двадцати сель Черноморскаго побережья, между Варной и Кюстендже, населенныхъ не болгарами, за исключеніемъ городовъ Варны, Аихиля, Месемврии, Филиппополя и Станимаха съ деревнями Куклена, Водена, Ариуткѣй, Панагія, Ново-село, Лесково, Ахміяпъ, Бачково, Бѣлащица и монастырей Бачковскаго, Св. Безсребрениковъ, Св. Паракесевы и Св. Георгія. Приходъ Св. Богородицы, внутри Филиппополя, войдетъ въ составъ экзархата, но жителямъ этого прихода предоставляется не подчиняться, если того пожелаютъ, экзархату. Подробности касательно этого пункта будутъ определены по соглашенію между патріархией и экзархатомъ и сообразно съ церковными и религіозными постановлениями. Сверхъ перечисленныхъ и неименован-

ныхъ выше мѣстностей, если жители другихъ мѣсть, исповѣдующіе православную вѣру, пожелають всѣ единогласно, или по крайней мѣрѣ двѣ трети обитателей, подчиниться Болгарскому экзархату и если, послѣ разсѣданія, будетъ доказано, что это справедливо, просьба ихъ должна быть уважена. И такъ какъ подобное заявленіе должно быть сдѣлано всѣми обывателями или по крайней мѣрѣ двумя третями ихъ, то тѣ, которые будутъ пытаться пособевать между жителями раздоръ, будутъ отвѣтственны предъ закономъ.

11. Порядокъ монастырей, находящихся въ предѣлахъ экзархата и по вѣроисповѣднымъ законамъ зависящихъ отъ патріарха, остается тотъ же самый и будетъ соблюденъ и впредь.

По содержанию своему фирмантъ согласенъ съ измѣненнымъ патріархомъ постановленіемъ комиссіи и разнится отъ него слѣдующими положеніями: церковь св. Богородицы въ Филиппополѣ представляется экзархату, браты выдаются прямо экзарху, помимо патріарха, имя патріарха поминается лишь экзархомъ, а не всѣми епископами а, наконецъ, самое главное, число епархій можетъ увеличиваться подачею голосовъ населенія.

Посоль нашъ, способствовавшій изданию фирмана, видѣлъ въ немъ зародыши будущей независимости Болгаръ, народность которыхъ впервые была признана официально Портой и получила право отдельного существованія. Графъ Игнатьевъ былъ убѣжденъ, что фирмантъ принесъ огромную пользу въ практическомъ отношеніи, устранивъ нѣкоторыя затрудненія, казавшіяся безъисходными. Въ нашемъ посольствѣ радовались, что Турецкое правительство озабочилось прекращеніемъ раздора авторитетомъ свѣтской власти, принялъ на себя все бремя неблагодарнаго труда и избавилъ насть отъ нареканій и усиленія подозрительности западныхъ державъ, неминуемыхъ въ томъ случаѣ, если бы такое рѣшеніе состоялось нашими стараніями.

При всемъ томъ, мы никакъ не могли смотрѣть на издание фирмана какъ на окончательное и законное разрѣшеніе существующихъ между Греками и Болгарами церковныхъ несогла-

сій, тѣмъ болѣе что, съ одной стороны, сама Порта признала за фирмансомъ законную и обязательную силу лишь потому, что, по ея мнѣнію, онъ основывается на проектѣ самого патріарха, а съ другой, уважая независимость патріаршаго престола въ его дѣлахъ, мы не могли признать законности вымѣщательства мусульманской власти, не рискуя въ то же время своимъ собственнымъ достоинствомъ и вліяніемъ. Окончательное рѣшеніе вопроса могло быть достигнуто лишь примиреніемъ Грековъ съ Болгарами и каноническимъ установлениемъ будущихъ отношеній между вселенскою патріархіей и Болгарскимъ экзархатомъ.

Не такъ смотрѣли на вопросъ Болгары; они считали его уже разрѣшеннымъ окончательно, несмотря на явную несообразность существованія отдѣльной православной церкви, краеугольнымъ камнемъ которой служить распоряженіе свѣтской и, въ добавокъ, мусульманской власти, всегда могущей отобрать завтра то, что она даеть сегодня. Напрасно русскій посолъ говорилъ имъ, что на фирмансъ, обнародованный вопреки волѣ патріарха, нужно смотрѣть лишь какъ на одинъ изъ эпизодовъ борѣбы, или какъ на точку отправленія нового примирительного настроенія, существующаго соединить въ одно общее цѣлое всѣ христіанскія народности Оттоманской имперіи. Они не захотѣли обратить вниманія на слова, сказанныя мастильнымъ Московскому іерархомъ Филаретомъ, незадолго до своей кончины: «Болгары имѣютъ лишь упрямое желаніе, а понятія не приобрѣли. Учредить новую независимую іерархію можно только съ благословенія законносуществующей іерархіи». Болгары стояли на своемъ, твердо вѣруя въ заключительныя слова дарованнаго имъ фирмана: «Les articles ci-dessus seront regardés dorénavant comme une règle de conduite qui ne sera pas enfreinte.» Послѣдующія события не разъ показали, что Турецкое правительство мало обращало вниманія на это условіе и не сколько разъ собиралось измѣнить фирмансъ, который Болгары считали непреложнымъ.

В добавокъ, предоставляемъ Болгарамъ права и преимущества, фирмантъ обусловливалъ ихъ соблюдениемъ извѣстныхъ обязанностей, вытекающихъ изъ церковной зависимости экзархата оть Константинопольской патріархіи, обязательствъ, опредѣленныхъ статьями 3, 4, 6, 7 и 9, исполнить которыхъ безъ соглашенія съ патріархіей является дѣломъ немыслимымъ.

По моему мнѣнію, въ ту минуту когда Порта давала фирмантъ, она далека была отъ мысли искренно примирить обѣ враждующія народности: напротивъ, давая Болгарамъ видимое удовлетвореніе 10-ю статью фирмана, она сдѣлала изъ нея именно Парижскую стрѣлу. Дѣйствительно, включая въ эту статью условіе о подачѣ голосовъ по крайней мѣрѣ двумя третями обитателей и зная всю трудность провѣрки и практическаго примѣненія этой мѣры, Порта широко открыла двери для раздора между Болгарами и Греками и посыпала между ними сѣмя всѣхъ несогласій, которыхъ скоро взошли и разрослись такимъ нынѣшнимъ цвѣтомъ, оправдавъ коварные расчеты Турецкаго правительства.

Между тѣмъ Греки не теряли времени: составивъ особый комитетъ, дабы доставить своимъ дѣйствіямъ болѣе единства, они отправили выборныхъ къ иностраннѣмъ представителямъ съ цѣлью показать имъ пагубный послѣдствія фирмана, плодами которыхъ воспользуется лишь одна Россія. Но, за исключеніемъ англійского побѣреннаго въ дѣлахъ, весь дипломатическій корпусъ принялъ эти откровенія очень холодно и продолжалъ благопріятно относиться къ Болгарамъ. Въ то же время греческая печать усилилась свои крики, развивая мысли, проповѣдуемые, впрочемъ, съ 1868 года, что не слѣдуетъ болѣе разсчитывать на Россію и что линия искренній союзъ съ Турцией можетъ обеспечить будущность эллинской народности.

Умѣренная партія въ Фанарѣ была заглушена, и вскоро составленное патріархомъ собраніе отправляетъ въ Порту протестъ противъ фирмана, какъ нарушающаго преимущества вселенскаго престола, и указываетъ на попираемыя фирманомъ

права православной церкви и на противозаконное вмѣшательство государства въ область вѣры. Ссылаясь затѣмъ на свои церковные обязанности, Григорій VI отказывается принять на свою ответственность постановленное Портой рѣшеніе вопроса и требуетъ созванія вселенского собора.

Великий визирь въ своемъ отвѣтѣ на это посланіе указалъ на то, что фирмантъ основанъ на уступкахъ, на которыхъ согласился самъ патріархъ, что Порта никакъ не желаетъ вмѣшиваться въ дѣла церкви и оставалась постоянно вѣръ религіозныхъ препирательствъ, но что первый долгъ каждого правительства охранять спокойствие и безопасность управляемыхъ имъ народностей и стараться устранять обстоятельства, могущія смущать народныя массы. Потому-то Порта не можетъ оставаться пассивною и безучастною зрительницей нынѣшняго положенія дѣль, угрожающаго правамъ и спокойствію большаго числа ея подданныхъ. Статья же 10-я была вызвана постоянными жалобами, получаемыми правительствомъ касательно притѣсненій Болгаръ греческимъ духовенствомъ.

Въ заключеніе Аали-паша прибавляетъ, что Турецкое правительство не считаетъ возможнымъ согласиться на созваніе вселенского собора, но готово на иѣкоторыя измѣненія въ фирмантѣ, особенно въ 10-й статьѣ, которую Аали-паша признаетъ главнымъ камнемъ преткновенія.

Это послѣднее обстоятельство говоритъ само за себя; оно показываетъ непрочность акта, принятаго Болгарами за основное правительственное постановленіе, и указываетъ имъ на необходимость достигнуть во что бы то ни стало освященія этого акта согласіемъ патріарха, безъ чего вопросъ не можетъ считаться оконченнымъ. Графъ Игнатьевъ не оставилъ призвать на это обстоятельство серьезное вниманіе болгарскихъ епископовъ, доказавъ необходимость для новой церкви канонической санкції вселенского престола.

Греческій посланикъ въ Константиополь дѣйствовалъ съ своей стороны на Грековъ умѣряющимъ образомъ; но его стали

обвинять въ слѣпомъ послушаніи русскому посольству, и вліяніе крайней партии въ Фанарѣ все болѣе усиливается, несмотря на то, что большинство синода желало бы примиренія. Крайніе всеѣ свои надежды полагали на происходившія тогда попытки сближенія между православною и англиканской церквами, для чего въ Англію былъ посланъ Ликургъ, архіепископъ Сирскій, во всеуслышаніе объявлявшій, что въ союзѣ съ англиканской церковью онъ видѣтъ лучшій оплотъ противъ панславизма. Константинопольскіе Греки предполагали даже, что англійскій посолъ Эллбътъ возьмется на себя защиту поруганныхъ правъ Великой церкви.

Григорій VI, все болѣе и болѣе подпадающей вліянію крайней партии славянофоловъ, при свиданіи своемъ съ графомъ Игнатьевымъ нападаетъ на Порту, горько сожалѣть о своихъ уступкахъ 1867 года, на которыхъ Порта основала свой фирмантъ, и единственнымъ средствомъ разрѣшенія вопроса считаетъ вселенский соборъ. Посолъ нашъ, осваривая это мнѣніе, совѣтовалъ войти въ прямое соглашеніе съ Болгарами, хотя бы даже для того, чтобы уничтожить значеніе фирмана, столь оскорбившаго его святѣшество; соглашеніе это, котораго добиться слѣдуетъ во что бы то ни стало, наполнило бы, по его выраженію, радостью весь православный міръ, къ великому посрамленію его враговъ.

Всѣдѣствіе стараній русскаго посла, четыре болгарскіе представителя имѣли свиданіе съ патріархомъ, упрашивали положить конецъ нынѣшнимъ затрудненіямъ компромиссомъ, основаннымъ на фирмантѣ, и умоляли о прощѣніи своихъ епископовъ.

Григорій VI отвѣтилъ имъ, что онъ удивленъ, слыша слова «болгарскій представитель», «болгарская нація», такъ какъ церковь не признаетъ племенныхъ различій. Чтобы получить свое прощеніе, болгарскіе епископы должны изъявить раскаяніе; что же касается до существующей распри вообще, то его святѣшество полагаетъ, что онъ сдѣлалъ всеѣ уступки, сообразныя съ достоинствомъ Великой церкви и съ истинными выгодами са-

михъ Болгаръ. Если же они желаютъ еще большаго, то имъ слѣдуетъ обратиться ко вселенскому собору, котораго онъ искренно желаетъ.

Недовольные отвѣтомъ патріарха, Болгары удалились, произнеся текстъ Евангелія: «не отвергай просящаго». Ихъ епископы, проживающіе въ Константинополѣ, занялись выработкой устава Болгарской церкви и, несмотря на честолюбивые прописки Илларіона Макаріупольскаго, болгарское общее собраніе утвердило синодальное устройство церкви и экзарху предоставило весьма ограниченныя права предѣдателя синода, составленнаго изъ пяти архіереевъ. Экзархъ отличается отъ другихъ членовъ синода лишь тѣмъ, что онъ будетъ старшимъ при церковномъ служеніи и тѣмъ, что онъ находится въ офиціальныхъ сношенияхъ съ правительствомъ. Духовные, вмѣстѣ со свѣтскими представителями, присылаемыми по-двоемъ отъ каждой епархіи, избираютъ трехъ кандидатовъ изъ всѣхъ болгарскихъ архіереевъ и представляютъ ихъ Портѣ, которая утверждаетъ одного изъ нихъ экзархомъ. Экзархъ избирается на пять лѣтъ. Синодъ рукополагаетъ архіереевъ, выбирая одного изъ трехъ кандидатовъ, представленныхъ епархіей. Священниковъ избираютъ общины; они должны быть не моложе 25 лѣтъ. Экзархъ носить титулъ экзарха всія Болгаріи и на богослуженіи поминаетъ Константинопольскаго патріарха и Болгарскій синодъ; остальные архіереи—только синодъ, а викарии и священники своихъ епархіальныхъ архіереевъ. Всکая епархія вносить ежегодно въ кассу синода отъ 50 до 100 турецкихъ лиръ на расходы. Архіереи имѣютъ отъ своихъ епархій опредѣленное жалованье. Синодъ судить провинившагося экзарха, а послѣдній вмѣстѣ съ синодомъ—архіереевъ.

Въ то же время болгарскіе епископы обратились съ посланиемъ къ самостоятельнымъ православнымъ церквамъ, говоря, что причиной всѣхъ теперешнихъ бѣдствій послужило уничтоженіе съ корыстными цѣлями независимыхъ болгарскихъ архіепископствъ Охридскаго и Испекскаго. Россійскій Св. Синодъ

оставилъ, однако, посланіе это безъ разсмотрѣнія, основываясь на томъ, что Болгарская церковь состоитъ доселъ въ канонической зависимости отъ патріарха Константинопольскаго и что непосредственныхъ сношеній Св. Синода съ болгарскими епископами, какъ представителями церкви, на отдѣленіе коей отъ патріарха соизволенія послѣдняго еще не послѣдовало, а равно и обсужденіе Св. Синодомъ дѣйствій упомянутыхъ епископовъ безъ предложенія о семъ со стороны патріарха, косуя они въ іерархическомъ порядкѣ подчинены, —были бы противны каноническимъ правиламъ.

Все болѣе и болѣе недовольный положеніемъ дѣлъ и отношеніемъ къ нему Турецкаго правительства, патріархъ объявляетъ вторично свое рѣшеніе оставить престолъ, предоставляя Портѣ выборъ между его отставкой и согласиемъ на созваніе вселенскаго собора, который, въ случаѣ крайности, могъ бы быть замѣненъ соборомъ помѣстнымъ, составленнымъ изъ патріарховъ и высшаго духовенства находящихся въ Турціи и который могъ бы быть созванъ въ Константинополь или въ другомъ какомъ либо городѣ.

Вынужденный дать Болгарамъ фирмантъ, Аали-паша начальbezпокояться относительно политическихъ послѣдствій этого документа, официально создавшаго отдѣльную болгарскую народность, тѣмъ болѣе, что въ совѣтѣ министровъ начинаются нападки на Аали-пашу, котораго старые турецкіе министры упрекаютъ въ непоправимой ошибкѣ.

Ветревоженный великий визирь прибѣгнулъ въ этомъ случаѣ къ обыкновенному средству турецкой администраціи, а именно, сталъ стараться затормозить дѣло, которому только что предъ тѣмъ онъ благопріятствовалъ, и дѣлаясь болѣе дружелюбно настроеннымъ къ Грекамъ, онъ отказался принять отставку патріарха.

Григорій VI между тѣмъ обращается къ графу Игнатьеву и къ греческому посланнику и просить ихъ содѣйствія, чтобы Порта не противилась созванію вселенскаго собора.

Въ то же время русскій посоль внушилъ еще мысль, что быть можетъ было бы весьма полезно, еслибы автокефальная православная церкви согласились между собою прислатъ въ Константинополь апокрисиаріевъ съ письменными отвѣтами на запросы патріарха: этимъ способомъ охранена была бы власть церкви и избѣгнуты неудобства, неизбѣжныя при созваніи вселенского собора. Хотя патріархъ высказался противъ этой мысли, считая недостойнымъ прибѣгать къ замаскированному собору и добиваться окончательнаго путемъ того, на что она имѣть неспопримое право, тѣмъ не менѣе нашъ посоль полагалъ, что его святѣшество, убѣдившись, что это единственный путь къ выходу изъ безчисленныхъ затрудненій, согласится на означенную мысль, если предложеніе по этому предмету будетъ сдѣлано отъ имени россійскаго Св. Синода.

Болгарскіе представители отнеслись сочувственно къ вопросу о присылкѣ апокрисиаріевъ, заявляя, что они готовы принять всякий компромиссъ, который будемъ имъ предложенъ россійскимъ Св. Синодомъ. Предложеніе русскаго посла осталось однако безъ практическихъ послѣдствій, такъ какъ нашъ Св. Синодъ усумнился, чтобы лицо, посланное имъ съ цѣлью умиротворенія и соглашенія Константинопольской церкви съ Болгарскою, могло имѣть дѣйствительное значеніе предъ Константинопольскимъ патріархомъ, который, вдобавокъ и безъ того уже враждебно относится къ посылкѣ апокрисиаріевъ. Что же касается до вселенского собора, то Св. Синодъ отозвался, что созваніе его не только неудобно, но за состоявшимся фірманомъ Порты даже совершенно невозможно, такъ какъ «фірманомъ этимъ Болгарскій вопросъ уже разрѣшился фактически, хотя, къ глубокому прискорбію, и не каноническими порядкомъ».

Григорій VI продолжалъ настаивать на своей отставкѣ, доказывая невозможность для него признать церковь, противоканонически установленную одною свѣтскою властью и не имѣющую опредѣленныхъ географическихъ границъ. Оставляя престолъ при анархіи, Григорій хотѣлъ поставить въ затрудненіе Порту,

Болгарь и Россію и вывести эту послѣднюю изъ ея пассивнаго и безучастнаго отношенія. Въ своемъ разговорѣ съ нашимъ посломъ патріархъ, выставляя на видъ необходимость вселенскаго собора, на созваніе котораго согласились уже всѣ церкви за исключеніемъ русской, прибавилъ, что теперь нужно разрѣшить вопросъ не греко-болгарскій, но гораздо болѣе важный, вопросъ о принципѣ, на основаніи котораго церковь должна быть совершенно независима отъ турецкой власти, которая постоянно старается отобрать отъ нея одно преимущество за другимъ. Св. Григорій закончилъ свой разговоръ словами: «я не могу потерпѣть, чтобы фирмантъ, исходящій отъ политической мусульманской власти, опредѣлялъ духовныя отношенія между мною и частью моей паствы».

Въ то же время святѣйшій Григорій послалъ новое окружное посланіе къ россійскому Св. Синоду, гдѣ онъ объясняетъ, почему онъ настаиваетъ на соборѣ или отставкѣ.

Въ виду упорства патріарха, Турецкое правительство не прочь было бы согласиться на его отставку, но не желая, однако, сбѣшить рѣшеніемъ этого дѣла, Аали-нашъ обратился къ св. Григорію съ вопросами объ основаніяхъ и предѣлахъ предлагаемаго имъ вселенскаго собора, подавая тѣмъ какъ бы надежду на согласіе. Патріархъ отвѣтилъ, что соборъ займется разсмотрѣніемъ болгарскихъ домогательствъ и уступокъ, сдѣланныхъ Великою церковью, и постановить по этому предмету свое окончательное, безапелляціонное рѣшеніе.

Греческое духовенство и вообще Греки ухватились за мысль о соборѣ. Иначе думали Болгары, епископы которыхъ подали Портѣ прошеніе, въ коемъ, указывая на значеніе фирманды, дававшаго Болгарскому народу право, указываютъ на безпрерывныя возраженія патріарха и на усилившее его уничтожить значеніе этого документа перепесеніемъ спора на вселенскій соборъ, большинство будущихъ членовъ котораго уже отнеслось враждебно къ требованіямъ Болгарь. Въ заключеніе болгарскіе епископы просятъ великаго визиря объ исполненіи постановле-

ній фирмана, высказывая готовность войти въ соглашение съ патріархією на основаніяхъ, заключающихся въ этомъ правительственномъ актѣ.

Между тѣмъ, стали получаться отвѣты на окружное посланіе патріарха отъ 30 сентября 1870 г. Афинскій синодъ снова признаетъ неотложность вселенского собора и заранѣе высказывается противъ болгарскихъ притязаній, называя ихъ заблужденіями. Антіохійскій и Іерусалимскій патріархи отвѣтили въ томъ же смыслѣ, осуждали принципъ национальностей въ церковныхъ дѣлахъ. Сербская церковь, какъ и прежде, высказываетъ противъ собора и не видитъ другой возможности справедливаго рѣшенія спора, какъ починъ самой Великой церкви.

Россійскій Св. Синодъ въ отвѣтномъ посланіи своемъ «со всею откровенностью, хотя и со скорбю въ сердцѣ», высказалъ что не можетъ согласиться съ мыслию, будто бы для рѣшенія вопроса необходимо созваніе вселенского собора, которые могутъ быть созываемы лишь по дѣламъ, касающимся вселенской вѣры и церкви, чего иѣть въ настоящемъ случаѣ. Греко-болгарскій вопросъ, какъ это уже объяснено было въ первомъ посланіи Св. Синода, относится исключительно къ церковному управлению и касается одной мѣстной Константинопольской церкви, которая и можетъ его рѣшить одна, своею властью или помѣстными соборомъ, какъ это было сдѣлано для образования церкви русской и эллинской. Въ настоящее время собраніе собора тѣмъ болѣе излишне, что всѣ частныя греческія православные церкви въ своихъ отвѣтныхъ посланіяхъ патріарху Константинопольскому какъ бы предрѣшили вопросъ, прямо высказавшись противъ Болгаръ. Такъ какъ, по всей вѣроятности, церкви не откажутся отъ своихъ мнѣній и на соборѣ, то этомъ послѣдній, не порѣшивъ окончательно ничего, могъ бы представить только печальное зрѣлище открытаго разногласія, если не раздѣленія между церквами греческими и славянскими и послужить соблазномъ для всего христіанскаго міра, православнаго и неправославнаго. Задача собора еще болѣе усложняется вслѣдствіе существованія сultанскаго фирмана по

Греко-болгарскому вопросу. Въ случаѣ соборнаго постановленія несогласнаго съ фирмансомъ, Порта можетъ не принять его и не допустить исполненія его между своими подданными. Посланіе заключается выдержкой изъ многихъ статей фирмана и разборомъ разностей между условиями соглашенія, предлагаемыми Греками и Болгарами, помошью которыхъ оно доказываетъ, что Болгари вовсе не хотѣть отдѣляться отъ вселенской церкви и потому несправедливо подвергать ихъ отлученію и называть раскольниками.

Убѣдившись въ безуспѣшности своихъ стараній, Болгари оставили попытки къ примиренію и стали собирать въ Константинополь своихъ депутатовъ. Болгарское собрание было открыто 23 февраля и избрало четырехъ кандидатовъ на санъ экзарха: Илларiona Ловчанскаго, Илларiona Макаріупольскаго, Панарета Филиппопольскаго и Алоима Видинскаго; что же касается Панція Филиппопольскаго, то онъ отказался самъ, въ виду своего греческаго происхожденія.

Недовольный положеніемъ дѣлъ и раздосадованный неудачей сближенія съ Англиканскою церковью, на которое Греки такъ разсчитывали, вселенскій патріархъ, огорченный къ тому же отвѣтъ нашего Св. Синода, вторично настаиваетъ или на своей отставкѣ или на созваніи собора и рѣшительнымъ письмомъ требуетъ отвѣта Порты въ пятнадцатидневный срокъ.

Аали-паша сильно оскорбился этимъ категорическимъ требованіемъ и если тотчасъ же не принялъ отставки Григорія VI, то лишь благодаря внушеніямъ графа Игнатьева, который соѣтовалъ удержать его святѣшество, чтобы не сдѣлать его взглазахъ греческаго общества мученикомъ и не помышшать уступкамъ его преемника. Новые переговоры, начатые между свѣтскими лицами, выбранными Греками и Болгарами, были безуспѣшины, несмотря на завѣренія Аали-паши, что если невозможно прийти къ соглашенію на почвѣ данного уже фирмана, то онъ готовъ дать второй дополнительный фирмансъ, который узаконилъ бы состоявшееся соглашеніе.

Между тѣмъ Болгары, выработавъ свой церковный уставъ и передавъ его на утвержденіе Порты, просили дозволить имъ приступитьъ къ избранию экзарха.

Наконецъ отставка Григорія VI была принята, и онъ покинулъ дважды занимаемый имъ престолъ. Такъ какъ отнынѣ его святейшество до самой своей смерти въ 1881 году, уже больше не игралъ выдающейся роли, оставаясь въ тѣни, то не лишилъ сказать нѣсколько словъ объ этой свѣтлой личности, оставившей столь глубокіе слѣды въ занимающемъ нась вопросѣ.

Григорій VI родился 25 марта 1798 года, въ деревнѣ Фанараки, находящейся близъ входа въ Босфоръ. Воспитанный въ школѣ въ Терапіи и посвященный въ діакона въ 1809 г., онъ заслужилъ, благодаря своимъ выдающимся качествамъ, довѣріе митрополита Дерконскаго, сдѣлавшагося его покровителемъ. По смерти этого архіерея и послѣ трехлѣтнаго удаленія отъ дѣла, Григорій VI нашелъ себѣ новаго покровителя въ лицѣ патріарха Хрисаноа и былъ послѣдовательно назначаемъ архидіакономъ, величимъ патріаршимъvikariemъ, архіепископомъ, митрополитомъ Пелагонійскимъ въ 1825 и Сересскимъ въ 1833 г.

Въ 1835 году Григорій былъ, наконецъ, выбранъ патріархомъ и занималъ престолъ въ теченіе пяти лѣтъ. Его святейшество вынужденъ былъ подать въ отставку подъ давленіемъ Англійскаго правительства, неудовольствіе котораго онъ вызывалъ, защищая права Константинопольскаго патріархата на церкви Іоническихъ острововъ и противодѣйствуя вообще протестантской пропагандѣ на Востокѣ. Англійскіе миссионеры въ началѣ нынѣшняго столѣтія начали переводить Священное Писаніе на разговорный греческий языкъ и раздавать свои изданія православнымъ Турціи. Когда же открылась истинная цѣль этого перевода и когда, посредствомъ его, протестантскіе миссионеры стали практиковать самый необузданый прозелитизмъ въ массахъ православнаго населенія на Востокѣ, то патріархъ Григорій VI нашелъ вынужденнымъ анаематствовать и англиканскія бібліи и даровое ученіе, распространяемое на Востокѣ протестантскими

миссіонерами. Недовольная таким распоряжениемъ св. Григорія, Англиканская церковь подготовила его низложение въ 1841 году, точь въ точь какъ въ былое время католическая церковь подготовляла незаконнаго низложения неудобныхъ для нея патріарховъ.

Призванный въ 1867 году вторично на Константинопольскій престолъ, Григорій VI, потерпѣвъ неудачу въ устройствѣ Греко-болгарского вопроса, въ 1871 году покинулъ престолъ и удалился на покой.

Долголѣтнее служеніе святѣйшаго Григорія носить на себѣ отпечатокъ возвышенного характера и ума болѣе широкаго и болѣе свободнаго отъ кастовыхъ предразсудковъ, чѣмъ мы привыкли, къ несчастію, встрѣчать въ рядахъ высшаго греческаго духовенства.

Понимая невозможность бороться съ наступающею волной національностей, Григорій VI проектомъ своимъ хотѣлъ дать правильный выходъ этому движению и, сознавая всю политическую важность домогательствъ Болгаръ и вліяніе, которое они имѣютъ для будущности эллнизма, хотѣлъ малыми уступками, сдѣланными въ время, предотвратить требование болѣшихъ въ будущемъ. Увидя же, что Болгары не хотѣтъ довольствоваться малымъ и своими притязаніями предъявляютъ политическія права на Македонію, Григорій, какъ истый Грекъ, остался вѣренъ великой идеѣ и своимъ упорствомъ сдѣлалъ невозможнымъ соглашеніе между Греками и Болгарами. Въ послѣднее время своего пребыванія на патріаршемъ престолѣ Григорій былъ простымъ орудіемъ въ рукахъ интригановъ, враждебныхъ Славянамъ, и потому то, когда онъ палъ, греческое общественное мнѣніе смотрѣло на него какъ на послѣдняго бойца за правое дѣло, павшаго, мужественно сражаясь противъ наступающихъ волъ Славянства.

VI.

Всѣ понимали насколько бытъ важенъ вопросъ: кто замѣнить Григорія на Константинопольскомъ престолѣ, и потому отнеслись съ большою осторожностью къ выбору новаго патріарха. Графъ Игнатьевъ благопріятствовалъ кандидатурѣ 82 лѣтнаго старца Аноима, бывшаго еще со временемъ Крымской войны русскимъ кандидатомъ на патріаршій престолъ, и когда Аноимъ далъ положительныя обѣщанія привести греко-болгарскую распрюко взаимному и справедливому соглашенію обѣихъ народностей, онъ былъ выбранъ вселенскимъ патріархомъ.

По совѣту графа Игнатьева, болгарская депутація съ Илларіономъ Макаріупольскимъ и Чомаковимъ во главѣ, идетъ съ поздравленіями къ новому патріарху, который обнимаетъ Илларіона, сваливаетъ всю вину на своего предшественника и, объявивъ, что у него уже готовъ проектъ рѣшенія вопроса, приглашаетъ Болгаръ на общее собраніе. Приглашеніе это Болгары, впрочемъ, отклонили, выразивъ мысль, что предварительно слѣдуетъ говориться обѣ основаніяхъ окончательнаго соглашенія.

Начало дѣятельности святѣйшаго Аноима доказываетъ, насколько искренно желалъ онъ сдержать свои обѣщанія и добиться умиротворенія. Въ первой рѣчи, сказаний имъ въ Фанарѣ греческому народному собранію, патріархъ проповѣдуетъ примиреніе и, снова осуждая предшественниковъ, высказываетъ противъ созванія вселенского собора. Затѣмъ его святѣйшество удаляется изъ Константиноополя враждебныхъ Болгарамъ митрополитовъ Дерконскаго, Кизикскаго и Клеовула Кесарійскаго, посыпаетъ въ Ортакѣ епископовъ, чѣмъ предаетъ забвению ихъ осужденіе, посыпаетъ двухъ епископовъ къ большому Панисю Филиппопольскому и просить нашего содѣйствія и содѣйства. Посыпая свой, согласный съ общими основаніями фірмана, проектъ нашему Святѣйшему Синоду, патріархъ объявляетъ, что онъ готовъ сообразоваться въ точности съ тѣми указаніями,

кои признако будеть нужнымъ передать ему конфиденціаль-
нимъ путемъ въ видахъ успѣшнѣйшаго разрѣшенія церковнаго
вопроса.

Къ сожалѣнію, Болгары, видя уступчивость патріарха и
дурно оцѣняя се, стали увеличивать свои требования и пред-
ставили патріарху, по его желанію, списокъ требуемыхъ ими
для экзархата 35 епархій,— простирающихся до самыхъ почти
воротъ Царьграда и охватывающихъ три четверти Македоніи,—
и, несмотря на просьбу русскаго посла не обращаться пока въ
Порту, Болгары отправились къ турецкому министру иностранн-
ыхъ дѣлъ просить обѣ утвержденій устава.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1871 года между патріархатомъ и Бол-
гарами устанавливается соглашеніе по всѣмъ пунктамъ за исключ-
еніемъ разграничения епархій. Анонъ представляетъ свой проектъ
въ Порту, которая хотя и считаетъ вопросъ уже разрѣшеннымъ
 фирмансомъ, но готова измѣнить 10-ю его статью, если по этому
поводу установится непосредственное соглашеніе обѣихъ заинте-
ресованныхъ сторонъ. Порта дѣйствуетъ примирительно, понимая,
что дальнѣйшее продолженіе раздора послужитъ причиной за-
трудненій, вызываю и усиливъ народныя стремленія къ вреду
Оttomanской имперіи.

Патріархъ, между тѣмъ, сообщаетъ Бол гарамъ свой списокъ
уступаемыхъ епархій. Увидя, что всѣ онъ находятся исключи-
тельно въ Болгаріи, представители болгарскіе отказываются ве-
сти переговоры на подобномъ основаніи.

При свиданіи своемъ съ графомъ Игнатьевымъ, патріархъ
не скрылъ, что онъ отчаявается въ успѣхѣ дѣла, такъ какъ де-
у него просятъ невозможнаго и онъ вынужденъ будетъ подать
въ отставку и оставить преемнику менѣе уступчивому дѣлу,
которое должно было увѣнчать послѣдніе дни его жизни.

Посоль не надѣлся на успѣхъ; онъ сознавалъ, что Болгары,
новидимому, не оцѣниютъ достаточно всю трудность положенія
патріарха и всю важность сдѣланныхъ уже имъ уступокъ, не
понимаютъ всѣхъ выгодъ имѣть для ихъ будущей іерархіи

каноническое основание и противятся всякой уступке, которая удалила бы ихъ отъ фирмана.

Главнейшее затрудненіе при разграничениі епархій представляли Охрида и Битолія. Греки не хотѣли ихъ уступить изъ страха отдать жителей албанскаго происхождѣнія въ добчу славянству. Болгары же съ своей стороны требуютъ эти мѣстности какъ древнюю часть ихъ отцовскаго наслѣдія.

Переговоры тянутся при постоянно примирительномъ настроеніи патріарха, который готовъ снять осужденіе съ Иллариона Макаріупольскаго, въ случаѣ если на то будутъ согласны другіе патріархи.

Греческое правительство начинаетъ становиться въ болѣе дѣятельное положеніе по отношенію къ греко-болгарскому вопросу. Одобряя уступки церковныя, которыя патріархъ, собирается сдѣлать Болгарамъ, оно тѣмъ не менѣе объявляетъ что оно остается злописцемъ касательно разграничениія епархій, предѣлы которыхъ греческій повѣренный въ дѣлахъ, г. Разись, считаетъ чрезмѣрными. Тогда уже посолъ нашъ предвидѣлъ, что если Греческое правительство употребить свое влияніе на печать и на многихъ мірянъ съ цѣлью противодѣйствія территоріальными уступкамъ, которыя Великая церковь пожелала бы сдѣлать Болгарскому экзархату, то это влияніе причинить важнаго затрудненія патріархату и отложить на неопределѣленное время желаемое разрѣшеніе.

Патріархъ былъ въ отчаяніи отъ упорства Болгаръ, тѣмъ болѣе, что крайняя греческая партія уже желала насильтвенаго отдѣленія Болгаръ отъ вселенской церкви.

Чтобы избѣжать нового разрыва переговоровъ, графъ Игнатьевъ имѣлъ долгое совѣщеніе съ болгарскими представителями; онъ указалъ имъ на постоянное сочувствіе, съ которымъ Россія относилась къ ихъ желаніямъ и стремленіямъ и увѣщавъ ихъ не упускать единственнаго случая получить законное удовлетвореніе. Когда Болгары пожелали знать послѣднее слово патріаршихъ уступокъ, посолъ напѣ показать имъ списокъ, по

которому святейший Анонимъ соглашается включить въ составъ будущаго экзархата епархіи: Тырновскую, Софийскую, Видинскую, Дристрскую (за исключениемъ Кюстендже), Кюстендильскую, Преславскую, Самаковскую, Нишскую, Нишавскую, Ловчансскую, Врачансскую, Червенскую, Велесскую, Скопскую, Охридскую, Филиппопольскую, — за исключениемъ этого города, Станимаха и нахі Конусъ, — Варненскую, — за исключениемъ самого города, Балчика и деревень побережья до Кюстендже — и Созопольскую (за исключениемъ самого города и деревень побережья) и следующія мѣстности, изъ коихъ должны быть образованы новые епархіи: каза-Правади, — Мессемврійской епархіи, каза-Айдость, — Анхиальской епархіи, каза-Сливно, — Адріанопольской епархіи, каза-Ахи-Челеби, — Ксантской епархіи и казы-Ямболи и Новади, — Адріанопольской епархіи. Такимъ образомъ экзархатъ состоять бы изъ 23 епархій.

Въ отвѣтъ на это сообщеніе, Болгары изъявили желаніе имѣть еще свои подворья въ Филиппополѣ и Варнѣ, непосредственно, впрочемъ, зависящія отъ патріарха.

Результатъ совѣщанія быть переданъ патріарху, который согласился на все и прибавилъ еще къ составу экзархата сѣверную часть Битольской епархіи и, быть можетъ, готовъ бы быть уступить даже Невроконъ. Кроме того, Анонимъ обѣщасть назначать священниковъ изъ Болгаръ во всѣхъ смѣшанныхъ мѣстностяхъ, которыхъ будутъ зависѣть отъ Константинопольского патріархата, лишь только жители ихъ заявятъ о томъ желаніе, обѣщасть даже посыпать туда епископовъ преимущественно изъ знающихъ славянскій языкъ.

Патріархъ обо всемъ этомъ поставилъ въ извѣстность Болгаръ, и надо отдать справедливость святейшему Анониму, что онъ сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее для достижения примиренія. Нельзя было требовать уступчивости болѣшей, чѣмъ та, которую онъ выказалъ въ своихъ тогдашнихъ предложеніяхъ.

Въ виду успѣшнаго хода переговоровъ, великий визирь Махмудъ-Недимъ-паша готовъ былъ дать новый фирмантъ въ томъ

случаѣ, если состоится окончательное соглашеніе между Греками и Болгарами. Тогда пѣкоторые турецкіе министры, съ цѣлью возбудить затрудненія Махмудъ-пашѣ и низвергнуть его, стали подстрекать Болгарь и въ особенности Чомакова настаивать на болѣшихъ уступкахъ со стороны патріархата, и вотъ Чомаковъ начинаетъ требовать весь городъ Филиппополь и епархіи Струмницкую и Могленскую. Въ свою очередь, митрополитъ Панаретъ, уроженецъ Битоліи, не довольствуется двумя третями этой епархіи, которая предлагаетъ патріархъ, и требуетъ и самый городъ Битоліо.

Умѣренные Болгары, которые были очень довольны уступками патріарха, теперь боялись подписать окончательное соглашеніе со вселенскою патріархіей изъ страха Панарета и Чомакова и изъ боязни быть обвиненными въ измѣнѣ народному дѣлу.

Назначенное въ Фанарѣ большое собрание съ участіемъ болгарскихъ представителей, которое должно было быть рѣшительнымъ, не оправдало общихъ ожиданій, такъ какъ Болгары въ послѣднюю минуту потребовали Филиппополя и Варны.

Требованіе это поставило патріарха въ большое затрудненіе, тѣмъ болѣе, что тому противились и міряне и члены синода, умоляя Аленіма не уступать ничего болѣе. Общественное мнѣніе обвинило даже патріарха въ томъ, что онъ будто виналъ въ дѣлѣ. Г. Разинъ выразился, что образъ дѣйствій патріарха даетъ Аленіскому правительству поводъ къ болѣшимъ опасеніямъ, и оно горячо возстаетъ противъ уступки Велеса Болгарамъ.

Подъ влияніемъ всего этого, патріархъ отказывается Болгарамъ въ Филиппополѣ и Варнѣ, соглашаясь лишь на устройство въ этихъ городахъ болгарскихъ подворій съ приходами,— зависящихъ отъ вселенской патріархіи. Даже и эти уступки не понравились членамъ патріаршаго синода.

Въ то самое время, когда вопросъ готовъ былъ, повидимому, разрѣшиться удовлетворительнымъ образомъ, случилось новое обстоятельство, которое снова его осложнило и поколебало надежду на мирный исходъ дѣла. Отвѣтственность за это обстоя-

тельство, имѣвшее роковыя послѣдствія, падаетъ вполнѣ на вожаковъ крайней партии Болгаръ и вообще на всѣхъ Болгаръ, которые позволили увлечь себя по скользкому пути. Если до сихъ поръ мы видѣли, что церковный вопросъ не разрѣшался лишь благодаря упорству, съ которымъ Вселенскій патріархъ отказалъ въ удовлетвореніи самыхъ справедливыхъ требованій Болгарскаго народа, то та же справедливость требуетъ, чтобы мы воздали должное и патріарху Анониму. Его святѣйшество, какъ мы видѣли выше, простеръ свою уступчивость до крайнихъ предѣловъ, надѣясь этимъ достигнуть умиротворенія распри, столь долго раздирающей двѣ православныя народности; онъ сдѣлалъ Болгарскому экзархату такія значительныя территоріальныя уступки, болѣе которыхъ Болгары не могли разсчитывать получить и которыхъ вызвали прямая обвиенія святѣйшаго Анонима въ измѣнѣ греческому дѣлу. Патріархъ пренебрѣгъ этими обвиеніями. Онъ жертвовалъ собою, онъ соглашался даже, чтобы его считали измѣнникомъ, такъ какъ предъ нимъ стояла высокая цѣль возстановленія мира въ православной церкви. И чѣмъ же отплатили благодарные Болгары патріарху за его миролюбіе?—самовольнымъ служеніемъ літургіи въ день Богоявленія Господня 6-го января 1872 года. Какъ ни горько въ томъ сознаться, но въ этомъ насилиственномъ поступкѣ нельзя не видѣть слабости нашего вліянія на народъ, нашими же преимущественно усилиями вызванный къ сознательной жизни, связанный съ нами узами вѣры и крови и имѣющій къ тому же крайнюю нужду въ нашемъ покровительствѣ.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ произошло это служеніе, радикально измѣнившее весь послѣдующій ходъ греко-болгарскаго вопроса.

Слухи о предполагаемыхъ территоріальныхъ уступкахъ въ пользу Болгаръ распространились въ городѣ и проникнули въ греческую печать, возбудили страшныя нападки на св. Анонима, который, чувствуя, что энергія его ослабѣваетъ, желалъ бы покончить дѣло какъ можно скорѣе путемъ прямого соглашенія

сь Илларіономъ Макаріулольскимъ, который въ такомъ случаѣ могъ бы быть назначенъ экзархомъ. Соперникъ Илларіона, Панаретъ Филиппопольскій, узналъ объ этомъ планѣ и чтобы порвать всякую возможность подобного невыгоднаго для него лично соглашенія, постарался доказать радикаламъ болгарской партии необходимости какимъ нибудь видимымъ образомъ засвидѣтельствовать независимость Болгарской церкви отъ вселенского патріархата. Радикалы, раздѣляя вполнѣ мысль о необходимости прервать переговоры съ патріархомъ, руководились тѣмъ соображеніемъ, что какъ бы ни были выгодны условія соглашенія съ симъ послѣднимъ, всегда останутся Болгары, живущіе виѣ границы экзархата и которые будутъ подлежать юрисдикціи патріархіи, тогда какъ радикалы не хотѣли пожертвовать ни однѣмъ Болгариномъ, не только живущимъ въ какой либо провинціи, но и въ самомъ Константинополѣ, личной епархіи Константинопольскаго патріарха. Поэтому, съ точки зренія радикаловъ, всякое соглашеніе съ патріархомъ безполезно и даже вредно; они проводили эту мысль и въ своихъ письменныхъ заявленіяхъ и въ засѣданіяхъ собранія, гдѣ легко одолѣвали, въ рѣшительныя минуты, умѣренную болгарскую партію, слабую по численности и по вліянію и которая одна склонялась къ необходимости не порывать совершенно іерархическихъ узы со вселенскимъ престоломъ.

Чомаковъ, Топчилештовъ и Славейковъ (бывшій долго учителемъ въ разныхъ городахъ Болгаріи, писавшій по порученію американскихъ миссионеровъ разныхъ брошюры духовнаго содержанія, а нынѣ считаємы болгарскимъ народнымъ поэтомъ) съ радостью ухватились за предложеніе Панарета и, набравъ толпу конюховъ *) для приданія своей манифестаціи большей численности, а потому и большаго значенія, явились въ Ортакѣй и силой увезли оттуда трехъ болгарскихъ епископовъ. Уже поздно вечеромъ Илларіонъ Ловчанскій и Славейковъ съ толпою всякаго

*) Почти всѣ конюхи въ Константинополѣ—Болгары родомъ.

сброва явились въ патріархать, требуя отъ савшаго въ то время Анопма разбрѣщенія отслужить на слѣдующій день, 6-го января, обѣдно.

Разбуженный патріархъ отказалъ въ требованіи шумной толпы, предъявленномъ при такихъ обстоятельствахъ и предупредилъ о случившемся Порту, дабы она могла принять мѣры къ предотвращенію служенія.

Тѣмъ не менѣе, благодаря постоянному двойственному характеру дѣйствий турецкихъ министровъ, нужные мѣры не были приняты и, несмотря на формальное запрещеніе патріарха, обѣдня была отслужена двумя Илларіонами и Панаретомъ и окончилась молебномъ за султана.

Патріархъ былъ совершенно ошеломленъ этимъ поступкомъ, явившимся какъ гроза при ясномъ небѣ, и просилъ совета графа Игнатьева. Хотя посолъ нашъ и упрашивалъ святѣшаго Анопма не прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ и отлученіямъ, тѣмъ не менѣе, лично, онъ не могъ не отчаяваться въ будущности церковной іерархіи, въ составъ которой входятъ элементы, подобные тѣмъ, кои мы только что видѣли въ дѣлѣ, и находилъ, что участвовавшіе въ немъ епископы не будутъ никогда въ состояніи основать истинно-православную церковь.

Греки радовались происшедшему, видя въ томъ осознательное доказательство нравственного растѣнія, въ которое внали люди, стоящіе во главѣ болгарской народности.

Безпристрастіе заставляетъ, впрочемъ, упомянуть, что умѣренные Болгары явились къ русскому послу съ изъясненіемъ сожалѣнія о случившемся и негодованія на дѣйствія Панарета и Чомакова. Порта, съ своей стороны, отнеслась съ видимою благосклонностью къ умѣренной партии Болгаръ и, по совету графа Игнатьева, рѣшила признавать лишь Габриель-эфенди Крестовича, человѣка этой партии, представителемъ Болгарскаго народа. Крестовичъ, уроженецъ города Котла, воспитывался во Франціи, считается весьма свѣдущимъ юристомъ и пользуется общимъ уваженіемъ какъ между Турками, такъ и между Бол-

гарами, хотя эти послѣдніе и обвиняютъ его въ излишней мягкости и нерѣшительности.

Но и назначение Крестовича не помогло: народное раздраженіе, подъ вліяніемъ радикаловъ, усиливается: умѣренные Болгары не смыгаютъ болѣе показываться въ народномъ собраніи и Тончилештою предлагаютъ отлучить патріарха Аноима отъ церкви и образовать свою диссидентскую церковь.

Проектъ этотъ не осуществлялся только благодаря противодѣйствію обоихъ Илларіоновъ.

Удрученный своими недугами, престарѣлый Аноимъ теряетъ свою прежнюю энергию. Видя себя обнаруженными и Бол гарами и двуличными поступками Порты, которая легко могла бы воспрепятствовать служению 6-го января, св. Аноимъ, при отсутствіи въ его характерѣ необходимой твердости, впадаетъ, что весьма естественно, въ другую крайность, подчиняясь вліянію греческихъ бакировъ, начинаяющихъ играть первенствующую роль, благодаря нустотѣ патріаршой казны, которую они наполняютъ отъ времени до времени, по подъ условіемъ, чтобы патріархъ дѣйствовалъ въ томъ или другомъ смыслѣ, обращая его такимъ образомъ въ слѣпое орудіе своихъ личныхъ и своеокорыстныхъ цѣлей и замысловъ.

Уступая крикамъ крайней партии и греческой печати и увѣщаніямъ митрополита Афинскаго Оеофила, еще ранѣе событий 6-го января упрашивавшаго не разрѣшать вопроса въ смыслѣ национальности, чтобы не создать источника бѣдъ еще болѣешихъ чѣмъ ереси, Аноимъ передаетъ обсужденіе вопроса греческому народному собранію, вслѣдствіе чего церковь какъ бы отказывается въ данномъ случаѣ отъ принадлежащей ей власти и передаетъ ее мірянамъ, какъ какому-то республиканскому соборищу. Повинуясь злобнымъ внушеніямъ и страстнымъ рѣчамъ, собраніе это оставалось у митрополита Гераклейскаго безъ перерыва съ вечера субботы до глубокой ночи съ воскресеніемъ на понедѣльникъ, чтобы тѣмъ воспрепятствовать всякимъ попыткамъ примиренія. Подъ вліяніемъ всего этого, синодъ составилъ актъ,

которымъ Илларіонъ Ловчанскій и Панаретъ Филиппопольскій низвержены, а Илларіонъ Макаріупольскій, еще прежде низверженный, отлученъ отъ церкви, причемъ епископовъ не приглашали въ синодъ, не выслушали ихъ обласченій и оправданий, какъ они сами еще прежде о томъ просили и чего требуютъ церковные каноны. Это было тѣмъ болѣе прискорбно, что если бы синодъ такъ не поспѣшилъ, оба Илларіона вѣроятно отдѣлились бы отъ Панарета, а общее осужденіе снова соединило ихъ въ одно цѣлое.

Не излишне также здѣсь прибавить, что предъ этимъ церковь относилась довольно снисходительно къ нарушению правилъ, требующихъ для совершения литургіи предварительного разрешенія мѣстнаго епископа.

Когда строгое примененіе извѣстнаго правила могло сопровождаться болѣшимъ зломъ, чѣмъ его нарушеніе, въ такихъ случаяхъ церковь предпочитала обыкновенно придерживаться такъ называемой теоріи приспособленія къ обстоятельствамъ. Этю теоріей руководствовалась церковь, когда епископъ Кидонійскій, въ 1866 году, по случаю Крытскаго возстанія, переселился на островъ Косъ и совершаъ литургіи и хиротоніи безъ позволенія мѣстнаго митрополита. Бывали такіе же случаи и въ древности, напримѣръ, во времена Иоанна Златоуста неожиданно появился въ Константинополь Александрийскій патріархъ Оеофиль вмѣсть съ архиепископомъ Кипрскимъ и оба они, не испрашивая предварительного дозвolenія мѣстнаго епископа, Златоуста, совершили литургію и хиротонію въ городѣ, принадлежащемъ къ его паству.

И въ данномъ случаѣ Греческая церковь могла бы примѣнить къ Болгарамъ указанную теорію, но она предпочла быть строгою.

Патріархъ, между тѣмъ, просилъ содѣйствія великаго визиря къ осужденныхъ епископовъ. Махмудъ-паша въ отвѣтъ на это продолжалъ настаивать на необходимости примиренія, потому что, иначе, онъ приведетъ въ исполненіе фирмантъ. Не желая крутыми мѣрами раздражать обѣ стороны Порта, управни-

вала болгарскихъ епископовъ уѣхать на время изъ Константинона, и они отправляются въ ссылку въ Исмидъ (древнюю Иакомедію). Раздраженный этимъ, Топчимештова предложилъ католическимъ священникамъ служить для Болгаръ обѣдно въ болгарской церкви въ Балатѣ. Порта воспрепятствовала приведенію въ исполненіе этого намѣренія и полиція разогнала даже толпу Болгаръ, пришедшихъ въ Порту съ жалобами по этому поводу. Пропагандисты же, съ своей стороны, удаваиваютъ свою успія, стараясь доказать что за спиной католическихъ и протестантскихъ миссионеровъ идутъ правительства Англіи и Австріи, которые не откажутъ въ своемъ офиціальномъ покровительствѣ и поддержкѣ, дабы содѣйствовать будущему развитію Болгаріи на земли Россіи, которая де желаетъ лишь поглотить Болгаръ и которая пынѣ обѣ руку съ Портой дѣйствуетъ въ смыслѣ защиты во что бы то ни стало правъ патріархата.

Представители умѣренной партии, Крестовичъ и Ненчовичъ (руссійскій уроженецъ и бывшій турецкій чиновникъ), попытались возобновить переговоры съ патріархатомъ, и тотъ былъ отъ нихъ не прочь; единственнымъ затрудненіемъ являлось то, что представители эти были мірире, почему и дѣлается распоряженіе о вызовѣ въ Константинополь Анонима Видинскаго, извѣстнаго своею умѣренностью.

Опьяненные своимъ мнимымъ успѣхомъ—изгнаніемъ епископовъ, Греки сочли церковный вопросъ окончательно разрѣшеннымъ и патріархъ Анонимъ объявилъ свой проектъ какъ бы не существовавшимъ или какъ бы «листомъ блѣдой бумаги» и отказался ходатайствовать о возвращеніи сосланныхъ епископовъ. Нараскино Порта нѣсколько разъ напоминала о необходимости достигнуть примиренія, говоря, что въ противномъ случаѣ она вынуждена будетъ привести въ исполненіе фирманъ, патріархъ тормозилъ переговоры Крестовича и его товарищѣ съ патріархіей. Относясь къ этимъ болгарскимъ представителямъ, повидимому, благосклонно, онъ, въ дѣйствительности, передаетъ всѣ ихъ предложенія народному собранію, которое, наконецъ, рѣшаетъ продолж-

жать переговоры лишь въ томъ случаѣ, если болгарскіе представители, которыхъ оно считаетъ солидарными съ зачинщиками безнорядковъ 6-го января, будутъ замѣнены новыми. Всобще, Константинопольская церковь приходить въ такое хаотическое состояніе, что дѣлается совершенно невозможнымъ ожидать отъ управляющаго ею синода какихъ либо разумныхъ решений; крайніе же Греки въ Константинополѣ стараются объявить всѣхъ Болгаръ схизматиками, чтобы тѣмъ заставить напись Св. Синодъ высказаться. Волненіе Болгаръ усиливается, страсти разыгрываются все болѣе и болѣе не только въ самомъ Константинополѣ, но и въ провинціяхъ, гдѣ дѣло доходитъ до крупныхъ столкновеній между Греками и Болгарами. Эти послѣдніе обращаются къ сыну султана, Юсуфу-Иззеддину, съ просьбой о помощи и добиваются возвращенія въ Константинополь изгнанныхъ было болгарскихъ епископовъ.

Въ виду происходившихъ переговоровъ, Порта три недѣли задерживала бурулду (новельнѣ), относительно приведенія въ исполненіе фирмала и, лишь убѣдившись въ безполезности надеждъ на успѣхъ дѣла, рѣшилась обнародовать это бурулду, объявляющее Болгарамъ, что они могутъ приступить къ избранию экзарха. Посольство наше употребило всѣ свои усиленія, дабы каноническое посвященіе экзарха патріархомъ предшествовало политическому признанію его въ этомъ самѣ Портой, но всѣ его усиленія разбились о непримѣнность и взаимное недогрѣбіе сторонъ—наслѣдие, оставленное многолѣтнею борьбой. Убѣдившись въ совершенной бесполезности своихъ стараний и въ томъ, что совѣты его не слушаются ни въ Фанарѣ ни въ Ортакѣ, посольство могло лишь присутствовать, въ качествѣ простого зрителя, при дальнѣйшемъ развитіи распри до тѣхъ поръ, пока народныя страсти не успокоятся и не будуть въ состояніи услышать голосъ разсудка, нынѣ заглушенный воплями вождей крайнихъ партий обѣихъ народностей. Въ предвидѣніи именно этого момента, русскій посолъ предписалъ агентамъ нашимъ въ Сиріи, Палестинѣ и Египтѣ разъяснить патріархамъ Антіохійскому, Иерусалимскому

и Александрийскому, насколько важно въ настоящую минуту дѣйствовать съ крайнею осмотрительностью и осторожностью, такъ какъ дѣло идеть о пяти, шести миллионахъ православныхъ душъ, которыя, благодаря одной какой либо необдуманной или слишкомъ поспешной мѣрѣ, принятой относительно ихъ вселенскимъ патріархомъ, легко могутъ быть навсегда потеряны для православія и брошены въ объятія католичества или протестантства. «Пока», говорилъ посолъ, «будетъ существовать малѣйшая надежда сохранить Болгарь для православія, священнымъ долгомъ каждого православнаго является употребить всѣ усилия дабы во-сторжествовали даваемые обѣими сторонамъ совѣты быть син-ходительными, милосердными и умѣренными и дабы были избѣгнуты всѣ крутыя мѣры, могущія уничтожить вѣроятность уми-ротворенія. О священномъ долгѣ этомъ должны преимущественно помнить лица, сидящія на святительскихъ престолахъ Іерусалима, Антиохіи и Александрии, которымъ въ настоящую трудную и рѣшительную минуту выпадаетъ роль примирителей и возста-новителей спокойствія въ православной церкви. Святители эти должны заставить Константинопольского патріарха выслушать ихъ досточтимый голосъ прощенія и любви, дабы предотвратить принятие вселенскимъ престоломъ мѣръ, могущихъ вызвать расколъ, и дабы укрѣпить Анонима въ чувствахъ терпѣнія и кро-тости, руководясь единственно которыми можно прискать исходъ изъ настоящаго тяжелаго положенія, исходъ достойный святой православной церкви».

Выборъ Болгаръ, противъ всякаго ожиданія, палъ на Илла-риона Ловчанскаго, избраннаго экзархомъ Болгарскимъ.

Новый экзархъ, человѣкъ старый, слабый, безхарактерный, самъ созналъ, что онъ вовсе не подходитъ къ высокому полу-женію, куда вызывалъ его народный выборъ, въ особенности при трудныхъ обстоятельствахъ, со всѣхъ сторонъ окружавшихъ экзархагъ и требовавшихъ не только одной доброты душевной, которую отлучался Илларіонъ, но и извѣстной подготовки, знаний и энергіи, невозможной при престарѣломъ его возрастѣ. Всѣд-

ствие этого сознанія Илларіонъ самъ подалъ въ отставку и былъ замѣненъ Анонимомъ Видинскимъ.

Патріархъ, отказавшись совершенно отъ собственной воли, подпалъ вліянію народного собранія, въ которомъ изъ 80 членовъ засѣдаютъ 60 мірянъ. Вопросъ о новоизбранномъ экзархѣ разбирался въ этомъ собраніи и было предложено постановить, что патріархія не признаетъ Болгаръ православными. Рѣшеніе это не было принято лишь благодаря замѣчательной рѣчи епископа Анхіальскаго, который воспротивился ему, говоря, что Болгары продолжаютъ оставаться православными и что «всѧ разница между нашими и ихъ мнѣніями заключается въ формѣ, а не въ сущности. Мірской же элементъ не долженъ вмѣшиваться въ это дѣло, и можно лишь сожалѣть, что народное собраніе свидѣваетъ въ данномъ случаѣ руки духовенству». Пренія окончились рѣшеніемъ, что патріархія не признаетъ вновь избраннаго экзарха.

Мѣстные греческіе журналы и общество горячо привѣтили сторону народного собранія и не стѣснялись открыто высказывать, что союзъ съ Западомъ выгоднѣе союза съ Россіей и что они надѣются усиленною враждебностью къ этой послѣдней державѣ заслужить расположение и милости западныхъ правительствъ. Мысли эти встрѣчали тѣмъ болѣе сочувственный отголосокъ, что тогда сдѣжалось извѣстнымъ, что англійскій и австрійскій послы упрекали Махмуда-пашу въ носнѣшности, съ которой онъ исполненіемъ фирмана офиціально призналъ существование новой христіанской народности въ Турціи. Греческое правительство хотя, повидимому, не одобряло тенденцій константинопольскихъ Грековъ, но тѣмъ не менѣе посовѣтовало патріарху дать Болгарамъ извѣстный срокъ, а, затѣмъ, отлучить ихъ отъ церкви. У патріарха же, съ своей стороны, снова возникаетъ желаніе созвать соборъ восточныхъ патріарховъ для разрѣшенія распри.

Между тѣмъ, одинъ изъ главныхъ дѣятелей болгарскаго движенія, митрополитъ Пасій Филиппопольскій, умираетъ, чѣмъ уменьшается число приверженцевъ болгарской умбрѣнной партии,

радикалы же все усиливаются и тѣмъ яснѣе обрисовываются политической стремлениія Болгаръ. Самъ экзархъ сознается, что главная цѣль вожаковъ крайней партии — радикальное разрешеніе национальнаго вопроса и что церковная распри служить имъ лишь предлогомъ или маской, чтобы скрыть оть Порты ихъ честинныя желанія.

2-го апрѣля экзархъ получилъ свой бератъ, а 4-го представился султану, чѣмъ какъ бы завершилось политическое его признаніе.

Три раза посыпалъ экзархъ депутатовъ, чтобы патріархъ позволилъ ему представиться, и вѣдь три раза святѣйшій Анонимъ отказался принять его, требуя, чтобы: «сей самозванный экзархъ раскаялся письменно во всемъ совершившемся, подписался бы не экзархомъ Болгарскимъ, а митрополитомъ Виддинскимъ, и осудилъ тѣхъ, кого осудила великая церковь и вмѣсто султанскаго фирмана принялъ безъ всякаго измѣненія проектъ, представленный великому визирю», по которому Болгарамъ, во-первыхъ, уступалось гораздо менѣе епархій, нежели сколько иль было въ прежнемъ проектѣ Аноима, а во-вторыхъ, Болгарскому экзархату давалось имя не Болгарскаго, а Эмосскаго. Кромѣ того, двѣ письменныя просьбы экзарха о разрѣшеніи ему совершить богослуженіе на Св. Пасху возвращены были ему патріархіей обратно.

Въ пятницу на Пасхѣ экзархъ обратился къ патріарху съ новою просьбою снять церковное наказаніе съ трехъ низложенныхъ болгарскихъ епископовъ и дозволить имъ принести оправданіе въ своеемъ поступкѣ, объяснивъ, что осужденіе ихъ было незаконно и по существу дѣла и по формѣ.

Патріархія отвергла и эту просьбу.

Въ слѣдующее воскресеніе, 23-го апрѣля 1872 года, экзархъ произнесъ въ своей болгарской церкви рѣчь, въ которой, высказавъ свою горькую жалобу на постоянные отказы ему патріархіи во всемъ, объявилъ, что отсель онъ не признаетъ больше действительнымъ низложения трехъ болгарскихъ еписко-

попъ. 11-го же мая, въ день памяти славянскихъ апостоловъ свв. Кирила и Меодія, экзархъ совершилъ въ той же церкви торжественное богослуженіе вмѣстѣ съ остальными болгарскими епископами и многочисленнымъ духовенствомъ. Во время литургіи, послѣ Евангелія, прочтантъ быль предъ всѣмъ народомъ обширный актъ, провозглашающій независимость болгарской церкви, составленный еще прежде и подписанный соборомъ семи болгарскихъ епископовъ.

Въ отвѣтъ на это, патріаршій синодъ провозгласилъ Болгарского экзарха Аноима лишеннымъ сана и изверженнымъ, болгарскихъ епископовъ Панарета Филиппопольскаго и Илларіона Ловчанскаго, прежде изверженныхъ, отлучиль отъ церкви, а епископа Илларіона Макаріупольскаго, прежде отлученного, объявилъ «повиннымъ геенѣ огненной и вѣчной анаемъ», распространивъ соотвѣтствующія церковныя наказанія и на всѣхъ клириковъ и мірянъ, находящихся въ общинѣ съ осужденными епископами. Не довольствуясь этимъ, патріархъ рѣшилъ привести въ исполненіе свое предположеніе о собраніи помѣстнаго собора, въ которомъ должны были принять участіе, кромѣ самого патріарха вселенскаго и его синода, и всѣ прочіе патріархи и всѣ епископы, пребывающіе въ Константинополѣ, для чего и отправлены были всѣ нужныя приглашенія.

Экзархъ рѣшился игнорировать патріарха и начинать дѣйствовать совершенно самостоятельно: онъ рукополагаетъ Доспоея епископомъ Самаковскимъ, Виктора — Ницкимъ и Илларіона Макаріупольскаго — митрополитомъ Тырновскимъ. На всѣхъ этихъ каѳедрахъ были уже греческіе епископы, имѣющіе берать отъ Порты. Тѣмъ не менѣе, Порта выдала бераты и новопосвященнымъ болгарскимъ епископамъ, хотя замѣтило охладѣла къ экзарху.

Въ отвѣтномъ посланіи своемъ на послѣднее приглашеніе патріарха, Афинскій синодъ одобряетъ мѣры строгости, принятые противъ Болгаръ и заклинаетъ держаться того же пути. Патріархи же Іерусалимскій, Автіохійскій, Александрійскій и

архієпископъ Кипрскій єдуть въ Константинополь благопріятно настроенные по отношенію къ Болгарамъ и обѣщаютъ дѣйствовать безпредвѣтно и примирительно, вполнѣ понимая всю важность Болгарскаго вопроса для дѣла православія на Востокѣ.

Іерархи Антіохійской церкви обратились предь отѣзdomъ блаженнышаго Іерофея въ Константинополь съ заявлениемъ, подписаннмъ шестью митрополитами и въ которомъ они выражаютъ надежду, что находящіеся на соборѣ святители, безъ сомнѣнія, отрѣшатся отъ племенныхъ и личныхъ интересовъ и цѣлей, которыхъ не знаетъ и не допускаетъ православная Христова церковь, чужда всякоому слову и дѣлу, не имѣющему въ виду спасенія душъ, и что, вообще, они должны принять во вниманіе, что великай святая церковь Христова, дабы не нарушило сохранить единеніе вѣрующіхъ, дозволяетъ—по вопросамъ не затрагивающимъ догматовъ вѣры — синодоходіе, послабленія и уступки тамъ, где вѣтъ опасности для вѣры.

Патріархъ Александрийскій Софоній, обѣщаю употребить всѣ свои силы для достижения примиренія, утверждаетъ, что въ противномъ случаѣ не подпишетъ соборнаго опредѣленія.

Не такъ отнеслись къ вопросу александрийскіе Греки, которые шумными манифестаціями старались устрашить блаженнышаго Софонія и заставить его быть враждебнымъ къ Болгарамъ. Константинопольскіе Греки не отстаютъ отъ нихъ и, пользуясь прѣздомъ многочисленныхъ аѳинскихъ эмиссаровъ и известного уже намъ архієпископа Ликурга, не скрывающаго своей ненависти къ Болгарамъ, производятъ уличныя демонстраціи. Толпа кричитъ: «да здравствуетъ султанъ, да здравствуетъ схизма!» Вожаки объясняютъ эти крики тѣмъ, что они боятся быть поглощеными славянскими элементомъ и что они хотятъ воспротивиться тому, чтобы дѣти ихъ не обратились въ Болгарию. Англія, по политическимъ причинамъ, поддерживаетъ ихъ въ такомъ настроеніи и послъ ея Элліотъ является главнымъ советникомъ и руководителемъ крайней греческой партии.

Однако, несмотря на всѣ застрашиванія журналистовъ и

толпы, прибывшие въ Царьградъ патріархи долгое время оставались тверды и непоколебимы.

Въ то же время состоялось назначение греческимъ посланникомъ въ Константинополь Симоса, англофила, умнаго и образованаго человѣка. Русскій посолъ съ иетерпѣніемъ ждалъ его пріѣзда въ Царьградъ, надѣясь, что, проникнувшись истинными интересами Греціи, Симость сумѣть захватить вліяніе на здѣшнюю грекскую колонію и сможеть обуздатъ буйную и мятежную партію этой послѣдней. Къ сожалѣнію, надеждамъ этимъ, какъ показала послѣдующая дѣятельность Симоса, не суждено было сбыться, и дипломатъ этотъ, наоборотъ, лишь рѣзче отѣнилъ тогдашнее враждебное настроеніе Константинопольскихъ Грековъ ко всему, что носило имя славянскаго.

Прошеніе, подписанное пятнадцатью тысячами Грековъ, представляется вселенскому патріарху съ просьбой объявить схизму на Болгаръ и на всѣхъ ихъ послѣдователей, даже если эти послѣдніе были цѣльми народами или націями (намекъ довольно прозрачный на Россію). Патріархъ общашть имъ сообразоваться съ ихъ желаніями, а на упреки русскаго посла отвѣтствуетъ, что онъ не въ правѣ умѣрять ревностъ православныхъ къ вѣрѣ и препятствовать ея проявленію.

Очутившись въ омутѣ уличныхъ интригъ, блаженнѣйший Кириллъ Іерусалимскій горько жаловался нашему послу на трудность своего положенія. Посолъ постарался, разумѣется, поддержать его бодрость, увѣщевая проникнуться тѣмъ убѣженіемъ, что іерархи православной церкви не должны уступать предъ вѣшнимъ давленіемъ уличной толпы, возбужденной газетчиками и фанатиками. Въ то же время графъ Игнатьевъ обратилъ на шумные манифестаціи вниманіе замѣнившаго Махмудъ-нашу Митхадѣ-паша, который, хотя въ душѣ и радовался раздорамъ христіанъ между собою, запрашиваетъ, однако, Константинопольскій патріархъ о происходящемъ волненіи и спрашиваетъ, когда же осуществляются многочисленные проекты соглашенія съ Болгарами.

Святейший Анонимъ принялъ это сообщеніе очень холодно, отвѣтивъ, что соборъ занимается исключительно духовными дѣлами, въ которыхъ Порта не можетъ вмѣшиваться; что же касается до прежнихъ его проектовъ, то они нынѣ ни что иное, какъ листы бѣлой бумаги.

На приготовительномъ засѣданіи собора всѣ восточные иерархи находятъ провозглашеніе схизмы дѣломъ слишкомъ важнымъ, чтобы постановить ее, не испытавъ предварительно всѣхъ средствъ примиренія.

Съ своей стороны, графъ Игнальевъ обращается къ Болгарамъ и просить ихъ сдѣлать послѣднюю попытку примиренія, вслѣдствіе чего Габріель-эфенди и Печковичъ имѣютъ свиданіе съ восточными патріархами. По мѣнію послѣднихъ, соглашеніе возможно на слѣдующихъ двухъ условіяхъ: 1) мѣстопребываніе экзарха и его сподиа будетъ въ Константинополѣ и 2) географическія границы епархій экзархата будутъ опредѣлены разъ навсегда на условіяхъ удобопріемлемыхъ Греками.

Узнавъ объ этихъ попыткахъ соглашенія, греческая депутація изъ Саввы-паши, будущаго турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ, Мильтиада Аристархи — бывшаго князя Самосскаго, Калліади — виновника постановленія патріаршаго синода 6-го января, Иккадеса и Зографо требуетъ отъ восточныхъ патріарховъ немедленнаго объявленія схизмы, подъ опасеніемъ подвергнуться самимъ крайнимъ насилиямъ съ ихъ стороны.

Патріархи отвѣтили на это требование спокойно, но съ большимъ сознаніемъ собственного достоинства.

Наконецъ соборъ открывается официально. Когда на него отправлялся Кириллъ Иерусалимскій, на пути на него накинулась толпа иафанатизованныхъ Грековъ, которые съ неистовыми криками угрожали Кириллу привести его на соборъ силой въ томъ случаѣ, еслиъ онъ не захотѣлъ туда явиться добровольно; его называли Іудой, Каїфой, русскимъ шпиономъ.

Сознаніе правоты своего дѣла дало блаженнѣйшему Кирил-

лу силу перенести всѣ эти незаслуженные оскорблениа и, явившись на соборъ, онъ прежде всего изгоняется изъ него мірянъ и, обращаясь къ духовенству, упрекиваетъ не торопиться схизмой и не увеличивать бездны между православными народностями.

Константинопольский патріархъ оснаривалъ это мнѣніе и требовалъ немедленнаго провозглашенія схизмы. Послѣ долгихъ препій, соборъ рѣшилъ поручить комиссіи богослововъ составить текстъ соборнаго опредѣленія, о чемъ и былъ составленъ протоколъ, подписать который блаженнѣйший Кириллъ отказался, также точно какъ онъ отказался идти по приглашенію Анониму въ церковь, говоря, что «онъ пойдетъ въ храмъ не иначе какъ затѣмъ, чтобы умолить Господа Бога наставить Его церковь на благой путь и озарить Своимъ свѣтломъ отцевъ церкви, блуждающихъ, повидимому, во мракѣ». Увлеченный примеромъ блаженнаго Кирилла и патріархъ Антіохійскій запрещаетъ своему представителю участвовать въ комиссіи, если она не займется изысканіемъ средства къ примиренію.

Вследъ засимъ, патріархъ Іерусалимскій объявляетъ святѣшему Анониму, что онъ болѣе не будетъ принимать участія въ соборѣ и твердо стоять на своемъ рѣшеніи, несмотря на упреки греческаго повѣреннаго въ дѣлахъ, Калерджи, не отставать отъ прочихъ патріарховъ и несмотря на начавшіяся въ Палестинѣ интриги, клонившіяся къ его низложенію.

Отъ угрозъ блаженнѣшему Кириллу Греки перешли къ упрекамъ, но ничто не помогало, и просьбы ихъ какъ и застращиванія были тщетны, и за два дня до окончанія собора патріархъ, вѣйстъ съ своимъ повѣреннымъ, не принимавшимъ участія въ работахъ комиссіи, уѣзжаетъ въ Іерусалимъ принимать путешествовавшаго тогда по Сиріи и Палестинѣ Великаго Князя Николая Николаевича. При отѣздѣ своемъ, блаженнѣйший Кириллъ повторилъ, что онъ порицаетъ постыдный образъ действій іерарховъ, собравшихся на соборъ; въ то же время онъ объяснилъ, что, не считая себя въ правѣ подписать рѣшеніе,

принятое подъ вліяніемъ народныхъ страстей, овладѣвшихъ, къ несчастію, вселенскою церковью, онъ спросить о томъ мнѣнія своего синода и дастъ, затѣмъ, письменный отвѣтъ.

События, произшедшія вскорѣ послѣ того въ Палестинѣ и низложеніе патріарха Кирилла, извѣстны и миѣ быть надобности описывать ихъ подробности. Достаточно сказать, что за отказъ подписать опредѣленіе Константинопольскаго собора, блаженнѣйшій Кирилль, собственнымъ своимъ клиромъ, составленнымъ изъ фанатиковъ Грековъ, бытъ самъ объявленъ схизматикомъ и низложенъ съ престола, который онъ занималъ съ такимъ блескомъ въ продолженіе почти тридцати лѣтъ. Мало того, маституму іерарху было отказано въ позволеніи поклониться въ послѣдній разъ Гробу Господню и онъ, какъ преступникъ, бытъ отправленъ съ жандармами въ Яффскую тюрьму, гдѣ провелъ двѣнадцать дней въ ожиданіи турецкаго военнаго судна, перевезшаго его въ Константинополь. Замѣчательно при этомъ, что наибольшую поддержку противникамъ блаженнѣйшаго Кирилла оказаля губернаторъ, Назифъ-паша и, какъ это ни странно слышать, германскій генеральный консулъ въ Іерусалимѣ баронъ Альтентъ. Не лишнимъ считаю привести здѣсь письмо этого послѣдняго къ патріарху Кириллу, по возвращеніи его изъ Константиноополя:

«Monsieur (!!?) le patriarche,— En r  ponse   Votre lettre qui m'est parvenue hier je dois vous dire:

«Consid  rant la position dans laquelle vous vous trouvez par suite de votre conduite envers le gouvernement de la Sublime Porte et envers vos sup  rieurs (?) eccl  siastiques;

«Consid  rant la persistance fatale avec laquelle vous pr  tez oreille aux instigations contraires   votre devoir;

«Je suis tr  s surpris que vous vous croyez encore en droit de me demander des  claircissements sur la conduite du drogman de mon consulat.

«Je ne crois donc pas convenable de vous donner des  claircissements que je ne pourrais certes pas refuser   qui de droit.

«Agréez, monsieur le patriarche, mes salutations empressées
 «Freiherr von Alten
 Consul Général d' Allemagne», *).

Не имѣя высшаго богословскаго образованія, блаженныиий Кирилль отличался глубокимъ практическимъ умомъ, житейскою мудростью и непреклонною твердостью характера, дозволившими ему быстро покончить съ внутренними несогласиями, раздравшими Иерусалимскую церковь, когда въ 1845 году онъ сдѣлялся ея главой. Необразованный самъ, блаженныиий Кирилль, тѣмъ не менѣе, страстно любилъ просвѣщеніе и слишкомъ длиннѣ вышелъ бы списокъ, если бы мы стали перечислять основанныя имъ образовательныя и благотворительныя учрежденія не только въ Палестинѣ, но и въ другихъ мѣстахъ Турціи, или же приводить число молодыхъ людей, воспитавшихся на счетъ патріарха Кирилла въ Ассирии и на Западѣ.

Народъ питалъ къ блаженныиому Кириллу глубочайшее уваженіе, тогда какъ архіереи, архимандриты и пр. боялись его, но не любили, называя деспотомъ, въ смыслѣ кругого его обращенія съ подчиненными. Тогда какъ въ дѣйствительности, обладая сильною волей, покойный Иерусалимскій патріархъ лишь держаъ все и всѣхъ въ рукахъ, никогда, впрочемъ, не злоупотребляя своею властью. Онъ былъ справедливъ и въ другихъ уважалъ честность и искренность.

* Господинъ патріархъ. Въ отвѣтъ на Ваше письмо, которое доставлено мнѣ было вчера, я долженъ Вамъ сказать:

Принимая во вниманіе положеніе, въ которомъ Вы находитесь вѣдѣстіе Вашего поведенія по отношенію къ правительству Благородной Порты и по отношенію къ Вашимъ духовнымъ начальникамъ;

Принимая во вниманіе роковое упорство, съ которымъ Вы поддастесь винушеніямъ, противнымъ Вашему долгу;

Я крайне удивленъ, что Вы считаете себя въ правѣ запрашивать у меня объясненій по поводу образа дѣйствій переводчика моего консульства.

Такимъ образомъ и не считаю пристойнымъ давать Вамъ объясненія, которыи, конечно, я не откажу представить кому слѣдуетъ.

Примите и пр.

Мужественный поступок патріарха Кирилла въ 1872 году, когда ни угрозами, ни лаской, ни деньгами, не могли заставить его переменить убѣждение и подписать соборный актъ, ясно показываетъ, какимъ запасомъ воли и энергіи обладалъ этотъ по истиинѣ замѣчательный человѣкъ.

Въ Константинополь, въ ссылкѣ, блахенийшій Кирилль просуществовалъ на пенсію, высыпавшую ему нашимъ правительствомъ до 1877 года, когда онъ скончался, на 82 году отъ рожденія, и бытъ погребенъ въ деревнѣ Еникѣй на Босфорѣ. Чрезъ два съ половиною года по его пизложенії, Иерусалимская церковь прислала бывшему патріарху грамоту съ изъявленіемъ сожалѣнія о случившемся и съ извиненіями, а патріархъ Иерусалимскій Іероѳей провозгласилъ Кирилла православнѣйшимъ и тѣмъ загладилъ несправедливость, жертвой которой маститый іерархъ сдѣлался въ 1872 году.

Чтобы разсѣять тяжелое впечатлѣніе, произведенное отъѣзdomъ Иерусалимскаго Патріарха на нѣкоторыхъ колеблющихся членовъ собора, Митхады-наша счѣль нужнымъ ободрить придерженцевъ радикальной партии, и посланный, по его приказанію, въ собраніе Икіадесь передалъ отъ имени великаго визира, что Порта високолько не сочтетъ объявленія схизмы противорѣчіемъ интересамъ Турціи. Объявленіемъ этимъ въ огонь было подлито новаго масла, и сторонники схизмы гордо подняли голову, будучиувѣрены въ поддержкѣ Турецкаго правительства.

Въ засѣданіи 12 сентября, работы подготовительной комиссіи были прочитаны и одобрены, а въ засѣданіи 16 сентября самая схизма провозглашена официально и единогласно соборнымъ опредѣленіемъ, подписаннымъ 32 патріархами, архиепископами, митрополитами и пр., причемъ главнымъ виновникомъ провозглашенія схизмы бытъ митрополитъ Дерконскій, человѣкъ умный, ловкий и интриганъ, весьма поддерживаемый партіей греческихъ банкировъ.

Этотъ актъ, по которому всѣ болгарскіе архиманстыры съ духовенствомъ и мірянами объявлены схизматиками, какъ послѣдо-

ватели ереси филетизма, быгъ съ торжествомъ прочитанъ во всѣхъ константинопольскихъ церквахъ, затѣмъ обнародованъ во всѣхъ предѣлахъ патріархата и разосланъ ко всѣмъ автокефальнымъ церквамъ.

Вотъ въ полномъ видѣ это опредѣлениѣ въ русскомъ перевѣдѣ:

Внимать себѣ самимъ «и всему стаду», въ немъ же насть «Духъ Святый поставилъ еписконы насти церковь Господа и Бога, юже стяжа кровю Свою» повелѣваетъ намъ сосудъ избрания (апостоль), который предѣщаєтъ, что въ средѣ церкви Божіей возстанутъ волки алчные, не щадящіе стада, и люди творящіе развращенное, дабы отторгнать учениковъ во слѣдъ себя и потому повелѣваетъ намъ бодрствовать. Съ ужасомъ и болѣзнью сердаца узнали мы, что въ послѣднее время въ ловѣ Вселенскаго престола возстали таковыя люди изъ среды благочестиваго Болгарскаго народа, дерзнувшіе внести изъ мірской жизни въ церковь иѣко новоученіе о филетизмѣ (племенномъ различії) и образовать, въ презрѣніе божественныхъ священныхъ каноновъ, неслыханное доселе племенное собрище. Вотъ почему мы, пре-поясанные, какъ должно, ревностю о Господѣ и желал по требованію справедливости воспрепятствовать дальнѣйшему распространенію зла въ средѣ этого народа, собирались здѣсь во имя Великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Призвавъ съ со-крушенiemъ души благодать свыше отъ Отца свѣтловъ и положивъ основаніемъ для себя Евангелие Христово, «съ немъ же суть сокровища премудрости и разума сокровенна», мы при соопоставленіи начала племенного дѣянія съ евангельскимъ учениемъ и постояннымъ образомъ дѣйствія церкви усмотрѣли, что оно не только имъ чуждо, но и совсѣмъ противно. Въ то же время и противозаконныя дѣйствія, коими сопровождалось племенное собрище упомянутыхъ лицъ, мы нашли заслуживающими осужденія священныхъ правилъ.

Посему «съ услажденiemъ премля», со святыми богоносными отцами нашими «божественные правила и содержащее всецѣлое и

непоколебимое постановление сихъ правиль, изложенныхъ отъ всехъ хвалыныхъ апостоловъ, св. трубъ Духа и отъ семи святыхъ Вселенскихъ соборовъ и помѣстно собиравшихся для издания та-ковыхъ заповѣдей и отъ святыхъ отецъ нашихъ, ибо всѣ они, отъ единаго и того же Духа бывъ просвѣщены, полезное узаконили», мы во св. Духѣ постановляемъ: 1) мы отвергаемъ и осуждаемъ филетизмъ, то-есть племенные различія, народныя распри, соперничества и раздоры въ Христовой церкви, какъ нѣчто противное евангельскому учению и канонамъ блаженныхъ отцовъ нашихъ, которые составляютъ собою опору церкви и, украшая ея общество, ведутъ къ божественному благочестію. 2) Пріемлющихъ филетизмъ и дерзающихъ основывать на немъ племенные сборища мы провозглашаемъ, согласно священнымъ канонамъ, чуждыми единой, святой, каѳолической и апостольской церкви или, чтò то же, схизматиками.

Посему, какъ произвольно отдѣлившихъ себя отъ православной церкви, водрузившихъ свой особый жертвенникъ и образовавшихъ особое самочинное сборище, прежде изверженныхъ и отлученныхъ отъ церкви, бывшихъ митрополитовъ Илларіона Макаріупольскаго, Панарета Филиппопольскаго, Илларіона Ловчанскаго, Аноима Видинскаго и пынѣ изверженныхъ бывшихъ епископовъ: Дорофея Софийскаго, Пароенія Нишавскаго, Геннадія Велесскаго и рукоположенныхъ ими архіереевъ, іереевъ и діаконовъ, всѣхъ находящихъ съ ними въ общемъ и единомысліи и пріемлющихъ ихъ благословеніе и священодѣйствіе за дѣйствительное и каноническое, какъ мірянъ, такъ и духовныхъ, всѣхъ ихъ мы объявляемъ схизматиками и отчужденными отъ православной Христовой церкви.

Опредѣляя сіе, мы молимъ всеблагого и человѣколюбиваго Бога и Господа нашего Іисуса Христа, начальника и соверши-теля нашей вѣры, да хранитъ Онъ свою святую церковь чистою и невредимою ото всякой скверны нововведеній; отторгнися отъ нея да дасть покаяніе, дабы они, пришедъ когда либо въ разумъ, отвергли свое учение и обратились къ единой, святой,

апостольской и кафолической церкви, во еже славити въ ней, со всѣми православными, великаго Ангела мира, пришедшаго умиротворить всѣхъ и возвѣстить миръ всѣмъ ближнимъ и дальнимъ. Ему же подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе съ Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки. Аминь.

VII.

Соборное опредѣленіе 1872 г., отлучившее отъ церкви цѣлый народъ Болгарскій и заклеймившее названіемъ ереси филетизма стремленіе его выsvobodit'sya изъ-подъ исключительного владычества греческаго духовенства, раздражило въ высшей степени обѣ враждующія стороны и создало значительное, хотя и чисто формальное, препятствіе для мирнаго окончанія дѣла.

Поэтому, памъ необходимо нѣсколько остановиться на разборѣ этого опредѣленія и разсмотрѣть связанные съ нимъ вопросы, которые можно свести къ слѣдующимъ четыремъ: виновны ли Болгары въ филетизмѣ, правильно ли соборъ постановилъ свое рѣшеніе, какъ должна отнести къ сему послѣднему русская Церковь и, наконецъ, какое вліяніе провозглашеніе схизмы должно было имѣть на отношенія Россіи къ Грекамъ.

Болгары обвиняются въ томъ, что они дерзнули внести изъ мірской жизни въ церковь нѣкое новое начало племенныхъ различий—филетизмъ, начало, противное Евангелію и церковнымъ канонамъ. Что же такое филетизмъ? По смыслу, вытекающему изъ соборного опредѣленія, это есть ученіе о томъ, что, сдѣлавшись христіанами и будучи членами единой Христовой церкви, люди желаютъ, основываясь лишь на племенныхъ различіяхъ, составлять свои особыя, народныя церкви. Впервые обѣ этомъ ученіи заявилъ патріархъ Аѳеній въ окружномъ своемъ посланіи отъ 27-го Апрѣля 1872 г., слѣдующими словами: «не безъизвѣстно православному народу что это возникшее въ нѣдрахъ церкви возстаніе (церковный греко-болгарский вопросъ) и все произшедшія

отсюда беззаконія болгарскихъ архіереевъ и ихъ постѣдователей витекаютъ изъ одного гибельного и противоевангельского начала этнофілетизма. Каждый православный христіанинъ понимаетъ, конечно, что это ненавистное начало ясно противорѣчить учению Господа нашего Іисуса Христа, уничтожающее основные принципы христіанской любви, на которыхъ утверждается святое Евангеліе, и искривляющее самыя основы христіанской религії, потому что учение Господа нашего отмѣшило всякое различіе народа и племени и объединило всѣ народы, давъ имъ одну общую мать—св. Церковь, чрезъ возрожденіе человѣческаго рода въ купели св. Крещенія, в одно общее отечество—небесный Іерусалимъ, ибо «иѣсть Эллинъ и Іудея, варваръ, Скиозъ, раба, свободнаго, но все и во всѣхъ Христосъ». Противъ этого, по истинѣ божественнаго ученія, которое проповѣдалъ какъ первое основаніе христіанства самъ Спаситель нашъ, пришедший на землю дабы исполнить законъ, противъ этого, говоримъ, ученія и возстаетъ гибельное начало філетизма и национальныхъ различій, стараясь искривить и уничтожить это начало, которое, конечно, содѣйствіемъ доброненавистника, проникнувъ иѣсколько лѣтъ тому назадъ въ понятія иѣкоторой части Болгарскаго народа, породило въ ней противоевангельскую мысль о національно-племенномъ различіи даже по отношенію къ той самой религії, въ которой они искови воспитаны. Ихъ старанія и дѣйствія въ продолженіе почти 15 лѣтъ, разнообразныя притязанія противъ ихъ матери—Церкви, во многихъ мѣстахъ незаконныя и антиканоническая требованія объ уступкѣ имъ исключительныхъ привилегій и другія дѣйствія, идущія въ разрѣзъ съ установленными въ Церкви порядками, были и теперь направлены, какъ самыи дѣломъ уже доказано, къ учрежденію собственной національной Церкви, чего никогда не было и слышно въ христіанскомъ мірѣ».

Такимъ образомъ главнымъ аргументомъ Грековъ служить изреченіе св. апостола Павла: «иѣсть Іудеи, ии Эллини, иѣсть рабъ, ии свобода, иѣсть мужескій полъ, ии женскій: вси бо вы едино есте о Христѣ Іисусѣ (Гал. 3, 27, 28.). Основываясь на

немъ, Греки говорять, что этими словами Христосъ отмѣнилъ всякое различие племенъ и народовъ, и христіане не должны и не могутъ различаться по своимъ народностямъ; во вторыхъ, всѣ вѣрующе во Христа Гудеи и др. составляютъ единое, нераздѣльное тѣло Христово, единую Церковь, сгѣдовательно Христосъ объединилъ въ Себѣ всѣ народы, и они не должны и не могутъ составлять своихъ отдѣльныхъ национальныхъ Церквей.

Но ясно, что приводимый текстъ св. Павла нельзя принимать въ прямомъ его значеніи. Текстъ этотъ выражаетъ прежде всего ту мысль, что въ Церкви Христовой всѣ люди, всѣ народы совершенно равны между собою и никакой народъ не долженъ господствовать, въ смыслѣ преимущества, надъ другимъ. Эти слова, не разъ повторенные въ посланіяхъ св. Павла, онъ постоянно направлялъ, какъ извѣстно, противъ тѣхъ Гудеевъ-христіанъ, которые думали, что и въ Новомъ Завѣтѣ Гудеи изъ правѣ считать себя избраннымъ народомъ Божіимъ, какими были въ Завѣтѣ Ветхомъ, и преимуществовать предо всѣми прочими народами, почему и хотѣли обязывать христіанъ изъ язычниковъ къ исполненію своего обрядового закона.

Содержа одну и ту же вѣру, оживляясь однимъ и тѣмъ же Духомъ Святымъ, христіане въ то же время различаются между собою и по племени. Самъ апостолъ Павелъ, говоря о себѣ и св. апостолѣ Петре, прибавляя: «мы естествомъ Гудеи» (Гал. 2, 15), и о своемъ сотрудникѣ Титѣ: «Титъ иже со мною, Эллинъ сый» (Гал. 2, 3). Греки и Русскіе, Румыны и Болгары и всѣ другие народы могутъ содержать одну и ту же православную вѣру и быть едино во Христѣ, но въ то же время каждый изъ этихъ народовъ можетъ исповѣдывать свою вѣру на своемъ природномъ языке, составляющемъ самое первое и главное отличие всякой народности: каждый изъ этихъ народовъ можетъ имѣть у себя настырѣй изъ своихъ соотечественниковъ, чтобы они проповѣдывали ему вѣру и совершали богослуженіе на его природномъ языке. Христосъ, посыпая своихъ апостоловъ на всемирную проповѣдь, ниспославъ на нихъ Духа Святаго (Дѣян. 2, 3), чтобы,

получивъ такой чудесный даръ, апостолы могли возвѣстить свя-
тую вѣру каждому народу на его природномъ языкѣ, и апостолы
дѣйствительно проповѣдывали Евангелие всѣмъ народамъ на ихъ
языкахъ. Поэтому, желаніе Болгаръ имѣть у себя такихъ преем-
никовъ апостольскихъ, т. е. архиастыреи, которые проповѣдывали
бы имъ святую вѣру и совершили бы для нихъ богослу-
женіе на болгарскомъ или славянскомъ, то-есть понятномъ имъ
языкѣ, есть желаніе, вполнѣ согласное съ Евангеліемъ.

Стремленіе Болгаръ имѣть свою отдѣльную церковную іерар-
хію также никаколько не противорѣчить евангельскому догмату
о единству Церкви. Отдѣльность видимаго устройства самостоя-
тельныхъ Церквей: Антиохійской, Іерусалимской, Константинополь-
ской, Россійской, Эллінской и др. не препятствуетъ же имъ ду-
ховно быть великими членами единаго тѣла Церкви вселенской,
имѣть единаго главу Христа и единий духъ вѣры и благодати,
причёмъ единство это выражается видимо одинаковымъ исповѣ-
даніемъ вѣры и общениемъ въ молитвахъ и таинствахъ. Еще во
времена апостольскія были основаны Церкви изъ христіанъ одного
племени въ Параї, Индії, Египтѣ, Іспанії, Галії, Германії,
Британії и пр. Послѣдующая церковная исторія представляетъ
намъ, что однѣ и тѣ же Церкви, состоявшія изъ христіанъ одного
племени и народности, то входили въ составъ другихъ частныхъ
самостоятельныхъ Церквей и были отъ нихъ въ зависимости, то
отдѣлялись отъ нихъ и сами дѣлались автокефальными, то вновь
соединяясь съ другими Церквями. Напримѣръ, Церковь Иверская
(Грузинская) входила спачала въ составъ Церкви Антиохійской
и зависѣла отъ нея; потомъ Антиохійскимъ соборомъ, какъ по-
вѣствуетъ о томъ Вальсамонъ въ своемъ толкованіи на второе
правило II Вселенского собора, признана автокефальною, и архи-
епископъ ея началъ называться кафоликосомъ всей Иверіи; впо-
слѣдствіи Церковь эта зависѣла снова отъ Константинопольской
и, затѣмъ, снова получила самостоятельность и, наконецъ, соеди-
нилась съ Церковью Русскою. Церковь Армянская иѣсколько вре-
мени находилась въ зависимости отъ Кесарійскаго архиепископа,

оть котораго принималъ рукоположеніе ея архіепископы, но вскорѣ сдѣлалась самостоятельнаю и архіепископы ея, подобно Грузинскому, сталъ называться каѳоликосомъ. Церковь Русская, принявшая святую вѣру оть Византии, несолько вѣковъ была одною изъ митрополій Константинопольского патріархата, но имѣла свое народное духовенство; въ 1051 году, то-есть не болѣе какъ 62 года спустя послѣ крещенія Руси, поставленъ бытъ митрополитомъ Илларіонъ—природный русскій. Потомъ Церковь эта получила совершенную независимость и доселе пребываетъ автокефальною. Церковь Болгарская точно также, какъ мы уже видѣли выше, дважды признавалась независимою и, затѣмъ, входила въ составъ Константинопольской патріархіи.

Все это доказываетъ, что во всѣ времена христіянства смотрѣли безразлично на то, состояла-ли какая либо частная Церковь изъ христіанъ одного племени и была національною, или состояла изъ христіанъ разныхъ племенъ, а также находилась ли какая либо національная Церковь въ зависимости оть другой Церкви или пользовалась самостоятельностью, и существование отдельныхъ народныхъ Церквей никто не признавалъ филетизмомъ, ересью, противною евангельскому учению и догматамъ.

Допустивъ же, что все означенное является безразличнымъ предъ судомъ Евангелія, естественно, что оно оказывается безразличнымъ и предъ судомъ каноновъ. Правда, Греки оспариваютъ правильность одного изъ главныхъ оснований, выставляемыхъ Болгарами, и заключающагося въ 34 правилахъ св. Апостоловъ, а именно: «епископамъ всякаго народа подобаетъ знати первого въ нихъ и признавати его яко главу», — говоря, что по позднѣйшимъ толкователямъ церковныхъ правилъ — Зонарѣ, Вальсамону, Аристину, выраженіе «епископы каждого народа» должно понимать какъ «епископы каждой области», тѣмъ болѣе, что въ 9-мъ правилахъ Антіохійскаго собора 341 года говорится: «въ каждой области епископамъ должно вѣдати епископа въ митрополіи начальствующаго и имѣющаго попеченіе о своей области». Но для уразумѣнія этого кажущагося противорѣчія не-

обходимо помнить, что правила апостольскія существовали и действовали въ три первыя вѣка христіанства до императора Константина Великаго, а всѣ правила соборовъ Вселенскихъ и помѣстныхъ, въ томъ числѣ и Антіохійскаго, писались уже послѣ того, какъ церковь христіанская сдѣлалась господствующею, при императорѣ Константинѣ, въ предѣлахъ Римской имперіи, и когда Церковь была уже раздѣлена, для удобства въ управлении, на округи—діоцезы и области или провинціи, примѣнительно къ гражданскому раздѣленію Римской имперіи, чего въ три первыя вѣка не было. Въ періодъ господства этого раздѣленія въ Церкви очень естественно, если выраженіе апостольскаго правила «епископы каждого народа» постоянно замѣнялось въ правилахъ соборовъ выраженіемъ «епископы каждой области», и если позднѣйшіе толкователи также замѣняли означенное выраженіе правила апостольскаго по примѣру соборовъ.

Если же припомнить, что Болгарская церковь была самостоительна и независима, и что Константинопольский патріархъ разныими прописками подчинилъ ее себѣ, если не въ 1767 году, какъ утверждаютъ Болгары (что мы имѣли уже случай опровергнуть, приведя доказательства того, что уничтоженная патріархомъ Самуиломъ автокефальная Охридская архиепископія была архиепископіей Греческою), то, во всякомъ случаѣ, около 1393 года, то, въ такомъ случаѣ, приводимое обыкновенно Греками въ свою пользу правило обратится противъ нихъ и въ пользу Болгаръ. Правило это слѣдующее: «никто изъ епископовъ да не простирасть власти на иную епархію, которая прежде и изначала не была подъ рукой его или его предшественниковъ... но аще кто простеръ и насильственно себѣ подчинилъ какуюлибо епархію, да отдастъ ону; да не преступаются правила отцевъ... Святому и Вселенскому собору угодно, чтобы всякая епархія сохранила въ чистотѣ и безъ стѣсненія изначала принадлежащи ей права по обычаю, издревле утвердившемуся (III Всел. соб. 8, I Всел. соб. 6, 15).

Болгарскіе епископы желаютъ возстановленія ихъ собствен-

ной церковной области, находившейся подъ рукою ихъ предшественниковъ, желаютъ, чтобы возвращены были ейъ законные права, изначала ейъ принадлежавшия. На основаніи приведенного правила, можно обвинять скорѣе самого патріарха въ томъ, что въ 1393 г. простеръ онъ свою власть на Церковь Болгарскую, бывшую дотохъ за предѣлами его области, или на иную епархію, которая прежде не была подъ его рукой и посигнѣла на права, изначала ейъ принадлежавшия.

Не выдерживаетъ критики и мысль, будто независимость (автокефальность) Церкви обусловливается политическою независимостью народа или известной страны. Въ отношеніи къ цѣльямъ народамъ, вступавшимъ въ христіанское общество, издревле существовало въ церковной практикѣ слѣдующее начало церковнаго управления, освященное св. соборами: каждая вновь основанная Церковь становилась въ зависимость отъ той Церкви, отъ которой она получала свое первоначальное происхожденіе и устройство. Затѣмъ, если эта вновь устроенная Церковь постепенно увеличивалась въ своихъ виѣшнихъ предѣлахъ, все болѣе и болѣе крѣпла въ своихъ нравственныхъ силахъ, тогда она получала право автокефальности или независимости, тѣмъ болѣе если члены ея составляли особую націю.

Если вселенская Церковь въ порядкѣ церковнаго управления следовала порядку гражданскаго раздѣленія властей, то не потому, что признавала этотъ принципъ раздѣленія церковной власти единственнымъ и безусловно обязательнымъ для нея, а потому, что онъ большему частью бытъ сообразенъ съ ея чисто нравственными цѣлями. Тамъ же, где чрезъ подчиненіе этому гражданскому принципу распределенія церковной власти она виѣла явный ущербъ для своихъ церковныхъ интересовъ, она отступала отъ него. Напримеръ, когда во время напастія иноческихъ на Восточную имперію, епископы оставили свои епархіи и принуждены были жить въ отдаленіи отъ нихъ, тогда Трульский соборъ Quiri sexte въ 692 году 37-мъ своимъ правиломъ опредѣлилъ сохранить для этихъ епископовъ право вла-

сти надъ ихъ епархіями, замѣтивъ, что: «нуждою времени и препятствіями въ соблюденіи точности не должны стѣсняемы быти предѣлы управления». Слѣдовательно, порядокъ своего управления Церковь никогда не ставила въ безусловную зависимость отъ порядка политического или гражданского подчиненія. Когда христіанскіе Востокъ и Западъ были подъ скипетромъ одного могущественнаго Рима, эта политическая зависимость восточныхъ христіанъ отъ римской власти нисколько не мѣшала имъ сохранять свою самостоятельность въ церковномъ отношеніи.

Кромѣ того, не на томъ ли самомъ принципѣ основываются свое автокефальное существование отдѣльныя церкви Александрийская, Иерусалимская, Антіохійская, Кипрская.

Изъ всѣхъ этихъ доказательствъ ясно вытекаетъ, что желаніе Болгаръ имѣть свою народную церковь не имѣло ничего еретическаго, достойнаго быть заклейменнымъ именемъ филетизма. Наконецъ, самымъ лучшимъ опроверженіемъ подобнаго предположенія служитъ то обстоятельство, что сами патріархи вселенскіе Григорій VI и Анонимъ не считали только что высказанное желаніе Болгаръ схизматическимъ, иначе они не предлагали бы имъ извѣстныхъ своихъ проектовъ, въ которыхъ соглашались на образованіе особаго болгарскаго церковнаго округа со внутреннимъ самоуправленіемъ, подъ властью Болгарскаго экзарха, проектовъ, не разрѣшившихъ распри только благодаря разногласію, возникшему по опредѣленію территоріальныхъ границъ будущаго экзархата. Иначе, обоихъ патріарховъ мы должны были бы признать зараженными тою самою ересью филетизма, которую, затѣмъ они сами такъ торжественно осудили на соборѣ 1872 года.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію втораго вопроса,—правильно ли постановилъ соборъ свое решеніе.

Когда патріархъ Григорій VI предлагалъ созваніе собора для разрѣшенія греко-болгарской распри, то онъ имѣлъ въ виду соборъ вселенскій, то есть составленный изъ іерарховъ, пред-

ставителей всѣхъ самостоятельныхъ православныхъ Церквей. Что же мы видимъ въ дѣйствительности на соборѣ 1872 года? Изъ 32-хъ присутствовавшихъ на немъ архиастырей только трое: патріархъ Антіохійскій, Александрійскій и архієпископъ Кипрскій, не принадлежали къ Константинопольской патріархіи, да и то патріархъ Софроній, по рукоположенію и служению своему до избрания на александрийскій престолъ, принадлежалъ все къ той же Константинопольской Церкви. Патріархъ же Іерусалимскій, какъ мы видѣли выше, уѣхалъ за два дня до соборнаго опредѣленія, отказавшись подписать схизму, за что подвергся неслыханнымъ преслѣдованіямъ со стороны греческаго братства Св. Гроба и Турецкаго правительства.

Всѣ же прочіе архіереи, участвовавши въ соборѣ, принадлежали къ Константинопольской Церкви и, слѣдовательно, являлись заинтересованной стороною и судьями въ своемъ собственномъ дѣлѣ, въ спорѣ ихъ патріархіи съ Болгарами. Къ тому же изъ числа ихъ только нѣкоторые имѣли свои епархіи и, слѣдовательно, имѣли право присутствовать и подавать рѣшающій голосъ на помѣстномъ соборѣ своего церковнаго округа, а другіе были только епископы титуларные, не имѣвшіе ни епархіи, ни отдельныхъ приходовъ, или оставившіе свои каѳедры, какъ прежде бывшіе патріархи Іоакимъ и Григорій VI.

Но что всего важнѣе, приглашенные на Константинопольскій соборъ архиастыри были лишены той духовной свободы, какая необходима была имъ для безпристрастнаго обсужденія спорнаго вопроса. Они были созваны не для того, чтобы обсуждать его и рѣшить, а для того только, чтобы подписать уже предѣшнее осужденіе Болгарскому пароду. Мирные голоса нѣкоторыхъ архіереевъ не только заглушались неистовыми воплями уличной сволочи, но и сопровождались для нихъ оскорблѣніями.

Едва успѣли восточные іерархи—Іерусалимскій, Антіохійскій и Кипрскій, прибыть въ Константинополь и начали обнаруживать миролюбивое настроеніе и высказывать мысли о возможности

соглашения между Константинопольской патриархией и Болгарами, какъ толпа нафанатизованнаго греческаго народа, возбужденная крайнею фанаріотскою партіею, явилась къ патриарху съ требованіемъ немедленно открыть соборъ и провозгласить Болгаръ схизматиками, и святѣйший Апонимъ имѣлъ слабость отвѣтить толпѣ, что желаніе ея будетъ исполнено. Чрезъ всесколько времени, какъ мы видѣли, вселенскому патриарху было подано новое прошеніе за 15-ю тысячами подписей, съ новымъ требованіемъ послѣдній объявленіемъ болгарскаго раскола и патриархъ снова отвѣчалъ, что рѣшеніе собора будетъ вполнѣ согласно съ ихъ просьбой.

Когда на предварительныхъ совѣщаніяхъ, Константинопольскій патриархъ заявилъ о своемъ намѣреніи провозгласить болгарскій расколъ и патриархи: Іерусалимскій, Антиохійскій и архіепископъ Кипрскій, открыто выразили свое несогласіе, къ нимъ явились депутаты за депутатею, чтобы заставить ихъ перейти на сторону святѣйшаго Апонима, ихъ убѣждали, отъ нихъ настоятельно требовали уступить желанію народа и, обвиняя ихъ въ измѣнѣ эллинизму и православію, въ продажѣ себя Россіи и ея панславистскимъ замысламъ, имъ угрожали даже буйною расправой недовольной толпы.

Соборъ наконецъ открылся. Въ первомъ засѣданіи, 29-го августа, избралъ онъ только коммиссію изъ десяти членовъ для составленія очерка исторіи болгарскаго вопроса и соображенія тѣхъ правилъ, которыя должны быть примѣнены къ его извѣстному рѣшенію; во второмъ засѣданіи, 11-го сентября онъ рѣшилъ поручить оцѣть коммиссіи составить самое опредѣленіе о провозглашеніи болгарской схизмы, а въ третьемъ и послѣднемъ засѣданіи, 16-го сентября, — принять и подписать это опредѣленіе.

Въ бывшія времена, Церковь въ подобныхъ случаяхъ дѣйствовала всегда съ мудрою медлительностью и никогда не забывала приглашать на соборы и противную сторону, дабы имѣть возможность подробно и всесторонне изучить вопросъ и постанов-

вить рѣшеніе вполнѣ беспристрастное, достойное собранія православныхъ іерарховъ.

Не то видимъ мы въ данномъ случаѣ. Нынѣ Церковь спѣшила рѣшениемъ вопроса первостепенной важности; забывъ духъ христіанской любви, которымъ она должна была бы быть исполнена, она умышленно отвращаетъ уши отъ совѣтовъ умѣренности и благоразумія, которые люди неослѣпленные стараются давать ей, хотя и безуспѣшию. Церковь допускаетъ въ церковныхъ пре-ніяхъ преобладаніе политическихъ страстей и не препятствуетъ мірянамъ имѣть гибельное и незаконное вліяніе на постановленія, принадлежащія исключительно духовенству.

Соборъ быль созванъ для того, чтобы судить Болгаръ, но никто изъ Болгаръ, ни изъ представителей ихъ не быль, вопреки яснымъ священнымъ правиламъ (Апост. 74, Караг. 28), позванъ въ засѣданія для защиты своего дѣла, тогда какъ каноны предписываютъ пригласить, и притомъ троекратно, обвиняемыхъ лицъ явиться на соборъ.

Константинопольскій же соборъ 1872 года ни разу не призвалъ въ свои засѣданія ни одного изъ обвиняемыхъ епископовъ, не выслушалъ ихъ объясненій, ихъ оправданій, ихъ желаній, не предлагалъ имъ никакихъ убѣжденій и условій, которымъ они, быть можетъ, и покорились бы, а заочно осудилъ ихъ и предалъ анаемѣ вмѣстѣ со всею ихъ наствой.

Арию и Македонію, съ ихъ единомышленниками, дозволено было первымъ и вторымъ вселенскими соборами вести свое дѣло на условіяхъ, равныхъ съ защитниками православія, то есть не только защищаться противъ возведенныхъ на нихъ обвиненій, но и дѣлать возраженія своимъ противникамъ. Почему же Греческая Церковь XIX вѣка отказалась обвиняемымъ въ правѣ, которое признавала за ними та же Церковь IV и V и далѣе вѣковъ?

Затѣмъ, между архиастырами, созванными на соборъ для суда надъ болгарскими епископами, не было согласія во мнѣніяхъ. Мы уже видѣли какъ относились къ вопросу патріархи Алексан-

дрійський и Антіохійський и архієпископъ Кипрекій, заявивши свое несогласие съ святѣшнѣмъ Анонимомъ въ началѣ работы собора, и патріархъ Іерусалимскій, сохранившій свое мнѣніе непреклонно до конца и даже убѣхавшій, чтобы только не подписывать соборнаго опредѣленія, съ которымъ онъ не соглашался.

Междудѣмъ, по канонамъ церкви (Антіохійск. 14), собору, собравшемуся для суда надъ епископами при обнаружившемся разногласіи во мнѣнія, не слѣдовало постановлять рѣшенія, а надлежало предварительно пригласить изъ школьныхъ другихъ епископовъ изъ ближайшей церковной области, которые вновь разсудили бы дѣло и разрѣшили бы сомнѣнія, и только вмѣстѣ съ ними постановить и утвердить опредѣленіе.

Все это вмѣстѣ взятое доказываетъ, что соборное рѣшеніе не было плодомъ искреннаго убѣжденія членовъ собора, а было лишь выражениемъ мнѣнія одной партии, которая, увлекаясь своими страстью, вовсе не заботилась о правильномъ разрѣшеніи вопроса и воспользовалась слабостью вселенского патріарха и большей части остальныхъ членовъ собора, чтобы однимъ ударомъ положить конецъ домогательствамъ Болгару, поставить послѣднихъ въ безвыходное положеніе и заставить ихъ отказаться отъ мысли, которую они лелеяли столько времени. Такимъ образомъ, мы не можемъ не прийти къ убѣждению что соборъ постановилъ рѣшеніе канонически неправильное и что отцы церкви, должностные лица блюстителями целостности церковныхъ постановлений и карателями нововведеній, хотя и выставляли себя оградителями Церкви отъ нововводимаго въ нее принципа, который, съ ихъ точки зрѣнія, долженъ измѣнить весь вынѣшній порядокъ дѣлений православныхъ церквей, явились въ сущности слѣпыми орудіями политическихъ страостей, которыхъ, казалось, должны были бы быть изгнаны изъ собранія святителей православнаго Востока.

Въ какое же отношеніе должна была стать русская Церковь къ завѣдомо-неканоническому опредѣленію Константинопольскаго собора?

Только вселенская Церковь, только вселенские соборы, составленные, по возможности, изъ архиастырей всей Церкви, не погрѣшимы и не могутъ уклоняться отъ христіанской истины, а Церкви частныя, какъ бы они ни были обширны и знамениты, равно и помѣстные соборы, какъ бы ни было велико на нихъ число архиастырей, могутъ погрѣшать и уклоняться отъ истины. Потому, только определенія вселенскихъ соборовъ обязательны для всѣхъ частныхъ Церквей, какъ и для всѣхъ въ отдѣльности вѣрующихъ, и не принимать этихъ определеній, не подчиняться имъ, или относиться къ нимъ критически никому изъ вѣрующихъ не позволительно. Определенія же помѣстныхъ соборовъ, какимъ былъ и Константинопольскій 1872 года, обязательно лишь для тѣхъ Церквей, архиастыры которыхъ на нихъ присутствовали, а для всѣхъ прочихъ самостоятельныхъ Церквей исклучительно не обязательны. Могутъ они и принять эти определенія, но только по собственному усмотрѣнію, если признаютъ ихъ согласными съ ученіемъ вѣры и канонами; могутъ и не принять, если признаютъ несогласными съ ученіемъ вѣры и канонами.

Былъ у насъ великий соборъ въ 1667 году, на которомъ присутствовало тридцать архиастырей, въ томъ числѣ, кроме нашего патріарха—еще два греческихъ, —Антіохійскій и Александрийскій,—соборъ, между прочимъ, постановившій рѣшеніе не перекрещивать впередь католиковъ при обращеніи ихъ въ православіе. Этого рѣшенія нашего собора не приняла и доселе не принимаетъ Греческая Церковь, продолжающая ихъ перекрещивать, и, однако, ни мы, Русскіе, не объявили за то Грековъ раскольниками, ни Греки не переставали считать наше православіе и не прерывали братскаго общенія съ нами по дѣламъ вѣры и церкви.

Точно такимъ же образомъ и русская Церковь имѣла и имѣть полное право, не принимая рѣшенія Константинопольскаго собора, не признавать Болгаръ раскольниками, а продолжать считать ихъ нашими братьями по вѣрѣ и православію, не

разрывая въ то же время и нашей связи съ Греками, такъ какъ если Константинопольскій соборъ и погрѣшилъ, то отнюдь не въ докладахъ вѣры, не въ ученіи православія, а только по вопросу, касающемуся церковнаго управления. Отъ такой погрѣшности нисколько не потерпѣла наша святая, каѳолическая и апостольская вѣра, единая у насъ съ Греками, а потому мы и можемъ, не соглашаясь въ разрешеніи болгарскаго вопроса съ Греками, сохранять съ этими послѣдними прежній церковный союзъ и считать ихъ нашими братьями во Христѣ.

Поэтому и отношенія наши къ обѣимъ враждующимъ сторонамъ не должны были меняться съ точки зрѣнія церковной и послѣ соборнаго опредѣленія 1872 года. Съ самаго начала и во все продолженіе печальной распри, роль наша заключалась въ томъ, чтобы, не раздражая обѣихъ сторонъ, вести ихъ всякими мѣрами къ взаимному примиренію, къ мирному разрешенію ихъ недоразумѣй и всячески предупреждать между ними полный и безвозвратный разрывъ. Главною конечною цѣлью нашей политики въ этомъ вопросѣ, по прежнему, оставалось достиженіе полюбовнаго соглашенія Константинопольскаго патріарха съ Болгарами для спокойствія и утвержденія православной церкви на Востокѣ, въ чемъ заинтересованы одинаково и Болгары и Греки.

Не считая приговора Константинопольскаго собора окончательнымъ и неподлежащимъ измѣненію, наше Министерство Иностранныхъ Дѣлъ разосло тогда же своимъ агентамъ предписаніе, въ которомъ разъясняло необходимость убѣждать какъ Грековъ, такъ и Болгаръ приступить къ уступкамъ, оставить безполезныя препирательства, которыя, не подвигая нисколько разрешенія вопроса, лишь разжигаютъ страсти, производить созлазіе въ церкви и усугубляютъ рознь между двумя православными народами, которые, конечно, могли бы добиться значительно болѣшихъ результатовъ, живя въ мирѣ и братскомъ единеніи, чѣмъ враждуя между собою. Приглашая своихъ агентовъ проводить мысли эти между единовѣрцами нашими въ Турции, министерство поручало имъ въ то же время дѣйствовать въ этомъ

дѣлъ съ крайнею осторожностью, не обнаруживая при томъ пристрастія къ какой либо сторонѣ.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію послѣдняго поставленаго нами вопроса объ участіи Грековъ и тогдашняго Греческаго правительства въ дѣлѣ провозглашенія схизы.

Ранѣе мы имѣли случай видѣть, какъ Греки измѣнили постепенно характеръ отношеній своихъ къ Россіи въ пытѣшиемъ столѣтіи, какъ мѣсто беззавѣтной преданности покровительницѣ православія заступило все болѣе и болѣе усилившееся недовѣріе къ могущественной съверной Державѣ, естественной покровительницѣ Балканскихъ Славянъ. Въ шестидесятыхъ годахъ, греческие публицисты уже на всѣ лады доказывали неполитичность союза съ Россіей и заклинали своихъ соотечественниковъ стать въ ряды противниковъ этой послѣдней, пріискавъ себѣ союзниковъ между западными державами.

Въ 1868 году, послѣ неудачнаго исхода Критскаго восстания, въ Греціи было впервые напечатано мнимое завѣщаніе Петра Великаго въ переводе на греческій языкъ и было въ громадномъ количествѣ экземпляровъ раздано даромъ народу съ цѣлью просвѣтить его насчетъ завоевательныхъ плановъ Россіи относительно Востока. Тогда же появилась масса статей и листковъ, въ которыхъ развивалась мысль о томъ, что Россія есть единственный врагъ Греческой Церкви и которые проникали какъ въ высшіе, такъ и въ низшіе слои населенія.

Увидя поддержку, оказанную нашимъ посольствомъ Болгарамъ въ ихъ расирѣ съ патріархіей, напуганные призракомъ панславизма, которому они приписываютъ исключительно завоевательные замыслы, и надѣясь на свое возрожденіе въ объятіяхъ антиславянской Европы, Греки возымѣли мысль прибѣгнуть къ духовному оружію, чтобы отдалиться отъ Славянъ и провозгласить раскольниками сначала Болгаръ, а за ними, если можно, и остальныхъ Славянъ.

Въ данномъ случаѣ старанія Грековъ облегчились тѣмъ обстоятельствомъ, что политическія стремленія ихъ сошлись съ не-

желаниемъ вполнѣ естественнымъ Константинопольскаго патріарха утратить области, приносившія ему богатые доходы, и вотъ духовные и мірные стали дружно дѣйствовать въ одномъ направлении. Поддержка Греческаго правительства не замедлила прийти къ нимъ на помощь, изъ желанія, конечно, собрать въ будущемъ за то обильные плоды. Не рѣшаясь дѣйствовать открыто противъ Россіи, оно давало самыя успокоятельныя завѣренія нашему посланнику въ Аѳинахъ, давало официальное примирительную инструкцію своему представителю въ Константинополь, между тѣмъ какъ подъ рукой дѣйствовало въ совершенно противоположномъ направлении. Внимательное изученіе дипломатическихъ документовъ поневолѣ приводитъ къ убѣждѣнію, что въ періодъ, предшествовавшій провозглашенію схизмы, импульсъ былъ даляемъ Аѳинами; тамошніе агитаторы желали довести дѣло до разрыва съ Болгарами и постарались оказать могущественное давленіе на возбужденные умы Константинопольскихъ Грековъ, впечатлительныхъ, исполненныхъ предразсудками и настроенныхъ враждебно къ Славянамъ. Крайняя греческая партія получала свой лозунгъ изъ Аѳинъ, и оттуда или къ ней самыя нагубныя внушенія: изъ Аѳинъ же прибыли въ Константинополь многочисленные эмиссары, которымъ удалось укрѣпить въ тамошнихъ народныхъ массахъ, хотя быть можетъ и на недолгое время, тѣ чувства ненависти къ Россіи и Славянамъ, которыя доселъ гибѣдили лишь въ умахъ иѣхъ которыхъ журналистовъ и фанаріотскихъ ораторовъ.

Наконецъ, во время самого собора, двусмысленное поведеніе Аѳинскаго синода и его представителя архіепископа Ликурга, было поразительнымъ контрастомъ съ твердымъ и достойнымъ положеніемъ, принятымъ блаженнѣйшимъ Кирилломъ Иерусалимскимъ. Невозможно, въ самомъ дѣлѣ, отвергать, что провозглашеніе схизмы было вызвано въ значительной степени присыпкой сюда архіепископа Сирскаго, а также искусственнымъ возбужденіемъ Фанара эмиссарами, получавшими свои инструкціи изъ Аѳинъ.

Успѣху интригъ архиепископа Ликурга, архимандрита Калу-
гераса и многихъ подобныхъ имъ личностей,—дѣйствовавшихъ,
по ихъ словамъ, отъ имени Афинскаго синода и министерства
Делигеоргія, обманутаго ложною надеждой на поддержку Англій-
скаго правительства,—способствовало, между прочимъ, и то, что
во все продолженіе остраго періода греко-болгарскаго вопроса,
въ Константинополь, какъ нарочно, не было греческаго послан-
ника, а лишь простой повѣренный въ дѣлахъ, по своему офици-
циальному положенію лишенный необходимости авторитета для
противодѣйствія, еслибы онъ даже того искренно хотѣлъ, всѣмъ
этимъ тайнымъ пропискамъ. Къ тому же, несвоевременно вы-
раженное Афинскимъ синодомъ одобрение всѣхъ предшествую-
щихъ мѣръ и предложеній вселенскаго патріарха, значительно
повліяло на восточныхъ іерарховъ, бывшихъ на соборѣ, въ дѣлѣ
согласія ихъ на схизму. Не имѣя же этого предварительнаго
согласія Афинскаго синода на схизму, соборъ, утратившій уже
свою нравственную целостность, благодаря отсутствію патріарха
Іерусалимскаго, вынужденъ былъ бы остановиться на какомъ
либо полубожномъ рѣшеніи вопроса.

Оставить даже всѣ эти обстоятельства въ сторонѣ, мы не
можемъ не привести факта болѣе значительнаго, чѣмъ искус-
тственно въ Фанарѣ возбужденное эллинскими эмиссарами волне-
ніе, а именно, присылку изъ Аѳинъ денежныхъ средствъ все-
ленскому патріарху съ очевидною цѣлью удержать его на томъ
опасномъ пути, на который его натолкнули. Греція съ своими
разстроеными финансами находила, однако, средства высыпать
въ Константинополь значительныя денежныя суммы съ цѣлью
послѣвать и увеличивать раздоры въ лонѣ православной Церкви.

Въ началѣ 1872 года, святѣйшему Аѳоніму была выслана
тысяча турецкихъ лиръ, переданная ему чрезъ посредство Гре-
ческой миссіи въ Константинополь, въ октябрѣ же мѣсяцѣ того
же года Делигеоргій прислая патріарху чрезъ своего эмиссара,
журналиста Потаміано, три тысячи фунтовъ стерлинговъ, кото-
рыя были обѣщаны святѣйшему Аѳоніму въ то время, когда

онъ еще колебался провозгласить отдѣлениѳ Болгаръ от Константинопольской церкви, говоря, что въ такомъ случаѣ Вселенскій престолъ лишится большей части своихъ доходовъ. При передачѣ этихъ трехъ тысячъ фунтовъ, патріарху были обѣщаны и дальнѣйшія субсидіи подъ тѣмъ, говорять, условіемъ, что его святѣшество будетъ продолжать являться послушнымъ орудіемъ ненависти къ Россіи и вражды Эллиновъ къ славянскому миру.

Всѣ эти факты достаточно ясно доказываютъ двоедушіе и коварство тогдашняго греческаго первого министра, старавшагося всѣми возможными тайными средствами подорвать наше вліяніе на греческихъ единовѣрцевъ нашихъ на Балканскомъ полуостровѣ и, внушивъ имъ подозрительность къ безкорыстію цѣлей, преслѣдуемыхъ Россіей, вселить въ нихъ ненависть къ этой послѣдней державѣ.

Конечно, мы далеки отъ мысли обвинять за этотъ образъ дѣйствій министерства Делигеоргія весь греческій народъ поголовно. Масса, общность народа здорова, заслуживаетъ искреннаго расположенія и симпатіи, тѣмъ болѣе, что обаяніе единства вѣры съ великою сбѣверной имперіей осталось пока неприкосновеннымъ среди этихъ первобытныхъ наликаровъ.

Но нельзя не выдѣлить изъ народной массы той, къ сожалѣнію, многочисленной партии эллинскихъ политиковъ, адвокатовъ и вообще людей стоявшихъ тогда близко къ эллинскимъ руководящимъ сферамъ и даже направлявшимъ ихъ. Среди нихъ движение крайней фанарской партіи, съ самаго начала, нашло себѣ сочувственный отголосокъ, они протянули ей руку и увлекли за собою на этотъ скользкій путь даже большую часть эллинского духовенства, внеся политическія страсти въ священную ограду Аѳинскаго синода, гдѣ преодолѣли въ концѣ концовъ самыя крайнія мнѣнія. Благоразумные, умѣренные элементы народа не съумѣли и не смогли спрятаться съ демагогическими духомъ, который всегда составлялъ несчастіе Грекіи и который въ этомъ случаѣ особенно дѣлъ себѣ почувствовать.

Среди общаго безсилія, демагогіи выпала тѣмъ болѣе бле-

стяжая роль, что на помощь ей пришла печать, пользующаяся двойнымъ преимуществомъ безотвѣтственности и неограниченной свободы и которая вліяла на религіозный фалатизмъ и невѣжество народныхъ массъ, хотя этимъ самимъ и работала противъ истинныхъ интересовъ Церкви.

Съ другой стороны, нельзя оспаривать, что отвѣтственность за дѣйствія лицъ, стоящихъ во главѣ народа, падаетъ на всю массу народа, которая своимъ безмолвіемъ какъ бы одобряетъ и даетъ санкцію дѣйствіямъ этихъ лицъ и дѣлается некоторымъ образомъ солидарною съ ихъ политикой.

Такое направление, принятное грекою политикой, та слѣпая и неразумная ненависть, которую Греки стали не стѣсняясь выказывать къ Россіи, а равно и принятіе соборомъ греческихъ іерарховъ решенияй прямо противныхъ всѣмъ нашимъ совѣтамъ— все это неминуемо должно было отразиться на характерѣ отношеній нашихъ къ Греції, которой необходимо надо было дать понять, какимъ ложнымъ путемъ она сдѣдовала, желая увеличить бездуу между собою и славянскимъ міромъ и какая ошибка была сдѣлана грекою синодомъ, когда онъ не захотѣлъ составить съ нашимъ синодомъ, патріархомъ Іерусалимскимъ, митрополитомъ Сербскимъ и Румынскимъ духовенствомъ того противовѣса вліянію крайней фанаріотской партии, благодаря которому можно было достигнуть возстановленія согласія въ православномъ мірѣ.

Съ начала настоящаго столѣтія большая часть нашихъ затруднений съ Портой и съ западными державами происходила изъ-за поддержки, которую мы оказывали грекамъ въ ихъ пренаправительствахъ съ турками; изо всѣхъ единовѣрцевъ нашихъ на Востокѣ греческий народъ по своей подвижности причинилъ намъ наиболѣе хлопотъ, поддерживая къ намъ въ Туркахъ ненависть, а въ Европѣ недовѣріе. Чѣмъ же намъ отплатила Греція за всѣ наши попеченія о ней? Въ 1872 году она доказала, что, пользуясь нами для достиженія своихъ собственныхъ цѣлей, она смотрѣть на Россію, какъ на силу, которую, при надобности, мож-

но пользоваться, но отъ которой можно отрицаться, которую можно осудить ругательствоми, лишь только пройдет надобность въ ея поддержкѣ, въ ея услугахъ.

Обязанностью Россіи было дать почувствовать греческому правительству, что, дѣйствуя въ духѣ политики Делигеоргія et consortes, оно неразумно вступило на опасный и скользкій путь, желая создать политический и религіозный антагонизмъ между собою и великою державою, трактатомъ 1829 года создавшемъ самое существование управляемой имъ страны.

Враждебное настроение Греціи къ Россіи ясно обрисовалось въ 1872 г. и сдѣжалось неоспоримымъ фактомъ, съ которымъ отнынѣ нужно было считаться и отрицать который или даже закрывать глаза на который было недозволительно, такъ какъ насколько въ политикѣ необходима правильная и точная оценка происходящихъ событий, настолько же самообольщеніе опасно.

Мы уже не могли быть къ Греціи, направляемой Делигеоргіемъ, послѣ всего происшедшаго, столь же горячо благосклонными, какъ прежде, и наши новыя отношенія къ ней должны были носить до поры до времени печать иѣкоторой сдержанности и осторожности. Подобный характеръ нашихъ отношений произтекалъ изъ силы вещей и сознанія нашего собственного достоинства. Словомъ, было необходимо, чтобы въ Аѳинахъ знали, что Россія не потерпитъ, чтобы ее лишь эксплуатировали тѣ, которые оскорбляютъ ее и называютъ себя злѣйшими ея врагами, такъ какъ сила, деньги и влияніе Россіи должны принадлежать исключительно и прежде всего Россіи и употребляться на защиту ея истинныхъ интересовъ и было бы по меньшей мѣрѣ страннымъ, если бы мы стали приносить ихъ въ жертву Грекамъ, вовсе не желающимъ прислушиваться къ совѣтамъ, даваемымъ имъ нами не съ какою либо корыстною или себялюбивою цѣлью, а въ видахъ достиженія великаго результата, который, казалось, долженъ бы быть одинаково дорогъ и Грекамъ и намъ—достиженія мира и согласія въ православной Церкви.

Изъ того обстоятельства, что Россія—естественная защитница своихъ единовѣрцевъ на Балканскомъ полуостровѣ, вовсе не слѣдуетъ, что мы утратили свободу дѣйствій и способность правильно оцѣнить события и что мы должны распинаться за Эллиновъ, когда они, осыпавъ насъ предварительно всякою бранью, сдѣлаютъ намъ честь предложить вытащить для нихъ каштановъ изъ огня.

Чтобы охарактеризовать тогдашнее направление греческой миссіи въ Константинополь, не безынтересно привести одинъ эпизодъ, случившійся около этого времени.

За вѣсколько дней до отѣзда отзваннаго изъ Константина ополя австро-венгерскаго посланника графа Лудольфа, явился къ нему Симосъ, чтобы изложить ему свои соображенія о положеніи Грековъ въ Турціи. По его словамъ, схизма была провозглашена для того, чтобы приобрѣсти греческому дѣлу сочувствие Англіи и Австро-Венгрии. Сжигая, такъ сказать, свои корабли, Греки хотѣли дать этимъ объимъ державамъ и самой Турціи прочный залогъ своей искренности. Если же между Россіей и Австріей установилось уже соглашеніе, о которомъ разнеслись тогда слухи, то, по мнѣнію Симоса, необходимо объ этомъ предупредить Гречію, дабы и она могла примириться съ Россіей. Затѣмъ, греческій посланникъ подробно распространился о выгодахъ соглашенія между эллинизмомъ и Австро-Венгріей на почвѣ восточнаго вопроса, благодаря которому славянскій элементъ на югъ отъ Балкановъ поддается непредолимому влиянию эллинизма, тогда какъ Австрія легко справится съ нимъ въ странахъ на югъ отъ Балкановъ.

Графъ Аидраши не одобрилъ, однако, переданныхъ ему плановъ Симоса,клонившихся ни болѣе, ни менѣе какъ къ раздѣлу Оттоманской имперіи.

Справедливость, вирочемъ, требуетъ прибавить, что изліянія г. Симоса происходили помимо какихъ либо приказаний короля Георга, ничего даже о нихъ не знавшаго, и служили лишь отражениемъ мнѣній руководящихъ классовъ свободной Элады.

Такимъ образомъ, дѣла общи сводъ всему предшествующему, нельзя не признать вполнѣ естественнымъ, что съ 1872 г. Россія была вынуждена по отношенію къ Греціи къ болѣе сдержанной политикѣ въ ожиданіи того горячо желаемаго ею времени, когда Эллины искренно сознаютъ, что они слѣдуютъ ложнымъ путемъ, что ничего имъ бояться призраковъ панславизма, такъ какъ Эллинамъ и Славянамъ есть достаточно места подъ солнцемъ и что, наконецъ, Россія не ищетъ какой-либо гегемоніи по отношенію къ народностямъ, заселяющимъ Балканскій полуостровъ, а желаетъ лишь, чтобы эти послѣднія, мирно живя въ союзѣ между собою, работали дѣлу своего національного развитія.

Что же касается до высшаго греческаго духовенства, выказавшаго въ 1872 году столь недружелюбныя къ Россіи чувства, то наше правительство послѣдовало пословицѣ «бей рублемъ» и секвестровало доходы съ бессарабскихъ имѣній, принадлежащихъ заграничнымъ греческимъ монастырямъ, благодаря чему доходы съ русскихъ земель перестали идти на поддержку агитации, направленной прямо противъ Россіи.

VIII.

Объявленіе схизмы въ разныхъ странахъ было встрѣчено различно. Въ Константинополѣ оно, разумѣется, вызвало радость и ликованіе. Послѣ обѣдни въ самой патріаршій церкви, одинъ изъ мірянъ произнесъ горячую рѣчь о побѣдѣ, только что одержанной надъ панславизмомъ, успѣхамъ котораго положенье теперь непреоборимый предѣлъ. Рѣчь оратора была покрыта восторженными кликами наэлектризованный толпы: «да здравствуетъ султанъ, покровитель православія противъ панславизма! Да здравствуетъ Свобода! Да здравствуетъ архиепископъ Липургъ!»

Довольно странно звучали эти клики, восхваляющіе султана, подъ темными сводами православной патріархіи, на воротахъ

которой еще сравнительно такъ недавно колыхался трупъ святѣйшаго Григорія, повѣшеннаго предшественникомъ и отцомъ того же самаго султана, который нынѣ выставлялся какъ покровитель православія.

Въ Египетъ, Грецію, Румынію и даже Россію посланы были агенты за сборомъ денегъ для борьбы Грековъ со славянствомъ, и архіепископъ Ликургъ отправился тогда же на Аеонъ проповѣдывать вражду противъ Славянъ, слишкомъ, по его словамъ, усилившихся въ Пантелеимоновскомъ Аеонскомъ монастырѣ.

Въ Аениахъ объявленіе схизмы было привѣтствовано торжественнымъ богослуженіемъ и присылкой патріарху Анюму ордена Спасителя. Въ то же самое время, когда греческое правительство давало въ Аениахъ доказательства своего сочувствія соборному опредѣленію, Константинопольскій его представитель, г. Симость, вѣрный прежней своей политикѣ, проливая крокодиловы слезы надъ бѣдственнымъ состояніемъ Константинопольской Церкви, представляющей-де столъ печальное зрѣлище; онъ горько оплакивалъ схизму съ ея гибельными послѣдствіями и сожалѣлъ лишь, что не имѣть достаточно вліянія и вѣса, чтобы направлять дѣйствія мѣстной греческой колонії.

Что касается до Александрійскаго патріарха Софронія, то вскорѣ за подписью соборнаго опредѣленія, онъ понялъ всю обширность сдѣланной ошибки и горько обвинялъ святѣйшаго Анюма въ томъ, что этотъ послѣдній дѣйствовалъ въ своихъ личныхъ видахъ и примѣромъ своимъ увлекъ за собою другихъ іерарховъ.

Но самый энергический протестъ былъ со стороны Антіохійскихъ Арабовъ.

Мы видѣли выше, что глава Антіохійской церкви отправился на соборъ съ твердымъ намѣреніемъ не отвергать законныхъ требованій Болгаръ. Но патріархъ Иероей, человѣкъ добрый и благочестивый, въ частной жизни старавшійся подражать покойному митрополиту Филарету, лишенъ бытъ твердости характера и легко подчинялся вліянію умовъ болѣе

сильныхъ. Очутившись, по прѣздѣ своемъ въ Константинополь, какъ въ кипящемъ котлѣ народныхъ страстей, сбитый съ толку пламенными рѣчами фанаріотскихъ ораторовъ, напуганный воинствами черни, патріархъ Антіохійскій утратилъ и тогдѣ небольшой запасъ энергіи, стъ которымъ оставилъ на соборъ, и слѣпо послѣдовалъ за теченіемъ болышиства, предводимаго святѣйшимъ Анонтомъ.

Когда же патріархъ Іероосій, вопреки заявлению Антіохійскаго синода, данному ему при отправлении на соборъ въ Константинополь, подписалъ определеніе о схизмѣ, то митрополиты и епископы Антіохійской Церкви, собравшись въ Бейрутѣ, особымъ актомъ объявили подпись патріарха выражениемъ его личнаго мнѣнія, а не мнѣнія всей Антіохійской Церкви, и актъ этотъ былъ принровожденъ къ блаженнѣшему Іероосю въ Дамаскъ. Всѣдѣствие этого, схизма не была обнародована ни въ одномъ изъ храмовъ Антіохійской церкви, ни даже въ кафедральномъ соборѣ въ Дамаскѣ.

На Болгаръ провозглашеніе схизмы, имѣло вліяніе противоположное тому, на которое расчитывали фанаріоты; оно ихъ не напугало, не отняло у нихъ бодрости, а, напротивъ, возбудило въ нихъ съ большою силой мечты о политической независимости. Митхадъ-паша, по отношенію къ нимъ, продолжалъ вести двойную игру, желая увеличить бездуу между Греками и Болгарами. На другой день провозглашенія схизмы, Митхадъ поздравлять Болгаръ, говоря, что, благодаря окончательному разрыву съ Великою Церковью, они имѣютъ теперь право составить отдельную и независимую христіанскую общину. Между тѣмъ, съ другой стороны, великий визирь, обѣщаетъ патріарху измѣнить, согласно его требованію, одежду болгарскаго духовенства, чтобы отличить его отъ греческаго.

Экзархъ, которому сообщили это послѣднее требование, отчаянносталъ ему сопротивляться, справедливо предполагая, что перемѣна одѣянія болгарскаго духовенства можетъ вызвать въ болгарскомъ населеніи самая прискорбныя замѣшательства и не-

доразумѣнія и будетъ способствовать униатской и католической пропагандѣ. Въ случаѣ же крайности, экзархъ полагалъ, что болгарское духовенство приметъ одежду русскихъ священниковъ.

Митхадъ-наша очень хорошо понималъ то смятеніе, которое перемѣнной одежды духовныхъ внесено будетъ въ умы простыхъ крестьянъ, искренно привязанныхъ къ виѣшнимъ формамъ религіи, а, потому, онъ и подальше патріарху надежду, что Порта заставитъ Болгаръ подчиниться настоящему его требованію и еще болѣе подстrekнуль святѣйшаго Анонима обѣщаніемъ измѣнить фирманъ 1870 года, со включеніемъ въ него названія Болгаръ схизматиками.

Болгарамъ же Митхадъ говорилъ, что съ провозглашеніемъ схизмы фирмансъ не имѣть значенія и что Порта готова сдѣлать экзарха Болгарскаго патріархомъ, но въ тоже время онъ не утверждалъ Болгарскаго устава и не давалъ бераторъ пяти епископамъ, только что посвященнымъ экзархомъ, желая подобнымъ образомъ дѣйствій толкнуть Болгаръ въ унію.

Однако, всѣ затѣи Митхада не привели ни къ чему, такъ какъ онъ самъ палъ и бытъ замѣненъ Мехмедъ Рушди-пашой, настроеннымъ къ Болгарамъ гораздо благопріятѣе, чѣмъ его предшественникъ.

Болгари, отказавшись идти въ унію, рѣшили не оставаться безмолвными предъ опредѣленіемъ послѣдняго помѣстнаго собора греческаго духовенства и обратились ко всѣмъ автокефальнымъ Церквамъ съ посланіемъ, написаннымъ въ примирительномъ духѣ, разъясняя вопросъ съ своей точки зрѣнія и доказывая, что они отвергаютъ обвиненіе ихъ въ ереси филетизма и желаютъ оставаться въ единеніи съ православною Церковью, ученіе и догмы которой они намѣрены сохранить неуклонно.

Въ концѣ 1872 года въ отношеніяхъ Сербовъ къ Болгарамъ проявились новые признаки, доказывающіе какъ значительна разница между этими двумя православными народностями, хотя она почти незамѣтна для постороннаго глаза.

Въ отвѣтъ своею на посланіе Вселенскаго патріарха о про-

возглашениі схизмы, митрополитъ Михаилъ, краснорѣчиво указывая на необходимость согласія въ православной Церкви, скорѣй о неожиданной жестокости отлученія. Оправданіе Болгаръ не были выслушаны и сами Греки не менѣе ихъ руководились начальствомъ народности. Сербы же, связанные съ Болгарами родствомъ, вѣрой и сосѣдствомъ, не могутъ порвать съ ними этихъ узъ. Поэтому, для рѣшенія распри необходимы об юдныя уступки и созваніе новаго собора съ участіемъ независимыхъ Церквей.

Но, когда митрополитъ Михаилъ официально ставилъ вопросъ на правильную почву и выказывалъ сочувствіе Сербіи къ домогательствамъ Болгаръ, въ тоже самое время сдѣлалось извѣстнымъ, что митрополитъ Сербскій далъ, добрытельныи образомъ, понять святѣшему Анону, что если его святѣшество поддержитъ Сербовъ въ Старой Сербіи и назначить туда епископомъ Серба, то княжеское правительство приметъ сторону Константиопольскаго патріарха и окажетъ ему даже денежное пособіе.

Русскій посолъ пригласилъ тогда управлявшаго генеральными консульствомъ нашимъ въ Бѣлградѣ разъяснить г. Ристичу, что при нынѣшихъ обстоятельствахъ было бы крайне нежелательно видѣть розы между Сербами и Болгарами и что Сербской Церкви слѣдуетъ непремѣнно быть въ согласіи съ Русскою, сохраняя пока нейтральное положеніе и дѣйствуя примирительно, сколько возможно, относительно обѣихъ враждующихъ сторонъ, а не оказывать изъ своихъ мелкихъ расчетовъ Вселенской патріархіи денежнаго пособія.

Въ тоже время, графъ Игнатьевъ объяснился съ сербскимъ агентомъ въ Константиополѣ, г. Христичемъ, поставивъ ему на видъ всю опасность и недальнovidность политики княжескаго правительства, желающаго приобрѣсть для себя незначительныи, въ сущности, выгоды и поддержать свое влияніе въ Старой Сербіи цѣнной новаго раздора съ Болгарами, столь не желательнаго въ интересахъ всего православія.

Г. Христичъ старался оправдаться въ виновныхъ на Сербію

обвиненіяхъ и, между прочимъ, рассказалъ, что дѣйствительно нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ прислано было въ Константинопольскую патріархію дѣлѣти червоцѣвъ и то вслѣдствіе самыихъ настоящихъ просьбъ святѣшаго Анона.

Благодаря всѣмъ этимъ стараніямъ, удалось убѣдить Ристича, не связывать себя обязательствами съ Греками и добиться, что въ церковномъ вопросѣ Сербія будетъ согласовать свой об разъ дѣйствій съ Русскою Церковью.

Новый великий визирь, Эссадъ-паша, замѣнившій Мехмеда-Рушди, клонилъ болѣе въ сторону патріархіи и объявилъ, что хотя Порта и не намѣрена отмѣнить фирмана, тѣмъ не менѣе, отсутствіе взаимнаго соглашенія, имъ предусмотрѣнаго между Болгарами и патріархіей, со ipso лишило документъ этой всякой дѣйствительной силы, почему Турецкое правительство не можетъ заставить Грековъ, обитающихъ болгарскія епархіи подчиниться духовенству, которое они считаютъ схизматическимъ и, какъ необходимое слѣдствіе всего этого, Порта и будетъ посыпать греческихъ епископовъ во всѣ епархіи, гдѣ только есть Греки.

Министръ иностраннѣхъ дѣлъ, Рашидъ-паша, жизнь котораго такъ цѣчально и преждевременно окончилась въ 1876 году, подъ пулей черкеса Хасана, старался, между тѣмъ, изъ желанія быть намъ пріятнѣмъ, изыскать средства для мирнаго разрѣшенія вопроса. Планъ его состоялъ въ слѣдующемъ: 1) фирмантъ не будетъ измѣненъ, 2) въ Македоніи Эзархъ будуть набавлены четыре или пять епархій, 3) не будутъ болѣе даваемы браты греческимъ епископамъ въ болгарскихъ епархіяхъ, но греческое населеніе можетъ имѣть своихъ священниковъ, подчиненныхъ, впрочемъ, духовной власти епархіального архіерея безъ различія народности сего посаѣдняго, 4) Эзархъ имѣть титулъ Эзарха Болгаръ и по дѣламъ можетъ прѣѣзжать въ Константинополь; мірской же его совѣтъ остается постояннѣ въ Константинополѣ, 4) Болгары пишутъ извинительное письмо патріарху и просятъ забыть прошлое и принять ихъ лоно православной Церкви.

Экзархъ лично былъ согласенъ на эти условія, но предварительно желалъ получить отъ Порты утвержденіе устава и браты для болгарскихъ епископовъ Охриды, Битолы и Скопіи. Будучи человѣкомъ глубоко религіознымъ, умѣреннымъ и разсудительнымъ, блаженнѣйшій Анонъ порывался въ то время своей связи съ крайнею болгарскою партией, несмотря на угрозы смынуть его, убѣждаясь народный совѣтъ въ необходимости принять условія Рашида-наши и, затѣмъ, пишетъ сему послѣднему, что болгарский народъ благодарить за попытки мирно покончить вопросъ, такъ какъ въ томъ же заключается желаніе и самихъ Болгаръ; что же касается его лично, то онъ готовъ просить у патріарха прощенія за свои антиканонические поступки, если только ему дадутъ увѣреніе, что эта жертва не будетъ безполезна и что патріархъ признаетъ фирмантъ и *status quo* экзархата. Къ этому письму экзархъ Анонъ прибавилъ словесно, что онъ готовъ осыпать поѣздуями стопы Константинопольского патріарха, лишь бы возстановить прежний союзъ и единеніе между Великою и Болгарскою Церквами.

Такимъ образомъ, узель вопроса былъ спасенъ къ Грекамъ, отъ которыхъ зависѣло дать мирный исходъ церковной распѣ.

Патріархъ Анонъ сожалѣлъ, правда, предъ графомъ Игнатьевымъ о всемъ случившемся, но опытъ показалъ какъ мало можно было тогда довѣрять его словамъ и чистосердечнымъ, по видимому, завѣреніямъ. Къ тому же самое положеніе патріарха тогда сильно пошатнулось.

«Мечь извлекай мечемъ и погибнетъ»; справедливость этого изрѣченія еще разъ подтвердилаась на патріархѣ Анонѣ: призвавъ на помощь своимъ личнымъ видамъ грубая народныхъ страсти, онъ уже не могъ своими старческими руками сдержать ихъ дальнѣйшій порывъ.

Обманувшись въ своихъ расчетахъ относительно результатовъ провозглашенія схизмы, вожаки крайней греческой партіи искали на комъ вымѣстить свою злобу и такимъ козыремъ отпущен-

ния явился самъ патріархъ Аноімъ. Увлеченіе вчерашиимъ кумиромъ, истиннымъ-де борцомъ за православіе, быстро смынилось, сначала, недовольствомъ проистекавшимъ отъ собственной неудовлетворенности а, затѣмъ, и ненавистью. Разнуданныя народныи страсти нигдѣ и никогда не отличались продолжительностью поклоненія своимъ излюбленнымъ героямъ, и напрасно святейшій Аноімъ искалъ себѣ поддержки въ демагогическомъ духѣ народа, уже съ древнійшихъ временъ извѣстнаго своимъ непостоянствомъ, своею неблагодарностью. Случилось то, что и должно было случиться и Константинопольскій патріархъ сдѣлался цѣлью, на которую яростно устремились волны имъ же самимъ избаломученного моря.

Насколько расточительна толпа на похвалы человѣку снискавшему ея благорасположеніе, столь же быстра и неразборчива она на упреки и оскорблѣнія тому, кто опостылѣлъ ей.

Такъ было и съ патріархомъ Аноімомъ. Осыпая его сначала неумѣренными похвалами, радикалы холодно обратились теперь къ нему спиной и стали обвинять его въ томъ, что онъ вналъ вѣдѣство и не достоенъ болѣе занимать вселенскій престоль; они образовали даже особый «народный комитетъ», имѣвшій своею специальною цѣлью нападки и всевозможныя обвиненія на патріарха. Волненіе и внутренніе раздоры, неминуемыя послѣдствія разбушевавшихъ народныхъ страстей, все увеличиваются въ Константинопольской патріархіи. Въ самомъ патріаршемъ храмѣ происходитъ манифестація направленная противъ патріарха и толпа торжественно изжгаетъ цумеръ греческой газеты *Неологосъ*, осмѣлившейся высказаться сочувственно къ нему. Народный же комитетъ открыто и съ настойчивостью требуетъ смыны патріарха.

Горько разочарованный въ продолжительности земныхъ привязанностей, святейшій Аноімъ вынужденъ быть прибѣгнуть съ просьбой къ Портѣ о наказаніи членовъ этого комитета. Рашиль-паша отказалъ патріарху, несмотря на поддержку его извѣстнаго Халиль-Шерифъ-пашой, даже ссудившимъ патріарха тысячу турецкихъ лиръ.

Наконецъ, интриги противниковъ патріарха восторжествовали и святѣйшій Анонимъ, съ вступлениемъ котораго на патріаршій престолъ связывалось столько несбытийшихъ надеждъ, наль, паль безъ славы, покинутый большей частью своихъ прежнихъ приверженцевъ и не взирая на отчаянныя усилия спасти его со стороны греческой миссіи и нѣкоторыхъ немногихъ оставшихся ему вѣрными.

Достойный продолжатель политики Митхада, новый турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ Халиль-Шерифъ-паша, снова настаиваетъ на перемѣнѣ одежды болгарскаго духовенства, обѣщаю, взамѣнъ того, учрежденіе болгарскаго патріаршества. Въ то же время, пользуясь случившимся близъ Софии ограбленіемъ почты, раздутымъ до размѣровъ политического события съ сильнымъ революціоннымъ оттенкомъ, Халиль-паша посылаетъ въ Болгарію особую комиссию, главнымъ членомъ которой является предавшийся совершенно турецкимъ интересамъ Болгаринъ Хаджи Іоанчо Пенчовичъ. Задача этой комиссіи заключалась въ изслѣдованіи и засвидѣтельствованіи весьма опасныхъ панславистскихъ интригъ, простирающихся будто бы изъ учрежденія Болгарскаго экзархата и поддерживаемыхъ иностранными прониками.

Между тѣмъ, въ Константинопольской патріархіи стало преобладать примирительное направление и мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола былъ выбранъ митрополитъ Артсій Серавфимъ, извѣстный своею кротостью и благородствомъ.

Константинопольскій патріаршій престолъ былъ предложенъ Григорію VI, но онъ соглашался быть снова патріархомъ лишь подъ условиемъ вселенского собора, необходимаго, по его мнѣнію, для разрѣшенія греко-болгарской распри.

Послѣ нѣкоторыхъ колебанийъ, Константинопольскимъ патріархомъ выбираютъ Іоакима II, прежде уже бывшаго на вселенскомъ престолѣ, человѣка весьма умнаго, но упрямаго и, по временамъ, слишкомъ крутаго.

Первые шаги новаго патріарха были примирительны: онъ понималъ невозможность вернуть болгарскія епархіи къ прежнему

порядку вещей, а равно и весь вредъ происходящий отъ неразрешенія распри. Желая не увеличивать раздраженія, святѣйшій Иоакимъ даётъ другіе каѳедры двумъ епископамъ назначеннымъ его предмѣстникомъ на болгарскія епархіи и побѣдоносно отражаетъ нападки на себя крайней греческой партіи, требующей отъ патріарха, чтобы онъ заставилъ Россійскій синодъ выскажаться по вопросу о схизмѣ. Иоакимъ II смутилъ ихъ словами: «а что же дѣлать если я пошлю подобное требование, а св. синодъ оставить его безъ отвѣта; развѣ я посмѣю вступить въ борьбу съ Россіей, этою покровительницей и защитницей православія?»

Болгары, подъ узброяніемъ вліяніемъ экзарха, тоже стали отдавать себѣ лучше отчѣть въ неправильности своего положенія: они готовы были не настаивать на 10-мъ пунктѣ фирмала, а принять разграничение, которое установитъ Порта и къ тому же готовы были уплачивать ежегодно Константинопольской патріархіи извѣстную сумму въ вознагражденіе потерь, произошедшихъ для ея казны вслѣдствіе отдѣленія болгарскихъ епархій.

Къ сожалѣнію, ежедневныя мелкія распри отдѣльныхъ личностей портили общее примирительное настроеніе и мѣшали ему развиться и прийти къ какому нибудь осознательному результату.

Россійскій св. синодъ въ отвѣтъ своемъ на извѣстительное посланіе обѣ избраніи патріарха не упустилъ случая изъявить свою радость обѣ избраніи его святѣйшества на Константинопольский престолъ при настоящихъ многотрудныхъ по истинѣ обстоятельствахъ, о которыхъ упоминаетъ самъ Иоакимъ II. «Но тѣмъ то и выше и многоцѣннѣе», говорить св. синодъ, «будутъ заслуги вашего святѣйшества предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ и предъ всею Его каѳолическою Церковью, если забывая всѣ земныя цѣли и имѣя въ виду только славу Божію и вѣчное спасеніе близкихъ, если одушевляясь истинно апостольскою ревностью и апостольскимъ самоотверженіемъ и руководясь начальами самой строгой христіанской справедливости и любви, вы успѣете, съ помощью Всевышняго, побѣдить эти трудности и водворить въ церковныхъ предѣлахъ вашихъ миръ, тишину и

взаимную братскую любовь между всеми христианами православною, хотя и на разныхъ языкахъ, исповѣдующими одного и того же трипостаснаго Бога. Объ этомъ то умирениіе и благосостояній святыхъ Божіихъ Церкви Востока всегда молила, молить и не перестанетъ молить единовѣрная имъ и равно всѣмъ имъ искренне благожелательная Церковь русская».

Посланіе это можно считать косвеннымъ отвѣтомъ на объявленіе схизмы и между его строками легко читается осужденіе соборного опредѣленія 1872 года и то, что русская Церковь не признаетъ Болгаръ схизматиками за то только, что они на своеемъ языкѣ желаютъ исповѣдывать единаго трипостаснаго Бога.

Экзархъ, съ своей стороны, старается быть какъ можно уступчивѣ и чтобы не дать патріархіи повода обвинять его въ поддержаніи волненій въ Македоніи, блаженнѣйшій Анонимъ вызываетъ изъ Кукуша епископа Нила.

Не желая вовсе входить въ оценку соображеній, побудившихъ экзарха на подобную мѣру, недовольные Кукушане, вѣрные своему прошлому, стали угрожать снова перейти въ упію и обратились вмѣстѣ съ тѣмъ за покровительствомъ къ английскому покровителю въ дѣлахъ, но безуспѣшино, такъ какъ этотъ постѣдній объявилъ имъ наотрѣзъ, что онъ не можетъ и не хочетъ мѣшаться въ религіозныя дѣла православныхъ.

Искусственно возбужденное волненіе и интриги, поддерживаемыя Митхадѣ-нашой, приводятъ къ тому, что Кукушане обращаются къ латинскому Адріанопольскому епископу Рафаилу и всѣ, съ епископомъ Ниломъ во главѣ, принимаютъ упію.

Опечатанный этимъ, Ортакѣйскій синодъ разсыпаетъ окружное посланіе, въ которомъ представляетъ католическое движение Кукуша какъ движение противонаціональное, вредящее интересамъ Болгарскаго народа и разрушающее его единство.

Результатомъ посланія было то, что большинство Кукушанъ просили прощенія у экзарха и возвратились въ православіе, тѣмъ скорѣе что, по словамъ самого блаженнѣйшаго Анонима, они никогда серіозно и не думали и не желали переходить въ като-

личество. Всѣ интриги Нила имѣли цѣлью обеспечить Болгарамъ иностраниную поддержку, благодаря которой они могли бы устроить свои македонскія епархіи и, затѣмъ, отложившись отъ папы, снова присоединиться къ экзархату. Для подобныхъ личностей перемѣна религії являлась лишь средствомъ приобрѣсти покровительство латинскихъ державъ и, съ помощью послѣднихъ, осуществить свои политические замыслы.

Экзархъ оплакивалъ настроеніе народнаго болгарскаго собрания и со участіемъ нѣкоторыхъ духовныхъ его членовъ съ отщепенствомъ Нила, такъ какъ, по его мнѣнію, немыслимо управление Церковью при такой неразборчивости въ употребляемыхъ средствахъ, въ особенности же когда сама религія обращена въ орудіе политической агитации. При такихъ обстоятельствахъ, простое и безусловное возвращеніе въ лоно Константинопольской Церкви казалось экзарху предпочтительнѣе союза, хотя и временнаго, съ Римомъ; упія для блаженнѣйшаго Анона была бы такимъ стыдомъ, котораго онъ, по его собственнымъ словамъ, не въ состояніи вынести. Онъ предпочелъ бы быть просто принесеннымъ въ жертву людскимъ страстямъ, лишь бы сохранитьувѣренность, что онъ падъ, защищая правое дѣло.

Вообще, экзархъ здраво смотрѣлъ на положеніе дѣла и на свое личное положеніе. Лишь официальное признаніе всѣми православными Церквами Болгарскаго экзархата могло бы утвердить его власть и доставить ему необходимое обаяніе и прочность.

Относительно способа примиренія экзархъ понималъ, что затрудненіе разрешить вопросъ произошло съ тѣхъ поръ, какъ въ дѣло замѣщались чисто земныя соображенія. Покуда вопросъ бывалъ обсуждаемъ между духовными, соглашеніе почти устанавливалось, но въ эту минуту являлись міране и изъ политическихъ цѣлей разрушали все сдѣланное, хотя обѣ стороны старательно и прикрывались священными канонами.

Руководствуясь долговременнымъ опытомъ, экзархъ долженъ былъ дойти до убѣжденія, что для достижения миролюбиваго окончанія распри ни онъ, ни патріархъ не должны никого посвя-

щать въ свои переговоры, ни совѣтоваться съ своими сподиами, а, въ особенности же, не спрашивать мнѣнія народныхъ собраний. Единственно возможнымъ средствомъ примиренія, явилось непосредственное соглашеніе между главами обѣихъ Церквей, Греческой и Болгарской, при благосклонномъ участіи турецкаго правительства, дабы примиреніе состоялось такъ сказать однимъ ударомъ, однимъ внутреннимъ переворотомъ, одновременно съ обѣихъ сторонъ.

Эзархъ не считалъ Кукушскую унію серіозно и надѣялся ее уничтожить, если только ему удастъ разрѣшеніе отправить епископовъ въ епархіи Охридскую и Скопійскую. Турецкіе министры, съ своей стороны, тоже мало были расположены содѣйствовать успѣхамъ уніи, извѣдавъ на опытѣ въ Гассунистскомъ вопросѣ всю непріятность и неудобство иностранного вмѣшательства въ религіозные раздоры турецкихъ подданныхъ.

Между тѣмъ, по провинціямъ, согласно 10-й ст. фирмана, шель опрося жителей для опредѣленія того, куда желаютъ они принадлежать къ патріархіи или къ эзархату. На практикѣ опрось этотъ представлялъ очень большій затрудненій и вѣль за собою замѣшательства и нескончаемые споры и раздоры. Патріархъ не скрывалъ своего неудовольствія по поводу способа, которымъ производился этотъ опросъ, а именно что подающихъ голоса умышленно вводятъ въ заблужденіе неправильной постановкой дѣлаемыхъ имъ вопросовъ, причемъ жителей спрашиваютъ, желаютъ ли они быть Греками или Болгарами, имѣсто того чтобы предоставить имъ свободный выборъ между Константинопольской патріархіей и эзархатомъ. Поэтому, его святѣйшество предпочѣлъ бы поручить производство опроса особой смѣшанной комиссіи, присланной изъ Константиналия и составленной изъ Грековъ, Болгаръ и Турокъ.

Порта соглашается на смѣшанную комиссію для опредѣленія состава македонскихъ епархій, а что касается до епархій Охриды и Скопія, то, по решенію совѣта министровъ, Турецкое правительство выдаетъ бераты двумъ епископамъ, посылаемымъ туда

экзархомъ. Выдача это иль сколько разсердила вселенского патріарха, который самую просьбу о томъ экзарха счель нарушениемъ условияного нейтралитета, такъ какъ самъ патріархъ не посыпалъ до сихъ пору въ эти епархіи своихъ епископовъ.

Новый министръ иностранныхъ дѣлъ, Аарифи-паша не захотѣлъ заниматься ни церковнымъ вопросомъ, ни разграничениемъ епархій въ Македоніи, отчего раздоры между Греками и Болгарами въ провинціяхъ все увеличивались. Произведший же соблазнъ въ Кукушѣ, епископъ Нилъ сдѣлалъ въ то время предложение уѣхать, подъ условiemъ уплаты его долговъ, въ Рущукъ и отречься отъ католичества, такъ какъ, по его словамъ, онъ никогда серіозно не отпадалъ отъ православія.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, блаженийшій Аноимъ намѣревался перенести мѣстопребываніе экзархата въ Охриду, Тирново или Софію, вызывался возстановить отнынѣ же поминовеніе имени патріарха на богослуженіи и готовъ бытъ написать его святѣшству письмо съ изъявленіемъ своего раскаянія; что же касается до разграничения епархій, то онъ согласенъ бытъ положиться на рѣшеніе Порты, либо на смѣшанную комиссию, предложенную патріархомъ, но подъ условiemъ, что комиссія эта займется опредѣленіемъ правъ лишь на спорные епархіи и откажется отъ намѣренія начать свой объездъ съ епархій уже данныхъ Болгарамъ султанскимъ фирмапомъ.

Когда намѣренія экзарха были сообщены патріарху Іоакиму, то онъ бытъ весьма тронутъ личными чувствами экзарха, но въ то же время опасался дѣйствовать съ стремительностью и прибѣгать къ крутымъ переворотамъ, въ особенности въ виду шума произведенного случившимся тогда дѣломъ Нантелеймоновскаго Афонскаго монастыря,—въ коемъ Іоакимъ II выказалъ не мало умѣренности и безпристрастія къ славянамъ,—вслѣдствіе чего, новыми уступками въ пользу Болгаръ, патріархъ не ждалъ бы увеличивать и безъ того существующее противъ него со стороны Грековъ недовольство и раздраженіе. По этому то Іоакимъ II и желалъ, чтобы выборъ времени для приступленія

къ основательному разсмотрѣнію вопроса быть предоставленъ ему самому.

Единственнымъ же предметомъ разногласія между патріархомъ и экзархомъ оставалось то, что первый настаивалъ на отправлѣніи съмѣшанной комиссіи безразлично во всѣ епархіи, дабы не допустить предположенія, что Константинопольская патріархія согласилась принять столь ненавистный ей 10-й пунктъ фирмана.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1875 умираетъ, завѣщаю все свое состояніе болгарскимъ школамъ, епископъ Илларіонъ Макаріупольскій, первый отказавшійся помнить имя патріарха на литургії. Съ его смертью сходитъ въ могилу послѣдній членъ тріумвирата—изъ Авксентія, Паисія и Илларіона—давшаго такой сильный толчокъ болгарскому церковному движению, причемъ Илларіонъ былъ лицомъ, на которое обрушились высшія кары Церкви.

Въ августѣ мѣсяцѣ того же года патріархъ соглашается на учрежденіе съмѣшанной комиссіи, составленной изъ двухъ греческихъ епископовъ и двухъ болгарскихъ, подъ предсѣдательствомъ чиновника Порты. Такимъ образомъ, въ печальной невозможности найти беспристрастного судью изъ христіанъ, комиссія, призванная разрѣшить церковную расприю двухъ христіакихъ народностей, должна была имѣть своимъ предсѣдателемъ—мусульманина, Турка.

Въ виду начинавшагося на Востокѣ пожара, зажженаго 164 Невесинцами, Портъ начинаетъ ухаживать за Болгарами и утверждаетъ ту часть ихъ устава, которая разрѣшаетъ экзарху и епископамъ взимать опредѣленный налогъ въ свою пользу и въ пользу народныхъ школъ.

Между тѣмъ, во главѣ греческой миссіи въ Константино-полѣ произошла перемѣна. Англомана и русофоба Симоса замѣнилъ Куундуріотти, человѣкъ опытный, умѣренный и, по своимъ тенденціямъ, болѣе приближающійся къ той партии, обнимающей собственно народныя массы Греціи, которая, сознавая истинные

интересы своего отечества, не перестаетъ чтить Россію какъ могущественнѣйшую покровительницу православія и православныхъ. Новый представитель Эмлады не могъ не соглашаться съ справедливостью того мнѣнія, что, съ точки зреянія греческой, объявление схизмы было ничѣмъ инымъ, какъ политическимъ маневромъ, предназначеннымъ остановить тяготы Болгаръ къ морю; по его словамъ, Гречія должна, прежде всего, стараться сохранить господство надъ Греками поселенными по побережью Европейской Турціи, дабы воспользоваться имъ въ будущемъ, когда настанутъ случайности неизбѣжныя на Востокѣ, хотя и въ промежуткѣ времени болѣе или менѣе отдаленомъ. Исходя изъ этой точки зреянія, Кундуриотти предложилъ, чтобы графъ Игнатьевъ выработалъ проектъ линіи, разграничитывающей въ Македонії греческія и болгарскія епархіи, и онъ брался добиться принятія этого проекта въ Афинахъ во время своего тамъ пребыванія и привезти оттуда необходимыя полномочія, дабы потребовать отъ патріарха рѣшенія согласнаго и съ интересами Гречіи и съ желаніями всего православнаго міра.

Изъ сравненія письменныхъ требованій экзарха относительно Македонії съ мемуаромъ по поводу церковнаго вопроса, вскорѣ затѣмъ дѣйствительно привезеннымъ Кундуриотти изъ Афинъ, вытекало, что взаимныя домогательства обѣихъ сторонъ, несогласимы ни между собою, ни съ тою исключительно религіозною точкой зреянія, на которую становилась постоянно Россія во все продолженіе греко-болгарской распри. Такое воззрѣніе наше находилось въ прямомъ противорѣчіи съ греческимъ мемуаромъ, который явно выдвигалъ на первый планъ національныя стремленія эллинской народности.

Убѣдившись въ невозможности достигнуть прямаго соглашенія и общаго дѣйствія съ Греческимъ правительствомъ, россійскій посолъ сталъ избѣгать дальнѣйшихъ разговоровъ съ Кундуриотти по этому предмету, во постарался ослабить дѣятельность Афинскаго кабинета въ этомъ направленіи.

Хотя довѣрительные переговоры эти и не имѣли никакого

практическаго результата, тѣмъ не менѣе, мнѣ они кажутся очень важными въ томъ смыслѣ, что неоспоримо доказываютъ ранее высказанную мною мысль, что трудность решения греко-болгарской распри не въ духовной сторонѣ дѣла, а въ политической, и что, въ добавокъ, узелъ вопроса находится въ Афинахъ.

Въ Портѣ, между тѣмъ, въ 1876 г. начинаются засѣданія смѣшанной комиссіи, разрабатывающей вопросъ о соглашеніи и о подробностяхъ въ отношеніяхъ между вселенскою патріархіей и экзархатомъ, касательно раздѣла имуществъ, церкви, школъ и т. п.

Окончивъ свои засѣданія, комиссія выработала свой проектъ, въ сущности сходный съ фирмансомъ 1870 г., отличающійся отъ этого послѣдняго въ слѣдующемъ:

1. Свое мѣстопребываніе экзархъ имѣть въ Константино-полѣ, въ центрѣ собственной епархіи.

2. Регламентъ о внутреннемъ управлѣніи экзархата представляется патріарху, который въ теченіи трехмѣсячнаго срока имѣть право дѣлать свои замѣчанія и настаивать на исключеніи тѣхъ постановленій регламента, которыхъ, по его мѣнію, не согласны съ святыми канонами.

3. Патріархъ сообщаетъ обѣ избраний экзарха Портѣ, которая немедленно же выдастъ берать.

4. Православные, обитающіе въ предѣлахъ экзархата, не говорящіе по болгарски, и Болгары, живущіе въ предѣловъ экзархата, пользуются правомъ—если того пожелаютъ и если они образуютъ общность населенія города, деревни или прихода—имѣть свое духовенство, говорящее на ихъ языкахъ, даже имѣть своего епископа (хорѣ-епископа), выбранного ими самими и рукополагаемаго епархиальныемъ архіереемъ, отъ котораго хорѣ-епископъ будетъ канонически зависѣть и чье имя онъ будетъ поминать на литургії.

5. Для языка, на которомъ происходитъ богослуженіе въ той или другой церкви, сохраняется *status quo*. Въ случаѣ же если въ этой мѣстности составится цѣлая община говорящая не на

томъ языкѣ, на которомъ проиходитъ богослуженіе, то ейъ отдается одна изъ церквей мѣстности, за исключеніемъ, вирочетъ, интрополичею. Тамъ же, гдѣ нѣтъ второй церкви, новая община можетъ строить себѣ отдѣльную церковь на собственныя средства.

6. Подобныя же правила прилагаются и къ школамъ въ съѣзжаныхъ мѣстностяхъ.

7. Что касается до разграничения, то изъ предѣловъ экзархата исключается епархія Велесская и, предполагавшіяся по проекту патріарха Аноіма, каза Прилѣпъ, Пелагонійской епархіи, и каза Ахи члены, Ксантской епархіи. Затѣмъ, прибавляются къ экзархату: каза Вранія, Скопской епархіи, и оставленныя было за патріархомъ мѣстности епархій Филиппопольской, Варненской, Месемврійской и Аихіальской, но подъ тѣмъ непремѣннымъ условиемъ, что вѣтъ эти мѣстности, за исключеніемъ Враніи, составлять отдѣльныя епархіи, входящія въ составъ экзархата; жители ихъ сами избираютъ своихъ епископовъ, лишь утверждаемыхъ экзархомъ.

Въ принципій Константинопольскій патріархъ одобрилъ выработанный комиссию проектъ рѣшенія вопроса—уже шестнадцатый по счету за время графа Игнатьева—но не принялъ лишь способа выбора епископовъ въ болгарскихъ епархіяхъ, какъ антиканонического и возсталъ противъ включенія Филиппопольской епархіи въ предѣлы Болгарского экзархата, въ чемъ поддерживалъ его, между прочимъ, и Кундуриотти.

Святѣйший Іоакимъ представляетъ тогда свой контрѣ-проектъ рѣшенія, уменьшающій ширина болгарскихъ требованій, и увѣряетъ графа Игнатьева, что онъ искренно желаетъ покончить распри, удовлетворивъ Болгаръ и не уронивъ достоинства Великой Церкви. Дабы избѣжать нового собора, патріархъ желалъ бы, чтобы болгарская депутація, во соглашеніи съ духовенствомъ экзархата, подала его святѣйшеству письменное заявленіе съ объясненіемъ, что ни Болгары, ни ихъ духовенство никогда не были повинны въ филетизмѣ, что они желали лишь устроить свою

народную Церковь на основаніяхъ предложенныхъ самимъ патріархомъ Григоріемъ VI и, что если они погрѣшили въ провиниились предъ вселенскою Церковью, то теперь они искренно просятъ у нея прощенія и разрѣшенія въ тоже время, на основаніи святыхъ каноновъ, существующихъ затрудненій. Такимъ образомъ, можно было бы воспользоваться открытою дверью оставленной соборнымъ опредѣленіемъ 1872 г.; схизма въ дѣйствительности уничтожилась бы сама собою и учрежденіе экзархата состоялось бы канонически правильно.

Безпристрастіе требуетъ, чтобы мы отмѣтили произошедшую въ 1876 году перемѣну настроенія Грековъ къ Болгарамъ.

Этотъ годъ огненными буквами занесенъ въ лѣтописи Болгарскаго народа. Кровавыя воспоминанія Батакской рѣзни, дикия сатураціи Турукъ, сотнями казнившихъ Болгаръ въ Адріанополь и Филиппополь, еще свѣжі въ памяти у каждого и нѣтъ надобности возводить ихъ печальные образы.

Греческое населеніе Филиппополя, подъ вліяніемъ тяжелаго впечатлѣнія произведенаго на него бѣдственнымъ положеніемъ Болгаръ, стало менѣе враждебно относиться къ этимъ постѣднимъ и въ нѣсколькоихъ случаяхъ оказалось даже содѣйствіе къ спасенію Болгаръ отъ погибели.

Видя въ этомъ явленіи возможность сближенія двухъ единовѣрныхъ народностей, раздѣленныхъ старинною религіозною распрай, наше министерство иностранныхъ дѣлъ циркулярно пригласило всѣхъ своихъ консуловъ воспользоваться подобнымъ настроеніемъ и содѣйствовать всѣми мѣрами къ постепенному сближенію Грековъ съ Болгарами, старалась убѣждать и тѣхъ и другихъ въ необходимости этого сближенія при существовавшихъ тогда обстоятельствахъ, когда все мусульманское населеніе Турціи было сильно возбуждено противъ христіанъ вообще, и внушать имъ мысль, что имъ слѣдовало бы, въ виду общей опасности, забыть всѣ прежніе раздоры и национальные расчеты, разъединяющіе христіанъ и дающіе туркамъ возможность сильнѣе угнетать ихъ.

Консуламъ поручалось работать въ этомъ направлениі, соблю-
дая при этомъ осторожность, чтобы не подать повода представи-
телей другъ державъ къ обвиненію ихъ въ возбужденіи
общинъ противъ Турецкаго правительства. Цѣлью дѣйствій рус-
скихъ агентовъ должно было быть подготовленіе почвы для
примиренія враждующихъ единовѣрныхъ народностей и для
прекращенія ихъ распри.

IX.

Красный пѣтухъ, пущенный Невесинцами, бойко загулялъ
по Балканскому полуострову, и пламя пожара, усиленное различными обстоятельствами, разбирать которыйя здѣсь не мѣсто,
ширилось и охватывало все большее пространство. Какъ иногда
при большомъ пожарѣ, въ время пожертвованій, въ время
срѣтыхъ домомъ, останавливаютъ распространеніе огня, такъ и
Порта, въ концѣ 1875 года, легкими уступками могла покончить
съ затрудненіями въ Герцеговинѣ. Не сдѣлавъ же ихъ въ время,
она уже не могла замедлить хода событий и справиться съ грозой,
и пала, наконецъ, ея жертвой.

Какъ катящійся комъ снѣгу, быстро увеличивающійся въ
своемъ объемѣ, развивались события въ Турции, съ неудержимою
силой скользя по наклонной плоскости и, начавшись съ незна-
чительного восстания Невесинцевъ, переходя въ столкновеніе
съ Черногорией и Сербией и завершаются кровавою Русско-
Турецкою войной, явившуюся какъ историческая необходимость.

Напрасно было бы искать причину событий 1875—1878 годовъ въ какихъ либо единичныхъ явленіяхъ или въ дѣятельности
того или другаго лица. Дѣятельность показала, что къ тому
времени почва на Балканскомъ полуостровѣ была такова, что
не могла произвести ничего иного, чѣмъ то, что она произвела;
что упорный отказъ Порты въ уступкахъ былъ лишь вѣшинмъ
толчкомъ, разбудившимъ дремавшія доселѣ стихійныя силы, и

что, следовательно, немыслимо допустить, чтобы та или другая личность могла иметь рѣшающее влияніе на напряженіе или прекращеніе дѣятельности этихъ силъ, также точно какъ мы старались выше доказать, что церковный греко-болгарский вопросъ не былъ созданъ Россіей или ея посольствомъ въ Константинополь, а явился естественнымъ продуктомъ, выработаннымъ всѣми предшествующими историческими условіями.

Впрочемъ, разборъ событий 1875—1878 годовъ вовсе не входитъ въ предѣлы настоящаго изслѣдованія, и я коснусь ихъ лишь по скольку они находятся въ связи съ церковнымъ греко-болгарскимъ вопросомъ.

Мы уже видѣли, какъ нѣкоторая часть провинциальныхъ Грековъ сочувственно отнеслась къ Болгарамъ, подвергавшимся немилосердымъ преслѣдованіямъ отъ турецкихъ властей. Но справедливость требуетъ также сказать, что лишь провинциальные Греки держались такого христіанского направленія: столичные же, встрѣчая одобрение своимъ чувствамъ въ азиатской печати, не считали болѣе нужнымъ скрывать своихъ затаенныхъ мыслей и съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, дружно принялись обливать потоками желчи все, что носить славянское имя. Греческіе борзоныцы взапуски пустились доказывать, что патріархія была права, отвергая церковный требования Болгару, скрывавшія панславистскіе замыслы, и что теперь маска сорвана и обязанность Эллиновъ помочь Турціи въ борбѣ съ ея славянскими подданными. Самыя яростныя статьи направлены были въ то же время противъ Россіи, не скрывавшей своего сочувствія къ Славянамъ и добровольцы которой рядами шли на защиту своихъ братьевъ, руководимые однимъ идеальнымъ чувствомъ—помочь страждущимъ. Эллины забыли и единство вѣры съ Россіей и всѣ жертвы, принесенные ею за нихъ, наконецъ даже то, что ей именно обязано своимъ существованіемъ независимое Греческое королевство. Все это было забыто бѣсновавшимися газетчиками и адвокатами, предъ глазами которыхъ неотступно стоялъ угавший ихъ величавый образъ сѣверной державы, имѣвшей

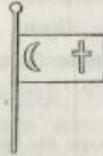
неосторожность не отвергать человеческихъ правъ въ Болгарахъ, на которыхъ Эллины смотрѣли не иначе какъ на своихъ рабовъ.

Греческіе журналы неустанно били въ избѣгать, приглашая и Грековъ и западныя державы на крестовый походъ, новаго образца, направленный не противъ нечестивыхъ Агарянъ, а за нихъ и противъ православныхъ христіанъ. Не разъ содрогнулись бы въ своихъ гробахъ кости Бощариса, Миаулиса, Канариса и другихъ борцовъ за Эладу, за православіе, если бы до нихъ могли донести эти рѣчи, и съ какимъ презрѣніемъ взглянули бы они на своихъ столь быстро выродившихся потомковъ.

Отъ словъ Греки не замедлили перейти къ дѣлу, и одинъ изъ константинопольскихъ патріотовъ, Демосоенъ Чивоглу *) принесъ на себя весь трудъ и издерзаки по образованію греческаго баталіона, который чрезъ нѣсколько времени и отправляется драться, вмѣстѣ съ турецкими войсками, противъ Сербовъ. Этому баталіону было дано особое знамя, на красномъ полѣ луна и крестъ, символъ новаго союза, направленного противъ Славянъ. Знамя это съ торжествомъ носили по улицамъ Константина. По возвращеніи же съ театра военныхъ дѣйствій уцѣльвшихъ новыхъ янычаровъ, надо было видѣть съ какимъ безстыднымъ самодовольствомъ хвалились они числомъ убитыхъ будто бы ими Сербовъ.

Вотъ ятѣ напечатала константинопольская полуофиціальная газета *la Turquie*, давая рисунокъ этого знамени: Cinquante Grecs ayant à leur tête un porte—drapeau tenant un drapeau rouge avec les emblèmes du Croissant et de la Croix se sont rendus hier au ministère de la guerre pour s'inscrire comme volontaires.

Ce rapprochement effectif du Croissant et de la Croix exprime avec eloquence les sentiments de sympathie mutuelle

*) Въ 1881 г. этотъ простой Эллинъ и клевреть Митхада-паша былъ обвиненъ въ покушеніи на жизнь султана и почтѣ одновременно съ своимъ бывшимъ покровителемъ, Митхадомъ, отправленъ въ ссылку. Вообще переть Божій какъ бы тяготѣль надо всѣмъ семействомъ Чивоглу: въ то самое время, когда

qui unissent en une seule nation les communautés diverses de l'empire.*)

Впрочемъ, судя по рассказамъ, вицдинскія власти отнеслись очень недружелюбно къ этимъ христіанскимъ волонтерамъ, а находившіеся въ городѣ Зейбеки и другіе баши-бузуки усмотрѣли худое для себя предназначение въ изображеніи на знамени креста рядомъ съ полумѣсяцомъ и встрѣтили, говорятъ, христіанскоѳ ополченіе ружейными выстрѣлами. Шесть человѣкъ было убито, остальные спаслись въ разсыпную.

Очевидно, что при такихъ условіяхъ церковный вопросъ не могъ двигаться впередъ, такъ какъ на экзарха смотрѣли не иначе какъ на русскаго шпионага и въ такомъ же смыслѣ перетолковывали всѣ его просьбы и поступки. Но блаженнѣйший Анонимъ не смущался своимъ труднымъ положеніемъ и, несмотря ни на что, являлся постоянно горячимъ заступникомъ за болгарскій народъ, котораго онъ былъ законнымъ представителемъ. Не мало мужества нужно было, чтобы принять на себя защиту Болгаръ, но экзархъ не остановился даже предъ опроверженіемъ тѣхъ свѣдѣній, которыя были умышленно извращены посланными въ Болгарію для изслѣдованія о положеніи дѣль Эдібомъ-эфенди. Опрроверженіе свое экзархъ подтвердилъ многочисленными и всѣкими доказательствами, вслѣдствіе чего авторитетъ слѣдствія Эдібомъ-эфенди былъ сильно подорванъ даже въ глазахъ турецкихъ министровъ.

Время было смутное, спошнія между различными мѣстностями были ненадежны и чтобы имѣть точныхъ свѣдѣній экзархъ

одинъ изъ братьевъ отправился въ ссылку, другой умиралъ отъ скоротечной чахотки, а третій балъ ограбленъ и зарѣзанъ Черкесами въ окрестностяхъ Константинаополя.

*) Пятьдесятъ Грековъ, имѣя во главѣ знаменщика, несшаго красное знамя съ изображеніями полумѣсяца и креста, направились вчера къ военному министерству, съ тѣмъ чтобы записаться въ добровольцы.

Это наглядное облаженіе полумѣсяца и креста краснорѣчиво выражаетъ тѣ чувства взаимной симпатіи, которыхъ соединяютъ въ одинъ народъ различнія общины имперіи.

отправилъ Шопова, поручивъ ему подробно разузнать о томъ, что произошло въ Копривицѣ, Панагорицѣ, Батакѣ, Клисурѣ и другихъ раззоренныхъ болгарскихъ сelaхъ. Два раза ѿздила Шоповъ и успѣши исполнить возложенное на него порученіе: онъ привезъ не только точное описание происходившихъ въ деревняхъ этихъ убийствъ, но и поименные списки всѣхъ убитыхъ. Съ подобною же цѣлью Шишаджіевъ былъ отправленъ въ Македонію и на основаніи доставленныхъ Шоповымъ свѣдѣній были составлены мемуары, переданные тогда же иностраннѣмъ посламъ въ Константинополь.

Порта едва скрывала свое неудовольствіе на экзарха и Гас-сунь, армяно-католической патріархъ, предупредилъ послѣдняго, что ему придется плохо и что онъ не минуетъ, пожалуй, висѣлицы. Блаженнѣйший Аноімъ не устрашился и отвѣтилъ ему: «дай Богъ, чтобы слова ваши были истиной, потому что когда повѣсили патріарха греческаго Григорія, создалось свободное Греческое королевство, и если и меня повѣсили бы, то благодаря этому могло бы создаться свободное Болгарское царство».

Въ то же время экзархъ написалъ письмо С.-Петербургскому митрополиту Исидору, умоляя его о помоці; въ письмѣ этомъ онъ перечислялъ убийства во Фракіи, говоря, что въ старыя времена, во дни несчастій и опасности, угрожавшей Церкви, пастыри народные взывали къ помощи и покровительству великихъ владыкъ христіанскихъ державъ и могущественныхъ царей; такъ поступали цари Константінъ, Ираклій и др. Да же, блаженнѣйшій Аноімъ описывалъ страданія и тягости Болгару и необезпеченнность народа въ политическомъ и религіозномъ смыслѣ. «Если Его Величество Императоръ Всероссійскій не обратить вниманія на положеніе Болгару, не защитить ихъ теперь, то лучше пусть вычеркнетъ ихъ изъ списковъ Славянъ и православныхъ, потому что отчаяніе овладѣло всѣми: кто хочетъ потурчиться, кто хочетъ принять католичество». Экзархъ умолялъ, въ заключеніе, прощеть это письмо Государю Императору.

Конецъ 1876 года важенъ въ особенности въ томъ отно-

шенин, что тогда впервые прямо и официально былъ поставленъ вопросъ о предоставлениі Болгарамъ политическихъ правъ, какъ отдельному народу, съ дарованіемъ имъ известной автономіи. Вопросъ этотъ подробно разсматривался на конференціи представителей великихъ державъ, собравшейся тогда въ Константинополѣ, причемъ экзархъ передалъ ей составленный Стефаномъ Панаретовымъ мемуаръ о мѣрахъ къ улучшенію быта Болгаръ. Правда, что въ то же время нѣсколько преданныхъ Туркамъ Болгаръ: Георгаки-бей Михайловскій, Карагэзовъ, Хаджи Николи, Пандуровъ и еще семь человѣкъ, изготовили благодарственный адресъ султану, говоря, что Болгары вполнѣ довольны существующими порядками и не желаютъ никакихъ реформъ, и адресъ этотъ былъ представленъ конференціи, но русскому послу не стоило большого труда объяснить происхожденіе и всю значительность значенія этого документа, подписать который экзархъ, несмотря на все упрашиванія, отказался наотрезъ.

Постановленія конференціи и отказъ Порты принять ихъ известны. Упомянемъ лишь для полноты разсказа, что экзархъ не явился на приглашеніе Митхада-паши присутствовать на великому собраниі, созванномъ для того, чтобы решить вопросъ принять или нѣть рѣшенія Европы.

Недовольная блаженныиимъ Аюономъ болгарская партія, съ Чомаковымъ во главѣ, опираясь на содѣйствіе нѣкоторыхъ болгарскихъ архіереевъ, желавшихъ попасть въ экзархи, начала въ мѣстной печати рядъ нападокъ на блаженнаго Аюона, обвиняя его въ томъ, что онъ орудіе Русскихъ и продастъ имъ Болгаръ. Посѣвши неудовольствіе на экзарха въ народѣ, Чомаковъ со товарищи старались возбудить противъ него Турецкое правительство.

Неподписаніе благодарственного адреса и отказъ присутствовать въ великому собраниі уже составили для Порты достаточно оснований, чтобы прибѣгнуть по отношению къ экзарху къ мѣрамъ строгости, но тутъ подошло еще одно обстоятельство, совершенно его погубившее.

Турецкіе министры узнали, что экзархъ принималъ большое участіе въ отправлениі извѣстной депутаціи Цанкова и Балабанова, которые обѣхали главнѣйшія европейскія государства, стараясь склонить ихъ войти въ положеніе Болгары и улучшить ихъ настоящую бѣдственную участіе. Порта узнала, по всей вѣроятности чрезъ Чомакова, что, при отѣзѣдѣ изъ Константиноополя, экзархъ спандилъ Цанкова и Балабанова деньгами и рекомендательными письмами. Этого было достаточно для того, чтобы Порта смыслила экзарха, но, желая сохранить наружный видъ полнѣйшаго безпристрастія, она подстрекнула тѣхъ самыхъ Болгары, которые предъ этимъ подписали благодарственный адресъ, подать прошеніе о низверженіи экзарха, и въ апрѣль мѣсяцѣ 1877 года Анонимъ былъ низложенъ, а его мѣсто занялъ его бывшій ученикъ Іосифъ, митрополитъ Ловчанскій.

Блаженнѣйший Іосифъ, нынѣшній экзархъ болгарскій,—не по избранію синодомъ, какъ того требуетъ болгарскій уставъ, а по волѣ Порты—происходитъ изъ бѣднаго болгарскаго семейства города Калофера, воспитывался сначала въ Бебекскомъ училищѣ и закончилъ юридическое образованіе въ Парижѣ, гдѣ воспитывался на счетъ константинопольскихъ Болгаръ. Человѣкъ способный, ловкий и благоразумный, онъ не долго оставался въ турецкой службѣ и сдѣлался секретаремъ при первомъ болгарскомъ экзархѣ, который сумѣлъ опровергнуть его прекрасныя качества. Постриженный въ монахи, Іосифъ былъ сначала намѣстникомъ экзарха въ Владицѣ, а, затѣмъ, рукоположенъ въ Ловчу.

Между тѣмъ началась Русско-Турецкая война и Турецкое правительство, по мѣрѣ успѣховъ русскаго оружія, все съ большою подозрительностью смотрѣло на бывшаго экзарха, считая его находящимся въ постоянныхъ союзничихъ съ Русскими и, наконецъ, 17-го июля блаженнѣйший Анонимъ былъ посланъ въ изгнаніе въ Малую Азію, въ Ангору, откуда быть возвращенъ лишь послѣ восемимѣсячной ссылки, въ то время, когда войска наши были уже въ Санъ-Стефано, и то благодаря заступничес-

ству за него бывшаго главнокомандующаго дѣйствующею арміей, Великаго Князя Николая Николаевича.

Въ періодъ предшествовавшій изгнанію экзарха, Порта смотрѣла недружелюбнымъ окомъ и на все высшее болгарское духовенство, считая его сообщникомъ Русскихъ и полагая непримымъ имѣть въ лицѣ болгарскихъ епископовъ у себя дома постоянныхъ, такъ сказать, соглядатаевъ всѣхъ дѣйствій мѣстныхъ турецкихъ властей, отчетъ о которыхъ немедленно сообщался всѣмъ европейскимъ правительствамъ.

Епископъ Пиротскій былъ смыщенъ за то, что посовѣтовалъ обратиться съ прошеніемъ прямо къ Ницкому губернатору иѣ-которымъ крестьянамъ, которые не могли добиться отъ мѣстного каймакама перемѣны полеваго сторожа—Албанца.

Епископъ Врачанскій смыщенъ за то, что проповѣдывалъ противъ родителей, оставляющихъ изъ трусости своихъ дочерей запітіемъ, которые обращаютъ ихъ, потому, въ мусульманство, а также и за то, что этимъ косвенно порицалъ мѣстнаго каймакама, удерживавшаго въ своемъ гаремѣ одну болгарскую дѣвушку.

Викарный епископъ Видинскій смыщенъ за то, что жаловался на дурное обращеніе турецкихъ солдатъ съ христіанами.

Скопскій епископъ былъ удаленъ по личной къ нему ненависти Митхада-пашы и за то, что по приказанію экзарха и самого великаго визиря, довесъ правительству о всѣхъ жестокостяхъ, совершенныхъ относительно Болгаръ въ теченіе одного мѣсяца.

Епископъ Филиппопольскій, хотя почти постоянно жившій въ Константинополь, смыщенъ за то, что сдѣгался невыносимъ турецкимъ властямъ своимъ горячимъ заступничествомъ за прѣснляемыхъ христіанъ, его же викарій былъ удаленъ за то, что не хотѣлъ подписать адреса, въ которомъ говорилось, что Болгары живутъ съ Турками какъ братья и надѣются, что турецкая конституція совершило достаточно для обезпечения благо- состоянія христіанъ, живущихъ въ Оттоманской имперіи.

Епископы же Ловчанский и Кюстендильский откупились отъ смыщенія лишь значительными деньгами, уплачеными мѣстнымъ генераль-губернаторамъ.

Если-же Порта обходилась такъ безщемонно съ представителями высшаго болгарскаго духовенства, преслѣдованіе коихъ все-таки возбуждало вниманіе европейскихъ пословъ въ Константинополь, невольно вынуждавшихъ турецкое правительство къ соблюденію известной осторожности въ своихъ дѣйствіяхъ, то легко вообразить себѣ какъ относились въ это время къ простымъ болгарскимъ крестьянамъ провинціальная турецкія власти, не стѣсняемыя ни чимъ любопытнымъ взоромъ.

Но пробилъ часъ освобожденія Болгаръ и онъ были вознаграждены и за Эскизагрекую рѣзню и за все претерпѣнное ими отъ Турокъ. Нѣкоторые находили чудовищными предѣлы, данные по Санть-Стефанскому трактату Болгарамъ въ Македоніи, тогда какъ въ дѣйствительности они ясно очерчиваются границы распространенія болгарскаго населенія въ этой странѣ, какъ о томъ подробно говорится въ прежде изданныхъ мною *Материалахъ для статистики Болгаріи, Оракіи и Македоніи*. Но чтобы не быть обвиненнымъ въ односторонности и пристрастіи, позволю себѣ сослаться на мнѣніе барона Ринга, бывшаго французскаго комиссара въ комиссіи по выработкѣ устава для Восточной Румеліи. Барона Ринга нельзя, кажется, обвинить въ излишнемъ сочувствіи къ Болгаріи, а, между тѣмъ, проѣхавъ верхомъ изъ Софіи въ Содунъ, онъ былъ пораженъ почти исключительно болгарскимъ характеромъ населения проѣханной мѣстности и, не стѣсняясь, высказывалъ, что, по его мнѣнію, границы Санть-Стефанскаго договора совпадаютъ съ этнографическими границами болгарской народности въ Македоніи.

Хотя Берлинскій трактатъ и разорвалъ на три куска эту единую Болгарію, тѣмъ не менѣе результаты войны 1877—1878 годовъ для Болгаръ были громадны. Они получили, благодаря жертвамъ Россіи, независимое княжество болгарское, полунезависимую Восточную Румелію и обязательство турецкаго

правительства ввести реформы въ Македонії, примѣнивъ тамъ органический уставъ, который будетъ выработанъ особою комиссией, составленной изъ европейскихъ делегатовъ.

Присутствіе въ Болгаріи во время и послѣ войны нашихъ войскъ привело русское духовенство, въ лицѣ полковыхъ священниковъ, въ непосредственное общеніе съ болгарскимъ духовенствомъ и послужило причиной столкновенія съ Константинопольскою патріархіею, въ которомъ, впервые, русское духовенство замѣшано было прямо въ дѣло.

Патріархъ Іоакимъ обратился въ Россійскій св. синодъ, жалуясь на нашихъ полковыхъ священниковъ за то, что, противно канонамъ и объявленной схизмѣ, они сносятся и священодѣйствуютъ со схизматическими болгарскими іереями и просить о принятіи мѣръ къ исправленію ихъ образа дѣйствій и къ успокоенію смущаемой совѣсти православныхъ.

Въ то же время, вселенская патріархія обращается въ Порту, которая официальную нотой передаетъ нашему посольству въ Константинополѣ жалобы святѣшаго Іоакима на притѣсненія, которымъ будто бы подвергается со стороны Болгаръ греческое населеніе городовъ Румеліи, занятыхъ русскими войсками. По словамъ патріархіи, мѣстное греческое населеніе лишено религіозной свободы и подвергается даже будто бы истязаніямъ, а болгарское духовенство, между тѣмъ, захватывается самыми произвольными и незаконными образомъ церкви, монастыри и школы, донынѣ бывшия въ вѣдѣніи греческаго духовенства а, потому, патріархія и просить обѣ огражденіи своихъ правъ.

Императорскій комиссаръ въ Болгаріи, князь Дондуковъ-Корсаковъ, опровергая свѣденія вселенской патріархіи, требовалъ отъ послѣдней точнаго указанія тѣхъ мѣстностей, где происходило будто бы безчинство Болгаръ, а также наименованія церквей и школъ, отнятыхъ у Грековъ, общая строгое наказать виновныхъ, но дѣло на томъ и остановилось. Патріархія было не до того: 5-го августа умираетъ патріархъ Іоакимъ II,

добрая качества котораго поневолѣ заставляли забывать о нѣкоторыхъ его недостаткахъ.

Патріархъ, скончавшійся 76 лѣтъ, держался послѣ провозглашенія схизмы примирительного направленія; благодаря лишь его поддержкѣ, дѣло Пантелеимоновскаго монастыря имѣло благополучное окончаніе. Во время же Русско-Турецкой войны афонскіе монахи много были обязаны твердости святѣйшаго Иоакима, который отстоялъ ихъ и помѣшалъ ихъ изгнанію Турками со святой Горы.

Назначенный мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола, митрополитъ Эфесский Агаѳангель, въ концѣ сентября 1878 года, снова обращается къ нашему послу въ Константинополь, князю Лобанову-Ростовскому съ жалобами на то, что нѣкоторые епископы въ Румелии встречаютъ препятствія къ отправлению своихъ духовныхъ обязанностей въ округахъ занимаемыхъ нашими войсками, въ случаѣ же обращенія за помощью къ нашимъ мѣстнымъ властямъ, епископы нерѣдко получаютъ въ томъ отказъ.

Главнокомандующій действующею арміей, графъ Тотлебенъ, которому князь Лобановъ немедленно передалъ жалобы патріархіи, предписалъ нашимъ властямъ удовлетворять, по возможности, ходатайства греческихъ епископовъ, когда эти ходатайства будутъ справедливы и законны, но не скрывать отъ князя Лобанова, что отношенія греческаго духовенства къ русскимъ властямъ были далеко не дружелюбны, и что чувства эти оно старалось выказывать даже и въ мелочахъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, духовенство всѣхъ исповѣданій пребывающихъ въ Адрианополѣ—Болгары, Армяне, Евреи и даже мусульмане—явились къ графу Тотлебену по возвращеніи его изъ Ливадіи, чтобы засвидѣтельствовать благодарность за введеній порядокъ и оказываемое имъ русскими властями покровительство, явились всѣ за исключеніемъ только греческаго митрополита Діонисія, который сказался болѣнъ, а между тѣмъ въ тотъ же день нарочно появился на общественномъ гулянѣ.

Вообще, Греки смотрѣли на Восточную Румелію какъ на потерянную для нихъ, считая ее болгарскою областью. Доказательствомъ, что это мнѣніе раздѣлялось патріархіей и Портой, служить довольно любопытнаяnota Порты за № 52668—252, при которой она передаетъ доставленное ей патріархіей прошеніе Тріандафіла Драконула и Панагія Христу, жалующихся, что иѣ-которыхъ ихъ родственниковъ, «хотя и Грековъ по происхожде-нию, зачислили въ болгарскую милицию Румеліи,» почему Порта по просьбѣ патріархіи и проситъ немедленно же освободить этихъ Грековъ отъ воинской службы. Зная же общее правило, что всѣ жители Восточной Румеліи обязаны служить въ мѣстной милиціи на защиту общаго отечества, изъ только что приведеннаго случая выходитъ, что Порта и патріархія не признаютъ, чтобы Румелія могла быть отечествомъ для Грековъ, за которое они при случаѣ должны были бы проливать свою кровь, для чего, по ихъ мнѣнію, существуетъ туземная болгарская милиція, которая и есть, сѣдовательно, представительница чисто болгарской области.

Статистика еще ранѣе доказала, что Восточная Румелія есть ничто иное, какъ Южная Болгарія, въ которой весьма и весьма рѣдкими бастсками разбросанъ пришлый греческій элементъ, но въ вышеприведенномъ случаѣ важно и знаменательно сознаніе справедливости этого обстоятельства со стороны Порты и самой патріархіи.

На вакантный Константинопольскій престолъ былъ выбранъ кандидатъ міринъ—Солунскій митрополитъ Іоакимъ, вступившій на престолъ подъ именемъ Іоакима III.

Уроженецъ одной изъ деревень на Босфорѣ, Бояджикѣя, святѣйшій Іоакимъ отличается своимъ образованіемъ, набожностью и неподкупностью; частная его жизнь, въ противоположность большинству представителей греческаго высшаго духовенства, безупречна.

Во все продолженіе греко-болгарской распри Іоакимъ III былъ борцомъ за греческую великую идею, а, потому, Греки возлагали на него большія надежды и выдвинули его впередъ на Кон-

станиппопольскій престолъ, не взирая на его сравнительно молодой возрастъ: ему при избрании не было и пятидесяти лѣтъ. Какъ послѣднюю подробность къ характеристику новаго патріарха слѣдуетъ замѣтить, что во время войны Турки чуть не со-сляли его за черезчуръ независимый образъ дѣйствій и мыслей.

Въ разговорѣ съ первымъ драгоманомъ посольства, посланнымъ княземъ Лобановыемъ привѣтствовать вновь избраннаго патріарха, Иоакимъ III выказалъ большую умѣренность и благоразуміе по поводу жгучаго вопроса о болгарской схизмѣ, не отвергаль возможности взаимнаго соглашенія и въ заключеніе ска-заль, что интересы вселенской Церкви для него выше преходи-щаго соперничества различныхъ національностей между собою.

Какъ бы отголоскомъ подобныхъ мѣйній были явленія, проис-ходившія въ то время въ Македоніи, сдѣлавшейся поприщемъ дѣятельности многочисленныхъ разбойничихъ шайкъ. Шайки эти пользовались смутными обстоятельствами того времени, конечно, въ своихъ видахъ, добиваясь болѣе наживы, хотя и прикрываясь громкимъ именемъ инсургентовъ, возставшихъ противъ Турскаго правительства. Но замѣчательно было то, что греческія и бол-гарскія шайки старались тогда, такъ сказать, подѣлить между собою Македонію, ясно разграничивъ свою дѣятельность сооб-разно этнографическимъ условіямъ страны, но дѣйствуя въ то же время въ согласіи между собою. Сами греческіе источники под-тверждали фактъ этого соглашенія, состоявшагося въ нѣкоторыхъ частяхъ Македоніи между враждовавшими тамъ до тѣхъ поръ Болгарами и Греками.

Во время первой аудіенціи своей у султана новый патріархъ произнесъ рѣчь, въ которой онъ не употребляетъ низкопоклон-ныхъ выражений своихъ предшественниковъ и обѣщаетъ быть вѣрнымъ и послушнымъ мусульманской власти лишь въ предѣ-лахъ закона, намекая тѣмъ, между прочимъ, и на частныя тре-бованія Порты перемѣщать епископовъ въ угоду генераль-гу-бернаторамъ.

На рѣчь эту смотрѣли какъ на въ высшей степени смѣлый

поступокъ и она еще болѣе укрѣпила довѣріе греческаго народа къ мужеству и твердости своего новаго архиастыра.

Въ первой бесѣдѣ своей съ княземъ Лобановымъ, патріархъ, подобно своимъ предшественникамъ, выразилъ свое неодобрение всему предыдущему образу дѣйствій относительно Болгаръ и объяснялъ пока ничего не предпринимать въ смыслѣ предпрѣнія окончательнаго исхода, въ надеждѣ что и Болгары сдѣлаютъ тоже самое.

Подъ вліяніемъ волей своего сподиа, Іоакимъ III, тѣмъ не менѣе, снова письменно жалуется на нашихъ полковыхъ священниковъ и на пристрастіе нашихъ властей къ Болгарамъ, выразившееся въ торжественномъ водвореніи въ Адрианополь, болгарскаго епископа Синесія, захватившаго монастырь св. Георгія и требующаго греческую церковь въ предмѣстіи Адрианополя, Каикѣ. Патріархъ указываетъ на преслѣдованія, которымъ, благодаря будто бы равнодушію и пристрастію Россійскаго св. Синода, подвергаются Греки въ Сливнѣ, Филиппополѣ и Аихадѣ и оканчивается, говоря, что если патріархіи не будетъ оказано должнаго покровительства, то Великая Церковь вынуждена будетъ дѣйствовать, согласно предписаніямъ апостольскихъ правиль и постановленіямъ Вселенскихъ соборовъ. Мѣры эти будутъ заключаться въ запрещеніи греческимъ священникамъ служить съ русскимъ духовенствомъ, сообщавшимся съ болгарскими священниками.

Въ то же время святѣйший Іоакимъ обратился по тому же предмету съ жалобой къ графу Тотлебену. «Великая Церковь», говорить его святѣйшество, «съ глубокою скорбью видитъ какъ освященные ся духовными благами схизматические Болгары страстию преслѣдуютъ её и чадъ оставшихся вѣрными православію». «Русскія военные власти попираютъ права Великой Церкви и въ то же время оказываютъ могущественное покровительство отдавшимъ отъ нея чадамъ матереубѣйцамъ». Главнымъ предметомъ жалобъ патріарха былъ захватъ Болгарами греческой церкви въ Каикѣ.

Графъ Тотлебенъ не оставилъ безъ возраженія письма святаго Иоакима, написанаго въ весьма рѣзкомъ тонѣ, и представилъ положеніе дѣла въ мѣстностяхъ, занятыхъ нашими войсками, въ его настоящемъ свѣтѣ. Что же касается до церкви въ Каинѣ, то дѣло кончилось въ скоромъ времени возвращенiemъ ея Грекамъ.

Въ то же время оказалось, что всѣ затрудненія обязаны были своимъ происхожденіемъ интригамъ Адрианопольского митрополита Діонисія, приобрѣвшаго себѣ такую печальную извѣстность.

Съ самаго вступленія войскъ нашихъ въ Адрианополь, архіерей этотъ поставилъ себя къ нашей администрації въ самыя враждебныя отношенія, при всякомъ случаѣ возбуждая ей всевозможныя затрудненія. Издавна извѣстный своимъ туркофильствомъ, онъ даже не скрывалъ своихъ чувствъ и дѣйствовалъ не какъ пастырь православной Церкви, а какъ агентъ враждебнаго намъ Турецкаго правительства, эксплуатируя въ этомъ смыслѣ и свое высокое духовное положеніе и усложненія прискорбной греко-болгарской распри.

Прежняя дѣятельность митрополита Діонисія ознаменована грустными воспоминаніями. Всегдашній другъ Турокъ, онъ постоянно снискивалъ имъ пріязнь шпіонствомъ и предательствомъ членовъ духовной своей паствы. Предъ началомъ войны и въ началѣ ея, Діонисій, вмѣстѣ съ нашей, объѣзжалъ города и села своей епархіи, служа молебны о торжествѣ турецкаго оружія, о дарованіи ему побѣды надъ ненавистнымъ врагомъ. По свидѣтельству адрианопольскихъ жителей, не одна изъ четырехсотъ жертвъ, замученныхъ на висѣлицахъ этого города съ іюля 1877 г. по январь 1878 года, лежитъ на совѣсти митрополита Діонисія, равно какъ и многія изъ тѣхъ болгарскихъ жертвъ, которыхъ назли въ Мустафѣ-пашѣ, въ Сейменли и др.

Хотя въ греко-болгарскомъ вопросѣ митрополитъ являлся жаркимъ поборникомъ идеи эллинизма, онъ не приобрѣлъ, однако, популярности даже въ средѣ греческой части своей паствы. Поддерживаемый лишь Турками, Діонисій одинаково былъ ненави-

димъ и Греками и Болгарами; и тѣ и другіе неоднократно собирали подпись подъ прошеніями объ его смыщеній.

Непріятное дѣло по поводу церкви въ Каикѣ было новою интригой митрополита Діонисія. Возбуждая его и раздувая, онъ преслѣдовалъ двоякую цѣль: во-первыхъ, надѣялся исправить свое положеніе въ глазахъ Грековъ; во-вторыхъ, желалъ воспрепятствовать осуществленію соглашенія между Греками и Болгарами, которое начинало устанавливаться въ Адріанополѣ на почвѣ общихъ интересовъ.

Въ концѣ 1878 года, во всѣхъ мѣстностяхъ, оставленныхъ нашими войсками, и тѣхъ, которыя вскорѣ должны были быть оставлены, изготавливались коллективныя прошенія къ представителямъ державъ въ Константинополѣ о принятіи мѣръ къ огражденію безопасности ихъ населения, рание отступленія русскихъ войскъ и вступленія турецкихъ, посредствомъ скорѣйшаго введенія обѣщанныхъ Берлинскимъ трактатомъ въ мѣстностяхъ этихъ уставовъ, подобныхъ Крытскому. Народонаселеніе дѣйствовало въ этомъ случаѣ по собственному почину и Греки и Болгары были заодно, въ полномъ между собою согласіи. Этому то соглашенію митрополитъ, какъ агентъ Турокъ, желалъ во что бы то ни стало помешать и, воспользовавшись дѣломъ церкви въ Каикѣ, онъ отчасти достигъ своей цѣли. По крайней мѣрѣ, въ то время какъ во всѣхъ окрестныхъ общинахъ прошенія подписывались Греками и Болгарами безразлично,—собственно въ Адріанополь, Греки отдалились отъ Болгаръ и подали свое прошеніе отдельно.

Чтобы дополнить разсказъ какъ различны были отношенія къ намъ высшаго духовенства греческаго и болгарскаго, не излишне привести тотъ фактъ, что когда графъ Тотлебенъ въ Филиппополѣ, старался выказать полное безпристрастіе, присутствовалъ одинъ день на литургії въ греческой, а на другой день въ болгарской церкви, то эта послѣдняя бывала полна народомъ, выражавшимъ самое живое радушіе, тогда какъ въ греческой церкви не бывало никого кромѣ нашихъ должностныхъ лицъ.

Когда драгоманъ посольства нашего сообщилъ патріарху о

рѣшениіи дѣла церкви въ Канкѣ, Иоакимъ III воспользовался случаемъ, чтобы высказаться о необходимости, по его мнѣнію, остановить дальнѣйшіе захваты Болгаръ, создавъ для нихъ извѣстную преграду. Такая мѣра, прибавилъ патріархъ, будетъ лучшимъ средствомъ для подготовки почвы ко взаимному соглашенію. «Мы просимъ лишь», заключилъ святѣйшій Иоакимъ, «соблюденія Россійскимъ св. Синодомъ и Россійскими властями нейтралитета одинаково благосклоннаго для обѣихъ сторонъ. Конечно, ошибки были сдѣланы съ самаго начала вопроса какъ Болгарами, такъ и Греками. Я не отвергаю этого. Теперь рѣчь идетъ объ ихъ исправленіи и я желаю искренно сдѣлать все отъ меня зависящее для достижениія этого результата, тѣмъ болѣе что нынѣ, при успѣхѣ пропаганды католической и протестантской, болѣе чѣмъ когда либо необходимо единеніе между православными Церквами. Опасность велика и вѣсти о ней приходятъ ко мнѣ со всѣхъ сторонъ».

Правительство наше, въ дѣйствительности, не хотѣло отступить отъ прежде принятаго положенія безпредвзятія и одинаковой благосклонности къ сторонамъ, замѣщаннымъ въ греко-болгарской распрѣ.

Власти наши въ Болгаріи составили было записку, основная мысль которой была та, что Берлинскій договоръ выговорилъ въ пользу всѣхъ вѣроисповѣданій въ Турціи полную свободу и этимъ самымъ устранилъ будто бы всѣ доселѣ существовавшія препятствія къ установлению церковной самостоятельности Болгаръ и къ освобожденію ихъ отъ зависимости Греческой патріархіи безъ нарушенія канонического права.

Наше министерство иностраннѣхъ дѣлъ отвѣтило, что оно не можетъ согласиться съ подобнымъ толкованіемъ 62-ї статьи Берлинскаго трактата. Если статьей этою обеспечивается свобода богослуженія и вѣнчаній обрядовъ всѣхъ вѣроисповѣданій въ Турціи, а также устраняются всѣ стѣсненія въ іерархическомъ устройствѣ различныхъ религіозныхъ общинъ и въ отношеніяхъ ихъ къ ихъ духовнымъ начальникамъ, то подобное постановление,

сь точки зоріння вселенської православної Церкви, можеть относиться толькъ къ тѣмъ общинамъ, самостоятельность которыхъ была уже признана канонически, между тѣмъ какъ Болгарская Церковь до сего времени еще не признана канонически самостоятельною и, очевидно, къ ней не можетъ быть примѣнена, безъ нарушения канонического права, означенная статья трактата.

Въ виду этихъ соображеній, министерство пригласило дѣйствовавшія тогда въ Болгаріи наши власти держаться въ греко-болгарскомъ церковномъ вопросѣ прежняго примирительного образа дѣйствій, не потворствовать стремлѣніямъ Болгаръ къ образованію самостоятельной Церкви безъ соглашенія съ патріархіей, а, напротивъ, стараться убѣждать ихъ въ неотложной необходимости подобнаго соглашенія, безъ котораго немыслимо признаніе болгарской іерархіи каноническою. Если же въ средѣ Болгаръ стало бы распространяться мнѣніе, что, въ силу Берлинскаго трактата, они въ правѣ во всѣхъ трехъ частихъ Болгаріи разорвать всякую связь съ патріархіей, то это могло бы повести къ самымъ печальнымъ для Восточной Церкви послѣдствіямъ, вліяніе которыхъ не замедлило бы, конечно, вредно отразиться на обѣихъ враждующихъ сторонахъ и, вместо единенія Церквей, рознь и вражда усиливались бы и расширялись, и страсти могли бы въ такомъ случаѣ увлечь стороны къ самымъ крайнимъ рѣшеніямъ.

Разъ только, нашъ святѣйшій синодъ хотѣлъ выйти изъ своего молчаливаго и выжидательнаго положенія, и это было вызвано неправильными жалобами Константинопольской патріархіи на дѣйствія нашихъ полковыхъ священниковъ.

Въ святѣйшемъ синодѣ существовало было предположеніе изгото-
твить по этому поводу отѣть, въ которомъ должна была по-
дробно разбираться несостоятельность соборнаго опредѣленія
1872 года, причемъ отъ Болгаръ отстригалось обвиненіе въ томъ,
что, на основаніи будто бы филетизма, они отѣлились отъ Все-
ленской Церкви, водрузили свой особый жертвенникъ и образо-
вали свое особое племенное самочинное соборище. Весь филе-

тизмъ Болгаръ состоялъ въ самомъ естественномъ желаніи ихъ совершать свое богослуженіе на понятіи имъ языкѣ и имѣть у себя такихъ пастырей и архиастырей, которые могли бы учить болгарскій народъ вѣрѣ и нравственности на понятіи ему народнѣ и свободно, безпрепятственно руководить свою духовную паству къ вѣчному спасенію, въ чемъ нѣтъ ничего противнаго ни евангельскому ученію, ни священнымъ канонамъ. Болгары, по мінѣю разбираемаго проекта, не думаютъ отдѣляться отъ православной церкви и составлять особья самочинная сборища; они желаютъ оставаться истинными и покорными ся чадами, какими были всегда, сохранять всѣ ея догматы и уставы, но только пользоваться церковною самостоятельностью и независимостью отъ Константинопольскаго патріарха, въ чемъ не видѣли ничего антиканонического въ прежнія времена и сами Константинопольскіе патріархи.

Доказавъ необязательность для русской Церкви постановленія собора 1872 года, проектъ отвѣта заключалъ, что неканонически обвиненныхъ Болгаръ нельзя признавать неправославными и что, потому, нѣтъ никакого основанія прерывать съ ними церковное общеніе.

Вообще, нашъ св. синодъ считалъ своимъ долгомъ повторить свой братскій совѣтъ и просьбу какъ греческимъ, такъ и болгарскимъ іерархамъ, чтобы «они старались всѣми мѣрами, при взаимныхъ уступкахъ, войти въ возможное соглашеніе и примиреніе между собою ко благу своихъ собственныхъ церковныхъ округовъ и на радость нашей общей матери Святой Христовой Православной Церкви».

Но проектъ этого отвѣта такъ и остался проектомъ, дабы прямымъ заявленіемъ мінѣя св. синода не усложнить въ то время вопроса и тѣмъ не уменьшить шансовъ достижениаго взаимного соглашенія между Греками и Болгарами.

Трудно было положеніе молодаго болгарскаго экзарха послѣ Берлинскаго трактата, разорвавшаго Болгарію на три отдѣльные куска. Блаженійшій Іосифъ не обманывалъ себя иллюзіями и

отдавалъ себѣ отчетъ во всѣхъ трудностяхъ обстановки, въ которой онъ призванъ быть дѣйствователемъ.

За невозможностью политического единства раздѣленныхъ кусковъ Болгаріи экзарху, какъ верховному пастырю своего народа, надлежало заботиться о сохраненіи между этими частями, по крайней мѣрѣ, религіозной связи, какъ то впослѣдствіи было определено 39-ю статьею болгарской конституції, являясь единственно законнымъ связующимъ звеномъ между ними и будучи, такъ сказать, ходячимъ олицетвореніемъ Санть-Стефанской Болгаріи. Затрудненія увеличились, когда князь Дондуковъ-Корсаковъ сталъ приглашать экзарха поселиться на постоянное жительство въ Тырновѣ или Софіи. Въ случаѣ принятія приглашенія легко могло случиться, что Турки, объявивъ предѣлы экзархата ограниченными предѣлами Болгарскаго княжества, уничтожили бы фикманъ 1870 года, какъ данный при совершенніи другихъ обстоятельствахъ, и тѣмъ лишили бы экзарха всякаго законнаго права заступничества за оставшихся подъ турецкою властью Болгаръ Ораки и Македоніи. Между тѣмъ, македонскіе Болгары прямо объявили, что они рѣшили перейти въ католичество, если экзархъ ихъ оставитъ.

Яспо понималъ, что вліяніе его, какъ экзарха, будетъ несравненно сильнѣе, если онъ останется среди турецкихъ Болгаръ, а не за тою стѣной, которою Портъ постараится отдѣлиться отъ княжества и изъ-за которой всѣ распоряженія экзархата неминуемо будутъ вызывать подозрительность турецкихъ властей, бла-женнѣйший Іосифъ рѣшилъ отклонить приглашеніе князя Дондукова иѣхать въ Константинополь, гдѣ, отдавшись добровольно подъ надзоръ и контроль Порты, онъ тѣмъ не менѣе могъ быть полезенъ своему народу.

Приѣхавъ въ Царьградъ, бла-женнѣйший Іосифъ сталъ хлопотать о выдачѣ Портой бераторъ болгарскимъ епископамъ Охридѣ, Велесѣ и Скопії. Но старанія его были безуспешны, причемъ не надо забывать, что экзархъ не могъ выказывать особенной настойчивости въ своихъ требованіяхъ, такъ какъ

Порта для исполнения собственного фирмана всегда могла укрыться за измѣнившимися политическими обстоятельствами; съ другой стороны, назначеніе болгарскихъ епископовъ въ Македонію вызвало бы опасенія иностранныхъ державъ признакомъ панславизма и, ваконецъ, имѣло бы слѣдствіемъ упорное сопротивленіе патріарха и желаніе имѣть греческихъ епископовъ во всѣхъ мѣстностяхъ Болгаріи и Восточной Румелии, гдѣ только есть Греки.

Видя неуспѣхъ своихъ стараній предъ турецкими министрами, экзархъ попробовалъ было обратиться за помощью къ румелійской европейской комиссіи по выработкѣ органическаго устава для этой области. Блаженнѣйшій Іосифъ представилъ каждому делегату ся довольно объемистый мемуаръ, въ которомъ излагалъ исторію церковнаго греко-болгарскаго вопроса и жаловался на несправедливость Порты. Это довольно странное обращеніе экзарха къ иновѣрцамъ, съ просьбою быть судьями въ дѣлѣ, касающемся Православной Церкви, тоже не имѣло успѣха и нашло сочувственный отголосокъ лишь во французскомъ делегатѣ баронѣ Рингѣ, который, воспользовавшись обсужденіемъ главы статута, касавшейся исповѣданій, горячо порицаль образъ дѣйствій Порты, отказывающей въ назначеніи болгарскихъ епископовъ въ Македонію, вопреки султанскому фирманду и 62-й ст. Берлинскаго трактата. Все дѣло кончилось лишь постановленіемъ комиссіи, предоставившимъ болгарскимъ епископамъ право получать свои бераты ^{на} непосредственно отъ генераль-губернатора, дѣйствующаго именемъ султана.

X.

Начало 1879 года было ознаменовано въ Адріанополѣ печальнымъ событиемъ, печальнымъ, какъ всякое проявленіе дикаго самосуда разгулявшейся черни, хотя въ данномъ случаѣ пострадавшю явилась личность крайне несправедливая, Митрополитъ

Адріанопольскій, Діонісій, бывъ избить толпой, составленнойю преимущественно изъ женщинъ, имѣвшихъ, какъ то выяснило слѣдствіе, много оснований мстить владыкѣ и, однѣмъ разомъ, воздать ему злому за зло.

Эллины не пропустили, разумѣется, такого удобнаго случая выставить митрополита Діонісія мученикомъ за греческую народность и жертвой постолинаго пристрастія русскихъ властей къ Болгарамъ. Въ дѣйствительности же, нападеніе на митрополита, какъ то доказало публичное судебное разбирательство, было результатомъ личной вражды и общей къ нему ненависти, такъ какъ въ нападеніи принимали одинаковое участіе и Греки и Болгары.

Какъ бы то ни было, Греки воспользовались этимъ грустнымъ обстоятельствомъ, чтобы проявить свою ненависть къ Россіи и русскимъ властямъ, занимавшимся тогда обратно передачей Адріанополя Турецкому правительству. Вожаки греческой партии собрали четырнадцать тысячъ подписей подъ благодарственнымъ адресомъ Турецкому правительству, адресомъ, выражавшимъ ихъ радость, что они снова переходятъ подъ власть султана. Когда же новый генераль-губернаторъ, Ревель-паша, приѣхалъ въ Адріанополь, Греки подготовили ему торжественную встречу, и въ произнесенной при этомъ рѣчи, между прочимъ, было сказано: «Долго мы были въ плену, наконецъ-то видимъ мы нашего избавителя!»

Адріанопольская греческая община отказалась даже принять отъ уходившихъ русскихъ властей денежное пожертвованіе въ пользу местной греческой школы и немедленно по выступлений изъ города русскихъ войскъ служила молебны за Турокъ. Могъ-ли кто-либо двѣнадцать лѣтъ тому назадъ предположить, что такимъ образомъ будетъ отомщена кровь перерѣзанныхъ въ 1867 году Критянъ!

Къ 1879-му же году относится желаніе получившей политическую независимость Сербіи имѣть свою независимую, автокефальную церковь.

До 1832 года Сербія зависѣла отъ Константинопольскаго патріарха и управлялась фанаріотскими епископами; въ этомъ же году она получила свою церковную автономію въ силу конкордата, заключеннаго ѿ съ Константинопольскимъ престоломъ. Основанія этого конкордата слѣдующія:

1. Митрополитъ и епископы Сербіи избираются княземъ и народомъ изъ сербскаго духовенства. Константинопольская Церковь не можетъ дѣлать никакихъ замѣчаній ни о способѣ избранія, ни о мѣсторожденіи и лицѣ избраннаго.
2. Архіепископъ Бѣлградскій, избранный по общей волѣ и согласію сербскаго народа и духовенства, именуется митрополитомъ всія Сербіи и ему подчиняются всѣ епископы той земли. При каждомъ новомъ избраніи митрополита изъ среды сербскаго духовенства, князь и народъ должны извѣстить патріарха объ учченномъ избраніи и лицѣ избраннаго и представить его на утвержденіе, а патріархъ, убѣдившись, что выборъ сдѣланъ сходно съ церковными правилами, долженъ прислатъ безъ всякаго отлагательства свое письменное соизволеніе, сопровождаемое его первосвященническимъ благословеніемъ, чтобы тамъ, на мѣстѣ, совершено было посвященіе митрополита по церковному обряду.
3. Сербскіе епископы, избранные княземъ и митрополитомъ изъ сербскаго духовенства, посвящаются тамъ же безъ предварительного патріаршаго соизволенія, но единственно властію и полномочіемъ ихъ митрополита, какъ тамошняго законнаго первосвященника; патріарху же присыпается сообщеніе о томъ и оть въ своемъ отвѣтѣ даетъ свое согласіе и благословеніе.
4. При всякомъ избраніи новаго митрополита, патріарху постоянно присыпается, въ видѣ подарка, триста австрійскихъ дукатовъ, а при посвященіи сербскихъ епископовъ Константинопольская Церковь не можетъ искать ничего ни подъ какимъ предлогомъ. Кромѣ того, сербская Церковь вносить ежегодно въ кассу патріарха девять тысячъ грошей.
5. За уплатой же этихъ суммъ, архіепископъ и все серб-

ское духовенство свободны отъ всякихъ искательствъ и требованій Великой Церкви.

6. Ни митрополитъ, ни епископы сербскіе не имѣютъ права дѣлать долга ни на счетъ сербскаго народа, ни на счетъ Великой Церкви.

7. Митрополитъ не можетъ быть безъ законной воли Константинопольскаго патріарха и соизволенія Сербскаго князя удалены изъ своей епархіи, а сербскіе епископы — безъ согласія митрополита и князя.

8. Во время богослуженія митрополитъ Сербіи поминаетъ Константинопольскаго патріарха, а митрополита всѣ сербскіе епископы.

Что касается до церковной администраціи, то высшая церковно-законодательная власть въ Сербіи принадлежала архіерейскому собору, который, подъ предсѣдательствомъ митрополита, составляется изъ всѣхъ епархиальныхъ архіереевъ и собирается однажды въ году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

Исходя изъ принципа, что независимость политическая влечетъ за собою независимость церковную, принципа, примѣненнаго уже при образованіи Эллинской Церкви, патріархъ Константинопольскій не могъ отказать Сербіи въ ея желаніи имѣть свою автокефальную Церковь. Святѣйшій Іоакимъ воспользовался даже этимъ, чтобы выставить въ разговорѣ съ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ на видъ, что Константинопольская патріархія вовсе не такъ неуступчива, какъ ее представляютъ, и что она никогда не дѣлаетъ никакихъ затрудненій, когда ее просятъ о чёмъ либо законнымъ образомъ. На вопросъ же собесѣдника, что бы онъ сдѣлать, въ случаѣ, если бы князь Болгарскій обратился къ нему съ письменной просьбой о каноническомъ признаніи Болгарскаго экзархата, святѣйшій Іоакимъ, не задумываясь, отвѣтилъ, что, конечно, если бы дѣло шло лишь о княжествѣ Болгарскомъ, то патріархія не нашла бы препятствій признать его церковную іерархію и предать схизму забвению. «Но», прибавилъ его святѣйшество, «экзархъ желаетъ

быть экзархомъ не только собственно въ Болгаріи, но и въ Восточной Румелии и Македоніи, а на этой почвѣ соглашеніе невозможно».

Довольно любопытнымъ является отношеніе Австріи къ домогательствамъ Сербіи имѣть свою независимую Церковь.

Въ Константинополѣ прошелъ въ то время слухъ, будто бы Австрія, зашивъ по Берлинскому трактату Боснію, желаетъ подчинить ее въ церковномъ отношеніи Карловицкому патріарху.

Слухъ этотъ произвелъ очень непріятное впечатліе на вселенскую патріархію и австро-венгерскій въ Константинополѣ посоль едва успѣлъ его разсѣять усиленными ухаживаньями за патріархомъ и увереніями, что его правительство не только не желаетъ подчинить Боснію Карловицкому патріарху, но, напротивъ, стремится усилить связи ея съ Константинопольскимъ престоломъ, потому, что этотъ послѣдній является естественнымъ союзникомъ Австріи противъ захватовъ славянства. «Мы должны», прибавилъ графъ Зичи, «защитить одинаковые, общіе для насъ интересы и сражаться съ однимъ и тѣмъ же врагомъ». Исходя изъ этой точки зрѣнія, Австрія не одобрила бы послѣдности вселенского патріарха признать независимость Сербской Церкви, причемъ, по словамъ графа Зичи, Бѣлградъ неминуемо долженъ быть сдѣлаться средоточіемъ всевозможныхъ церковныхъ интригъ, имѣющихъ цѣлью присоединеніе соѣдніихъ епархій.

Тѣмъ не менѣе и къ величкому неудовольствію австро-венгерскаго посла, независимость Сербской Церкви была признана въ ноябрѣ 1879 года. Для насъ это имѣло тѣмъ большее значеніе, что Сербская Церковь была первою славянскою независимою Церковью, признанною вселенской патріархіею, послѣ провозглашенія независимости Церкви Русской.

Томосъ (учредительный актъ) Сербской Церкви въ сущности не отличается отъ томоса, служащаго основаніемъ Эллинистой Церкви; онъ также содержитъ въ себѣ безусловное признаніе независимости Сербской Церкви. Единственная разница между

обопми томосами та, что Греческая Церковь была объявлена независимою цѣльмъ соборомъ, составленнымъ не только изъ членовъ Константинопольского синода, но и изъ пяти бывшихъ патріарховъ, патріарха Іерусалимскаго и двухъ митрополитовъ *in partibus*, которые подъ, предсѣдательствомъ патріарха Константинопольского, постановили свое рѣшеніе, тогда какъ въ настоящемъ случаѣ независимость Сербской Церкви была признана однимъ Константинопольскимъ синодомъ, подъ предсѣдательствомъ патріарха, чего, по церковнымъ правиламъ, совершению достаточно.

Въ актѣ этомъ нельзѧ было обойти молчаніемъ исключительнаго положенія митрополита Нишскаго и духовенства и мірянъ его епархіи, присоединенной по Берлинскому трактату къ Сербіи.

До этого времени, архиепископъ Нишскій и его настава зависѣли отъ Болгарскаго экзарха, вотъ почему томось изъясняется въ особомъ параграфѣ и съ иѣкоторою гибкостью о духовенствѣ этого округа, глухо говоря, что возвращеніе этого духовенства въ лоно Сербской Церкви должно произойти согласно священнымъ канонамъ.

Сообщая о признаніи независимости Сербской Церкви и передавая, при этомъ, всѣ необходимые документы, вселенскій патріархъ обратился какъ къ россійскому св. Синоду, такъ и къ прочимъ автокефальнымъ Церквамъ съ окружнымъ посланиемъ касательно болгарскаго духовенства, которое желало бы возвратиться въ лоно великой Церкви, отъ которой оно было отданено провозглашеніемъ схизмы 1872 года. Патріархъ различаетъ двѣ категории этихъ духовныхъ. Первая обнимаетъ тѣхъ, которые, будучи рукоположены каноническими епископами, потомъ пристали къ схизматикамъ. Сюда же входятъ и всѣ духовные, сообщавшіеся съ схизматиками. Вторая категорія,—священники, рукоположенные епископами низверженными и отлученными. Что касается первыхъ, то, по словамъ посланія, возвращеніе ихъ въ Церковь очень легко; имъ слѣдуетъ лишь принести покаяніе въ свое мѣсто поступокъ и быть миропомазанными. Тогда какъ относительно вторыхъ между Церквами существуетъ разногласіе: въ

то время какъ однѣ склоняются къ синходительности, другія твердо соблюдаютъ церковныя правила, снова рукополагая этихъ священниковъ.

Поднимая этотъ вопросъ въ окружномъ своемъ посланіи, Иоакимъ III, очевидно, желалъ заставить косвеннымъ путемъ нашъ синодъ высказаться иаконецъ, признать онъ или неѣтъ самую схизму 1872 года.

Мы уже видѣли какое положеніе принялъ нашъ синодъ съ самого начала этого дѣла, отказавшись отвѣтить на соборное опредѣленіе, провозгласившее схизму; онъ старательно избѣгалъ всякихъ словъ и дѣйствій, которыя могли бы подать поводъ къ превратнымъ толкованіямъ его истиннаго чувства. Воодушевляясь возвышенными цѣлями и озабоченіемъ прежде всего необходиностью сохранить единство Церкви превыше политическихъ страстей и национальныхъ раздоровъ, св. Синодъ сохранилъ за собою полную свободу дѣйствій, дабы быть въ состояніи въ данный моментъ выступить въ роли примирителя со всѣмъ вѣсомъ своего духовнаго авторитета. Основываясь на тѣхъ же самыхъ соображеніяхъ, не было отправленъ патріархіи отвѣтъ Св. Синода, опровергавший правильность объявленія схизмы 1872 года и составленный въ то время, когда въ дѣло впервые замѣшалось непосредственно русское духовенство.

На этотъ разъ, прямо вызванный на отвѣтъ нашъ св. Синодъ не счелъ возможнымъ промолчать и на окружное посланіе святѣшаго Иоакима отозвался въ свою очередь объемистымъ посланіемъ, въ которомъ откровенно говорить, что не раздѣлляетъ мнѣнія Константинопольскаго помѣстнаго собора. Но, желая вслѣдѣ содѣйствовать примиренію Болгаръ съ Греками, св. Синодъ русскій временно становится на точку зрения этого собора, чтобы дать патріарху отвѣтъ на его вопросы, руководствуясь канонами и практикой древней вселенской Церкви.

Въ 1-мъ правилѣ св. Василія Великаго говорится: «древнє иное нарекли ересью, иное расколомъ, а иное самочиннымъ сбирающемся». Еретиками назвали они совершенно отторгнувшихся и

въ самой вѣрѣ отчуждившихся; раскольниками — раздѣлившихся во мнѣніяхъ о нѣкоторыхъ предметахъ церковныхъ и вопросахъ, допускающихъ уврачеваніе, и самочиннымъ соборищемъ — собранія, составляемыя непокорными пресвитерами или епископами и неизученнымъ народомъ. На примѣрѣ: аще кто бывъ обличенъ въ грѣхѣ, удалень отъ священнослуженія, не покорился правиламъ, а самъ удержалъ за собою предстояніе и священнослуженіе, и съ ними отступили нѣкоторые другіе, оставилъ каѳолическую Церковь: сіе есть самочинное соборище». Изъ этого определенія ясно вытекаетъ, что осужденные соборомъ Болгары могутъ подпадать только подъ третью категорію и быть виновными лишь въ устройствѣ самочинного соборища.

Далѣе, тоже правило Василія Великаго говоритъ: «почему отъ начала бывшимъ отцамъ угодно было крещеніе еретиковъ совсѣмъ отмѣтати, крещеніе раскольниковъ, какъ еще не чуждыхъ Церкви, пріимати, а находящихся въ самочинныхъ соборищахъ справляти приличнымъ покаяніемъ и обращеніемъ и иски присоединити къ Церкви. Такимъ образомъ, даже находящіеся въ церковныхъ степеняхъ, отступивъ купно съ непокорными, когда покаются, нерѣдко приемлются въ томъ же чинѣ».

Въ концѣ того же первого правила, св. Василій Великій, разсуждая объ епіратитахъ, которыхъ изображаетъ дѣйствительными раскольниками, говорить: «вирочемъ вѣдао яко братій Зонна и Сатурина, бывшихъ въ ихъ обществѣ мы пріяли на каѳедру епіскопскую». По этому примѣру великаго отца Церкви, можно принимать и осужденныхъ епіскоповъ, а, следовательно, и прочихъ священнослужителей въ ихъ собственномъ церковномъ чинѣ, если бы даже признавать ихъ дѣйствительными раскольниками.

Въ восьмомъ правилѣ и въ практикѣ первого Вселенскаго собора находимъ рѣшеніе и на тотъ вопросъ, какъ поступить съ тѣми архіереями и другими лицами, которые получили священный санъ не до отлученія ихъ отъ церкви, а уже послѣ отлученія и отъ епіскоповъ отлученныхъ. Въ этомъ правилѣ

постановлено: «объ именовавших нѣкогда самихъ себя чистыми, но присоединяющихся къ каѳолической и апостольской Церкви, благоугодно св. Вселенскому собору да, по возложеніи на нихъ руку, пребывающіе они въ клирѣ. Прежде же всего, надлежитъ имъ письменно исповѣдати, яко приближатсѧ и послѣдовати будутъ опредѣленіямъ каѳолической и апостольской Церкви. Итакъ, гдѣ или въ селѣхъ, или въ градахъ, всѣ обрѣтающіеся въ клирѣ окажутся рукоположенными изъ нихъ однихъ да будутъ въ томъ же чинѣ».

Каоары или чистые были раскольники, послѣдователи римскаго пресвитера Новата. Они составляли свое, отдѣльное отъ православной Церкви, общество и имѣли свою іерархію. Между тѣмъ, Вселенскій соборъ опредѣлилъ: рукоположенныхъ въ ихъ раскольническомъ обществѣ на какую либо церковную степень оставлять, по присоединеніи ихъ къ Церкви, въ томъ же чинѣ.

Тотъ же Вселенскій соборъ, хотя и не постановилъ особаго правила, но на практикѣ рѣшилъ, и въ томъ же самомъ духѣ, вопросъ и о другихъ раскольникахъ, мелетіанахъ. Онъ принялъ въ Церковь начальника этого раскола, епископа Мелетія, въ его прежнемъ санѣ, и всѣмъ рукоположеннымъ имъ въ расколѣ дозволилъ, по присоединеніи ихъ къ Церкви, совершать литургію и пользоваться прежнею честью (Acta Concil. I. 440).

Между правилами Карагенскаго собора есть два, 79 и 112, показывающія какъ принимались въ православную Церковь получившие священный санъ въ расколѣ донатистовъ.

Въ 79-мъ правилѣ отцы собора опредѣлили послать грамоты къ своимъ братіямъ и епископамъ «о томъ, чтобы ради мира и пользы Церкви и изъ самихъ донатистовъ клириковъ, расположение свое исправившихъ, прійти къ каѳолическому соединенію, по разсужденію и изволенію каждого каѳолического епископа, управляющаго Церковью въ томъ мѣстѣ пріимати въ своихъ степеняхъ священства, аще окажется сіе содѣствующимъ къ миру христіанъ».

Въ подтвержденіе своего рѣшенія, отцы собора говорятъ

всегда за тьмы: «известно, что и въ предшествовавшее время такъ поступаемо было съ симъ расколомъ, о чмъ свидѣтельствуютъ примѣры многихъ и почти всѣхъ африканскихъ Церквей, въ которыхъ возникло сие заблужденіе».

Подъ конецъ того же правила соборъ выражается: «рукоположенные донатистами, аще исправясь восхотятъ приступить къ каѳолической вѣрѣ, да не будуть лишаемы принятія въ своиъ степеняхъ».

Янѣе сказать невозможно.

Въ 112-мъ правилѣ Каррагенскаго собора тоже самое повторяется собственно относительно епископовъ: «народъ, обращающійся отъ донатистовъ, имѣющій епископа, поставленного безъ соизволенія собора, да будетъ несомнѣнно удостоенъ онаго», то-есть имѣть того же самаго епископа.

Св. Синодъ заключалъ свое отвѣтное посланіе такъ: «довольно и представленныхъ указаний древней вселенской Церкви чтобы правильно рѣшить, какъ слѣдуетъ отнестиася къ епископамъ и всему духовенству, осужденнымъ Константинопольскимъ соборомъ и пытѣ изъявляющимъ раскаяніе и желающимъ возсоединиться съ осудившею ихъ Церковью. Ихъ слѣдуетъ принять въ томъ самомъ санѣ, какой они имѣютъ, получили ли они этотъ санъ еще до осужденія ихъ соборомъ или же послѣ осужденія. Такъ должно поступить и по силѣ указанныхъ правиль и практики древней Церкви и ради мира церковнаго, который столько уже лѣтъ нарушается прискорбною распредѣленіемъ».

Очень не понравилось посланіе это Константинопольскому патріарху, который не могъ говорить о немъ безъ горечи.

Большую часть 1879 года болгарскій экзархъ провелъ въ Филиппополѣ и въ Болгаріи, стараясь привести въ порядокъ церковныя дѣла въ княжествѣ и Восточной Румелии и рѣшенный уже было въ октябрѣ мѣсяцѣ отѣздѣ его блаженства въ Константинополь замедлился въ виду желанія экзарха устроить и улучшить жалкое положеніе, въ которомъ находилось сельское духовенство Восточной Румелии. Дѣйствительно, подати въ пользу

духовенства упаливались населениемъ весьма неисправно и, лишенные доходовъ, священники очутились въ крайней бѣдности, тогда какъ условія жизни измѣнились, все поднялось въ ценѣ и жить стало гораздо дороже прежніяго.

Съ другой стороны, все, что только было мало-мальски образованнаго въ княжествѣ и области, все это устремилось въ новую администрацію, нынѣ дававшую въ болгарскихъ чиновникахъ и крупными окладами содержанія дававшую служащимъ возможность безбѣднаго существованія. Этотъ усиленный притокъ образованныхъ силь въ правительственный административныя учрежденія естественно отразился уменьшеніемъ числа лицъ, изыгывавшихъ желаніе вступить въ духовенство или посвятить себя педагогическому поприщу.

Важность могущихъ произойти отъ подобнаго положенія послѣдствій не ускользнула отъ проницательности болгарского экзарха и онъ рѣшилъ созвать въ Филиппополь собраніе представителей областнаго духовенства, которые, совмѣстно съ депутатами областнаго собранія, должны были изыскать наиболѣе практическія средства улучшить положеніе болгарского духовенства и поднять его вліяніе.

Послѣ тщательной разработки вопроса, созванное въ Филиппополь экзархомъ собраніе составило новый уставъ, который послѣдующимъ распоряженіемъ генераль-губернатора вошелъ въ законную силу и, улучшивъ бытъ румелійскаго духовенства, принесеть ему несомнѣнно большую пользу.

До тѣхъ поръ, материальное положеніе болгарскихъ священниковъ было весьма незавидное, съ одной стороны, благодаря неопределенности и необезпеченноти доходовъ, а съ другой тѣмъ, что, не будучи ничѣмъ ограничены при собраніи доходовъ, священники могли безпрепятственно эксплуатировать народъ, чтѣ, конечно, сопровождалось упадкомъ уваженія къ духовенству вообще.

Новымъ уставомъ сдѣланы съ этой стороны нѣкоторыя ограниченія, и самыя отношенія между священниками и ихъ настой поставлены на лучшую почву.

Всѣ доходы священниковъ раздѣлены на случайные и пост онные. Первые состоятъ въ полученіи денегъ за разныя требы, причемъ за послѣдній установлена опредѣленная плата: крещеніе 10 піастровъ, вѣнчаніе 50 піастронъ, панихида 30 піастронъ, елеосвященіе 10 піастронъ, водосвятіе 5 піастронъ.

Къ постояннымъ доходамъ относится жалованье священниковъ: 4000 піастронъ въ годъ для городскихъ и 3000 піастронъ для сельскихъ. Приходъ городского священника долженъ заключать въ себѣ не болѣе 400 и не менѣе 200 домовъ, приходъ же сельскихъ отъ 150 до 260 домовъ.

Постоянные доходы священниковъ покрываются поголовнымъ налогомъ на каждого православнаго христіанія области. Налогъ этотъ собирается гражданскими властями и отдается мѣстному архіерю, который выдаетъ жалованье подвѣдомственнымъ ему священникамъ.

Жители Македоніи, между тѣмъ, были очень недовольны продолжительнымъ пребываніемъ экзарха въ Филиппополѣ и блаженнѣйшій Іосифъ получалъ множество шисемъ и адресовъ, посыпанныхъ многочисленными подписями, приглашавшихъ его все съ болѣшею настойчивостью отправиться въ Константинополь хлопотать предъ Портой о примѣненіи въ Македоніи фирмана 1870 г. и принциповъ вѣротерпимости, провозглашенныхъ Берлинскимъ трактатомъ. Письма эти, изъ которыхъ одно было напечатано въ болгарскихъ журналахъ, прямо возлагали на экзарха отвѣтственность предъ народомъ, если онъ ничего не предприметъ въ смыслѣ желаній Македонянъ, и даже прибавляли, что «не исполненіе законнаго желанія Болгарскаго народа будетъ принято какъ недостатокъ рвнія со стороны духовнаго начальника народа въ исполненіи своихъ обязанностей».

Не желая терять своего вліянія на жителей Македоніи, которые, будучи предоставлены самимъ себѣ, могли легко вступить на опасный путь, экзархъ рѣшился сообразоватьсь съ ихъ желаніями и снова перебѣхаль въ Константинополь, несмотря на то, что пребываніе его въ этомъ городѣ, противное канонамъ,

раздражало вселенского патриарха и отдала до возможность взаимного соглашения.

Тогда временем вселенская патриархия была занята разработкой конкордата, предложенного Австро-венгерским правительством для определения новых отношений между Константинопольским престолом и православной Церковью в Боснии, вытекавших из нового политического положения этой страны, управление которой перешло, по Берлинскому трактату, к Австрии.

Одно частное обстоятельство способствовало уступчивости вселенской патриархии: до нея дошло, что Сераевский митрополит Антоний, родом из Греции, желая под служиться новым обладателям Боснии, с целью укрепить там собственное положение, вознамерился, будто бы, отложитьсь от Константинопольского патриаршего престола и, завязав тайные сношения с начальником Карловицкой патриархии, предложил признать его духовное надзорство над собою главенство.

После недолгих переговоров, во время которых патриархия поставила условием своего согласия — смещение митрополита Антона Сераевского, и посла уложения некоторых затруднений, возбужденных Портой, конкордат был заключен и в марте 1880 года торжественно передан святейшему Иоакиму австро-венгерскому посланнику, графу Дубскому.

Акт этот признает Константинопольского патриарха главой Боснийской Церкви, составленной из трех митрополий — Сераевской, Мостарской и Зворнической, и содержит в себе семь пунктов:

- Православные митрополиты Боснии и Герцеговины, ныне занимающие эти кафедры, сохраняют их за собою и утверждают въ настоящемъ своемъ санѣ.

- Въ случаѣ вакансіи одной изъ трехъ кафедр въ Боснии и Герцеговинѣ, нового митрополита на свободную кафедру назначает императоръ Австрійскій, по предварительному сообщенію патриарху имени своего кандидата для исполненія каноническихъ обрядностей. Въ случаѣ если кандидатъ этотъ будетъ

неизвестенъ патріархії, это сообщеніе будетъ сопровождаемо свидѣтельствомъ православнаго епископа, коему кандидатъ подвѣдомъ, свидѣтельствомъ, доказывающимъ каноническую право-способность его быть посвященнымъ во епископа.

3. Если будетъ доказано, что одинъ изъ трехъ митрополитовъ преступилъ свои обязанности либо по отношенію къ гражданской власти, либо по отношенію къ церковной власти, или своей паствы, отставка его дается такимъ же порядкомъ, какои установленъ для его назначенія.

4. Новые митрополиты, назначаемые императоромъ австрійскими, будутъ посвящаемы согласно правиламъ, установленнымъ канонами православной Восточной Церкви.

5. Православные митрополиты Босніи и Герцеговины будутъ поминать на богослуженіи имя Константинопольского патріарха. Святое муро они будутъ получать отъ Константинопольской патріархії.

6. Вместо денежной суммы, которую митрополиты эти уплачивали патріарху Константинопольскому, Австро-Венгерское правительство обязуется уплачивать этому послѣднему ежегодно пятьсотъ-восемьдесятъ турецкихъ лиръ, которая будутъ вноситься въ патріаршую казну чрезъ посредство австрійского посольства въ Константинополь; за уплатой же этой суммы, его святѣшество, патріархъ Іоакимъ, не имѣть болѣе права обращать какія-либо денежныя требования къ означенными областямъ Босніи и Герцеговины.

7. Митрополиты означенныхъ областей не будутъ впредь взимать со своей паствы никакихъ податей или налоговъ. Подати эти будутъ отныне взиматься австрійскимъ казначействомъ, за исключеніемъ той части податей, которая причиталась прежде патріарху и уплата которой теперь не будетъ болѣе требоваться съ населенія. Взамѣнъ того, митрополиты будутъ получать изъ австрійского казначейства опредѣленное жалованье, окладъ котораго будетъ установленъ на основаніи средней цифры получавшихся ими съ паствы годовыхъ доходовъ.

Въ заключеніе, патріархъ и его синодъ объявляютъ, что они согласились принять всѣ вышеизложенные временные правила въ виду требованій времени и настоящихъ обстоятельствъ (conformément aux exigences de temps et aux circonstances actuelles).

Хотя заключенный конкордатъ и указываетъ на временной характеръ его правилъ, тѣмъ не менѣе ясно, что точно также, какъ Австрія не выпустить изъ своихъ рукъ временно занятыхъ ею областей Босніи и Герцеговины, такъ и конкордатомъ положень навсегда конецъ непосредственной власти высшаго греческаго духовенства надъ Босніей, гдѣ отнынѣ образуется автономная Сербская Церковь, приобрѣтающая чрезъ нѣсколько времени и своего народнаго главу въ лицѣ изѣбѣнаго боснійскаго патріота, архимандрита Саввы Касаповича, назначенаго Сераевскимъ митрополитомъ, вмѣсто подавшаго въ отставку митрополита Анея.

Въ началѣ того же 1880 года Константинопольскій патріархъ обратился къ Портѣ съ просьбой, оказать ему содѣйствіе ко взысканію съ славянскихъ областей, находящихся послѣ событий 1877 — 1878 годовъ изъ измѣнившихся политическихъ условіяхъ, той части, которая причитается съ нихъ на уплату общаго патріаршаго долга.

Долгъ этотъ образовался до 1860 года, эпохи, когда болгарскій вопросъ принялъ свой офиціальный характеръ и когда Болгары отказались признавать надъ собою власть патріархіи. До тѣхъ же поръ патріархія производила расходы, иногда весьма значительные, на общія нужды всѣхъ православныхъ христіанъ, какъ, напримѣръ, на устройство духовно-воспитательныхъ заведений, богадѣлень и т. п. благотворительныхъ учрежденій. Обыкновенные доходы патріархіи иногда не покрывали расходовъ и дефицитъ пополнялся посредствомъ займовъ у мѣстныхъ банкировъ. Занятая такимъ образомъ деньги составляютъ долгъ народной кассы патріархіи, который возросъ въ 1860 году до 135 тысячъ турецкихъ лиръ.

Созванное тогда, по распоряжению Турецкаго правительства, народное собрание рѣшило, что этот долгъ вполнѣ законный, подлежащий уплатѣ всѣми православными христіанами, подчиненными Константинопольской патріархіи, и что онъ долженъ быть погашенъ посредствомъ особыго налога на всѣхъ православныхъ.

Когда рѣшеніе собранія было утверждено Портой и получило силу закона, патріархъ запросилъ отъ правительства статистическія свѣдѣнія о числѣ всѣхъ православныхъ, населяющихъ области, подчиненные Константинопольскому престолу, и на основаніи полученныхъ данныхъ было постановлено, что каждое христіанскоѣ семейство уплатить на погашеніе вышеозначенаго долга по шести золотыхъ піастровъ съ дома. Налогъ этотъ, по просьбѣ патріарха, быль взыскиваемъ турецкими мѣстными властями, которыя успѣли собрать и передать въ кассу патріархіи 81,500 турецкихъ лиръ. Остальная же сумма въ 53,500 турецкихъ лиръ не могла быть собрана преимущественно вслѣдствіе развитія греко-болгарскаго вопроса и отказа Болгаръ платить Константинопольской патріархіи какія-либо подати.

Въ виду того, что въ настоящее время славянскія области находятся въ совершенніи новыхъ политическихъ условіяхъ, святейшій Іоакимъ желалъ, чтобы Порта употребила свое влияніе къ принужденію этихъ областей уплатить долгъ, сдѣланный ими до разрыва ихъ съ патріархіей.

Требуемыя патріархіей суммы въ турецкихъ піастрахъ, съ причисленіемъ процентовъ по пяти на сто за 17 лѣтъ, распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

съ Болгаріи:

	Піастровъ.
По епархіи Тырновской	408,000
процентовъ	346,800
	754,800
„ „ Червенской	78,000
процентовъ	66,300
	144,300

				Піастрозъ.
По епархії Ловчанской		114,000		
процентовъ		96,900		
			210,900	
» » Врачанской		228,000		
» » процентовъ		193,800		
			421,800	
» » Виддинской		84,000		
» » процентовъ		71,400		
			155,400	
» » Софійской		171,000		
» » процентовъ		145,550		
			316,550	
» » Самоковской		168,000		
» » процентовъ		142,800		
			310,800	
» » Кюстендильской		153,000		
» » процентовъ		128,050		
			281,050	
» » Преславской		33,000		
» » процентовъ		28,050		
			61,050	
» » Варненской		24,000		
» » процентовъ		20,400		
			44,400	
				2.701,050

Съ Восточнай Румеліи:

				Піастрозъ.
По епархії Филиппопольской		342,000		
процентовъ		290,700		
			632,700	
» » Адріанопольской		186,000		
» » процентовъ		158,100		
			344,100	

Піастровъ.

По епархії Созопольської	21,000
процентовъ	17,850
	_____
	38,850
" " Месемврійскої	15,000
" " процентовъ	12,750
	_____
	27,750
" " Анхіальской	30,000
" " процентовъ	25,500
	_____
	55,500
	_____
	1.098,900

Кромъ того, патріархія требовала за участки, присоединенные:

къ Сербії	669,330 піастровъ.
» Австрії	886,390 "
» Румунії	316,350 "

Просьба Константинопольской патріархіи о возвращеніи должныхъ ей славянскими областями денегъ осталась, однако, безъ всякаго практическаго результата, усиливъ лишь непріязнь Болгаръ.

Съ своей стороны, экзархъ усложнилъ дѣло и возбудилъ большое раздраженіе святѣйшаго Іоакима, обратившись, противно совѣтамъ русскаго посла, съ просьбой о помощи къ международной комиссіи, разсмотривавшей уставъ о реформахъ, вводимыхъ по ХХІІІ ст. Берлинскаго трактата въ Европейской Турції. Требуя содѣйствія иновѣрной комиссіи для посыпки болгарскихъ епископовъ въ Македонію, блаженѣйший Іосифъ основывалъ свои притязанія на V и LXII ст. Берлинскаго договора и тѣмъ приравнивалъ Болгаръ къ евреямъ и католикамъ, въ огражденіе правъ коихъ и были преимущественно направлены эти статьи трактата. Предлагая включить въ органический уставъ перечисленіе немусульманскихъ общинъ: греческая, болгарская и пр., экзархъ упускалъ изъ виду, что подобною статьею освящалось

бы окончательное отъѣленіе Болгаръ отъ патріархата и изъ нея вытекали бы не только признаніе схизмы, но и разрывъ всякихъ связей съ Греческою Церковью, и потому статья эта давала бы оружіе врагамъ примиренія между двумя христіанскими народностями.

Во время преній, происходившихъ въ международной комиссіи по вопросу о включеніи въ главу органическаго устава правилъ о замѣщении вакантныхъ каѳедръ, противникомъ экзарха явился австрійскій делегатъ, который доказывалъ, что назначеніе духовныхъ лицъ на вдовствующія епархіи можетъ послужить для правительства причиной многихъ непріятностей и затруднений, чисто политического характера, какъ, напр., тѣ, которыя проис текаютъ отъ несогласій, существующихъ между Константинопольскою патріархией и Болгарскимъ экзархатомъ.

Чтобы еще болѣе пояснить свою точку зреінія, австрійскій делегатъ прибавилъ, что, по его мнѣнію, международная комиссія вовсе не компетентна включать въ разматриваемый ею органический уставъ статью, которая могла бы, хотя бы и косвенно, предрѣшить вопросъ о греко-болгарской церковной расцѣрѣ.

Вслѣдствіе этого, окончаніе главы устава «объ исповѣданіяхъ» получило такой видъ:

«Высшія духовныя лица немусульманскихъ общинъ будуть, попрежнему, получать свое утвержденіе (инвеституру) отъ Порты.

«Если какая либо христіанская община будетъ лишена пастырей своего исповѣданія и если она будетъ просить объ ихъ назначеніи, Турецкое правительство должно безъ промедленія разсмотрѣть не возбуждаетъ ли просьба эта какихъ либо затруднений и въ противномъ случаѣ обязано ее удовлетворить».

Радикальная партія, захватившая тѣмъ временемъ управление дѣлами Болгарскаго княжества, задумала наложить свою руку и на Болгарскую Церковь, вслѣдствіе чего она неминуемо должна была столкнуться съ экзархомъ, твердо стоявшимъ на стражѣ выбранныхъ ему интересовъ. Радикалы смотрѣли на блаженнѣйшаго Іосифа лишь какъ на орудіе своихъ политическихъ

замысловъ, а не какъ на предстоятеля Болгарской Церкви; потому то они даже и не желали присутствія его въ Софії или Филиппополѣ изъ опасенія, что оттуда онь будетъ вліять на церковныя дѣла, тогда почти безконтрольно управляемыи ими самими.

Первое столкновеніе между радикалами, стоявшими во главѣ управления, и экзархомъ, произошло изъ-за македонскихъ епископовъ.

Еще въ концѣ 1879 года, Болгарское правительство поручило своему константинопольскому агенту настаивать предь Портой на томъ, чтобы, основываясь на V и LXII ст. Берлинского договора, митрополиты Кюстендильский и Самоковский могли безпрепятственно исполнять свои архицастырскія обязанности по отношенію къ паствѣ, принадлежащей къ этимъ двумъ епархіямъ, но обитающей за предѣлами нынѣшней пограничной черты Болгарского княжества.

Турецкій министръ иностраннѣхъ дѣлъ, Савва-паша, тогда же отвѣтилъ г. Цанкову, что, по существующему обычаю, всѣ представленія по болгарскимъ церковнымъ дѣламъ должны исходить отъ экзарха.

Получивъ этотъ урокъ отъ турецкаго министра, болгарское правительство обратилось къ блаженнѣйшему Іосифу, но этотъ послѣдній отозвался, что, по его мнѣнію, обстоятельства не благопріятствуютъ поднятію вопроса о македонскихъ епархіяхъ и что лучше подождать того времени, когда въ Европейской Турціи будутъ введены общія реформы.

Но княжеское правительство не захотѣло согласиться съ этимъ мнѣніемъ и, объявивъ, что не можетъ дольше откладывать свое заступничество за попранные интересы православныхъ двухъ означеныхъ выше епархій, снова предисло своему агенту вѣти по этому поводу въ сношеніе съ Портой, помимо экзарха, но испросивъ поддержку русского посольства въ Константинополѣ. Главнымъ пунктомъ жалобъ болгарского первого министра былъ тотъ, что Ускюбскій губернаторъ, по внушеніямъ Константино-

польского патриарха, запретилъ въ Истибѣ, Кочанѣ и Кратовѣ поминать имя Кюстендильскаго митрополита и выдавать его именемъ позволенія на бракъ.

При первомъ же свиданіи съ Цанковымъ, посолъ нашъ, г. Новиковъ, отказалъ ему въ просимомъ содѣйствіи по тремъ причинамъ: во-первыхъ, вопросъ о македонскихъ епархіяхъ, будучи исключительно церковнымъ, долженъ быть поднять экзархомъ, который между тѣмъ уже призналъ несвоевременность подобныхъ настоящий; во-вторыхъ, неприлично русскому представителю жаловаться Туркамъ на православнаго патриарха и тѣмъ увеличивать бездуу между Греками и Болгарами; въ-третьихъ, онъ не желаетъ получать отъ Абеддина-паши, тогдашняго министра иностраннаго дѣла, урока въ томъ, насколько противно капонамъ пребываніе двухъ епископовъ бѣ одной и той же епархіи.

Въ разговорѣ же съ экзархомъ, посолъ нашъ не скрылъ своего сожалѣнія, что Цанковъ выѣзжается въ дѣла церковной дисциплины, происходящія въ мѣстностяхъ, лежащихъ виѣ предѣловъ Болгарскаго княжества, тѣмъ болѣе что всѣ подобныя дѣла полагаютъ вѣдѣнію исключительно экзарха, въ его качествѣ не только главы Болгарской Церкви, но и единствено признаннаго и офиціального застуника и ходатая предъ Портой о духовныхъ нуждахъ всѣхъ Болгаръ, оставшихся подъ владычествомъ султана.

Другая непрѣятность ожидала экзарха. Его вызывалъ Джевдетъ-паша, министръ юстиціи и исповѣданій, и сообщаєтъ, что патриархъ требуетъ, во-первыхъ, особаго одѣянія или отличительнаго знака для болгарскаго духовенства и, во-вторыхъ, чтобы экзархъ не носилъ болѣе своего настоящаго титула, который указываетъ де на его подчиненіе Константинопольскому престолу, а, следовательно, и на церковное съ нимъ общеніе, въ дѣйствительности не существующее.

Передавалъ эти требованія, Джевдетъ-паша отъ себя прибавилъ, что они, въ виду объявленія схизмы, вполнѣ законны, тѣмъ болѣе что самъ экзархъ настаиваетъ на отправленіи епископовъ

въ епархії, гдѣ уже есть греческіе епископы, чтò, какъ ему извѣстно, противно церковнымъ канонамъ.

Блаженнѣйшій Іосифъ горячо возражалъ Джеведету-пашѣ, говоря, что титулъ экзарха составляетъ особый духовный санъ и не означаетъ исключительно намѣстника патріаршаго. Что касается до одѣянія, то Болгары отвергли перемѣну его еще въ 1872 году, такъ какъ не признаютъ себя отдѣленными отъ православной Церкви. Насильственная же перемѣна его будетъ имѣть значеніе несмываемаго клейма, налагаемаго на раскольниковъ. Если же экзархъ настаивалъ на посыпкѣ епископовъ въ Македонію, то потому, что Порта до сихъ поръ, несмотря на фирмантъ, не раздѣлила смѣшанныхъ епархій.

Настоянія Константинопольскаго патріарха предъ Джеведеть-пашой обратили на себѣ особенное вниманіе нашего посла, который постарался разъяснить Іоакиму III, что настоящія его требованія могутъ имѣть послѣдствія, противныя интересамъ православной Церкви, бросивъ Болгару въ католичество. Продолжая упорствовать на своей нынѣшней точкѣ зрѣнія, патріархъ дѣйствуетъ въ прямомъ противорѣчіи съ желаніями русскаго св. синода. «Благоразумно ли», прибавилъ г. Новиковъ, «наконецъ, возможно ли не обращать вниманія на образъ мыслей Русской Церкви, представляющей собою наиболѣе многочисленную, наиболѣе могущественную часть православной Церкви! Въ настоящее время слѣдуетъ пользоваться всѣми путями, посредствомъ которыхъ можно было бы достигнуть взаимнаго соглашенія, а не закрывать схизму установлениемъ наружныхъ отлітей, которыя означали бы лишь явный образомъ окончательный разрывъ между обѣими Церквами и увеличивали бы, а не уничтожали безду, ихъ раздѣляющую. Не лучше ли было бы отыскать какой либо практическій исходъ изъ затрудненій посредствомъ обоюдного соглашенія, не нарушающаго въ то же время основныхъ началь православія».

Патріархъ, не оспаривая права Болгарскаго княжества имѣть автономную Церковь, тѣмъ не менѣе остался непоколебимъ въ

своемъ упорствѣ не допускать никакихъ сдѣлокъ. «Пусть лучше погибнетъ патріархъ», заключилъ святѣйшій Іоакимъ, «лишь бы остались неприкословлены ея достоинство и основные принципы. Впрочемъ, я убѣжденъ что вселенскій престолъ, обладая такою нравственнюю силой, можетъ вынести всѣ испытанія».

Единственная уступка, которой добился посолъ нашъ отъ патріарха, было обѣщаніе не возобновлять своихъ настоящій предъ Портой, подъ условіемъ, однако, что и экзархъ воздержится отъ всякихъ вызывающихъ поступковъ.

Случай испытать искренность экзарха не замедлилъ представиться. Цанковъ потребовалъ, чтобы блаженнѣйшій Іосифъ отслужилъ въ церкви въ Балатѣ обѣдни въ день 30-го августа, день тезоименитства Болгарскаго князя. Экзархъ спросилъ совѣта нашего посла, который безъ труда отклонилъ его отъ этого намѣренія, показавъ, что служеніе это вызоветъ лишь демонстраціи, враждебныя Грекамъ, раздражитъ Константинопольскую патріархію и дастъ Іоакиму III поводъ считать себя въ состояніи самозащиты.

Описанное выше столкновеніе болгарскаго министерства съ экзархатомъ не прошло безслѣдно, а, напротивъ, разрослось въ явную между ними вражду и выразилось цѣлымъ рядомъ мѣръ, ознаменовавшихъ конецъ 1880 года и направленныхъ къ уменьшенію правъ высшаго болгарскаго духовенства.

Захватившая въ свои руки бразды правленія въ Софіи радикальная партія имѣла своими главами Цанкова и Каравелова, успѣвшихъ сдѣлаться министрами. Первый извѣстенъ уже издавна легкостью, съ которой онъ переходилъ изъ одной религії въ другую, бросая поочередно православіе для католичества и католичество для православія. Что же касается Каравелова, то онъ даже не давалъ себѣ труда надѣвать маску того или другаго исповѣданія, а, напротивъ, рисовался своимъ выставляемымъ на показъ атеизмомъ.

Цанкову и Каравелову, лишеннымъ твердыхъ религіозныхъ убѣждений, но воображавшимъ себя солю болгарской земли, не

могла нравиться привязанность простаго народа къ православію, мѣшавшая ему обратиться поголовно въ безвѣріе и радикализмъ, и вотъ Цанковъ съ товарищами дѣлаются непримиримыми врагами и систематическими гонителями Болгарской Церкви, препятствующей осуществленію ихъ цѣлей.

Забывъ услуги, оказанныя болгарскимъ духовенствомъ народному дѣлу въ то время, когда Болгари были подъ турецкимъ игомъ и когда это духовенство было единственнымъ законнымъ представителемъ своей народности, Цанковъ сталъ усиленно преслѣдоватъ его при всякомъ удобномъ случаѣ.

Мѣры, принятыя Цанковымъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ для достижения своихъ цѣлей дѣлятся на двѣ категоріи: къ уменьшенію значенія высшаго духовенства и къ порабощенію Церкви.

Къ первымъ относится уменьшеніе содержанія архіереямъ. Цанковъ побудилъ народное собраніе сбавить это содержаніе до такой степени, что епископамъ не доставало уже средствъ къ существованію. Варненско-Преславскому митрополиту опредѣлено жалованья всего пять тысячъ франковъ, а блаженнѣйшему Антонію, Видинскому митрополиту и бывшему экзарху, самоотверженному подвижнику въ дѣлѣ освобожденія отечества, въ награду за изгнаніе и перенесенія имъ лишенія, вмѣсто двѣнадцати тысячъ франковъ, которыя онъ получалъ, согласно уставу экзархата, при Туркахъ, содержаніе уменьшено до шести тысячъ франковъ, и притомъ упомянуто, что народное собраніе соизволило наградить его такимъ содержаніемъ въ виду его исключительныхъ заслугъ. Наконецъ, содержаніе нынѣшнему экзарху съ двухсотъ тысячъ франковъ сведено на 50000, изъ коихъ въ дѣйствительности блаженнѣйший Іосифъ получаетъ лишь тридцать тысячъ франковъ, сумму совершенно недостаточную для жизни приличной его сану.

Уменьшениемъ содержанія епископамъ Цанковъ полагалъ, что достигъ двухъ выгодъ: во-первыхъ, отнимая у нихъ средства къ существованію, онъ дѣляетъ ихъ слабыми, беспльными, невли-

тельными», словомъ, подрываетъ ихъ значение въ обществѣ, во-вторыхъ, что онъ отобьетъ у людей талантливыхъ всякую охоту посвящать себя, при такихъ тяжелыхъ условіяхъ, духовной дѣя-тельности. Такимъ образомъ, вслѣдствіе мѣръ Цанкова Церковь надоолго будетъ де лишена возможности имѣть въ средѣ высшаго духовенства лицъ способныхъ, которыхъ бы въ со-стояніи защищать ее успѣшино отъ послѣдовательствъ радикаловъ.

Въ то же время и по тѣмъ же причинамъ, Цанковъ отменилъ въ школахъ преподаваніе Закона Божія, бывшее при Туркахъ обязательнымъ, и чрезъ своихъ сообщниковъ побуждаетъ народное собраніе закрыть, по экономическимъ соображеніямъ, Само-ковскую семинарію, а Лесковскую, основанную еще при Тур-кахъ, переводить въ Тырново, съ намѣреніемъ преобразовать ее въ реальное училище, чтѣ было бы равносильно ей закрытию.

Ясно, что либеральное министерство, столь щедре въ дѣлѣ народнаго образованія по отношенію къ свѣтскимъ школамъ, закрывая, по экономическимъ соображеніямъ, двѣ единственныхъ семинаріи, основанныя съ такимъ трудомъ и такими пожертвова-ніями, могло руководиться лишь одною цѣлью, лишить Болга-рію образованаго и способнаго духовенства, чтобы тѣмъ легче посыпать сѣмена безвѣрія и нанести Церкви смертельный ударъ.

Съ другой стороны, радикалы покровительствуютъ низшему духовенству и стараются обѣ улучшеннѣ его материальнаго быта, дабы, сдѣлавъ послушныхъ себѣ клевретовъ, распространять свои взгляды среди поселянъ. Исходя изъ этой точки зрѣнія и желая примѣнить вторую категорію предпринятыхъ имъ мѣръ, Цанковъ составилъ законъ о церковномъ управлении въ Болга-ріи, послужившій поводомъ къ открытому столкновенію съ эк-зархомъ.

Еще во время управления Болгаріей Императорскими комиссарами, собравшійся въ Тырновѣ духовный соборъ представилъ князю Дондукову-Корсакову выработанный имъ правила обѣ епархиальномъ управлении въ княжествѣ Болгарскомъ. Въ отвѣтъ своемъ предсѣдателю собора, блаженнѣйшему Анониму Виддин-

скому, князь Дондуковъ говорить, что внимательное ознакомление съ представленнымъ ему проектомъ убѣдило его, что утвержденію этихъ правилъ, касающихся столь важнаго предмета, должно предшествовать обстоятельное и всестороннее разсмотрѣніе ихъ особыю комиссіей, составленною изъ нѣсколькихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Въ заключеніе князь Дондуковъ прибавилъ, что въ виду приближенія конца его дѣятельности по званію Императорскаго комиссара въ Болгаріи, онъ нашелъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ неудобнымъ для себя назначить тогда же такую комиссию, но, что онъ сообщить свое мнѣніе будущему національному правительству, которое озабочится приведеніемъ въ исполненіе выработанныхъ архиереями предложенийъ.

Дѣйствительно, весною 1880 года, уставъ церковнаго управлѣнія для княжества Болгарскаго былъ выработанъ комиссіей, составленною изъ митрополитовъ: Доростольскаго и Червенскаго Григорія, Варненскаго и Преславскаго Симеона, Софійскаго Мелетія, Скопскаго Кирилла, епископа Бранницкаго Клиmenta, и изъ свѣтскихъ лицъ: Бурмова, Балабанова, Генчева и Ковачева.

Вотъ его главныя основанія:

Епархиальный духовный совѣтъ, находящійся при архиерѣ, состоитъ изъ четырехъ духовныхъ, выбираемыхъ на два года духовенствомъ всей епархіи, и изъ двухъ секретарей.

Окружной духовный совѣтъ, находящійся при намѣстничествахъ, на которыхъ раздѣлены епархіи, состоитъ изъ тѣхъ мѣстныхъ священниковъ, которыхъ намѣстнику, какъ предсѣдателю совѣта, угодно будетъ назначить; изъ двухъ почетныхъ членовъ, избираемыхъ мѣстными священниками, и секретаря.

Приходъ не можетъ имѣть менѣе 150 и болѣе 200 домовъ. Приходы по значенію своему дѣлятся на три категоріи. При каждой церкви имѣется настоятельство изъ членовъ, выбранныхъ всѣмъ приходомъ; оно слѣдить за приходомъ и расходомъ церковныхъ суммъ.

Священники, смотря по категоріи прихода, получаютъ 2,400, 1,800 и 1,200 франковъ жалованья въ годъ. Діаконы 1,200, и 1,000 франковъ. На требы устанавливается опредѣленная такса.

Проектъ этого устава, представленный на утвержденіе Болгарскаго князя, былъ княжескимъ правительствомъ, безо вся-
каго предварительнаго соглашенія съ духовенствомъ, такъ измѣ-
ненъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, что сдѣлался, по мнѣнію
экзарха, невозможнымъ къ принятію, какъ умаляющій канони-
ческія права Болгарской Церкви.

Когда же князь Александръ отказалъ своимъ министрамъ въ дозвolenіи представить отъ имени правительства законопроектъ этотъ, имѣющій въ виду примѣненіе въ Болгаріи устава экзархата и составленный между тѣмъ безъ соглашенія съ самимъ экзархомъ, тогда Цанковъ не задумался самъ предложить свой законопроектъ народному собранію и защищать его въ качествѣ простаго депутата.

Экзархъ былъ очень недоволенъ образомъ дѣйствія Цанкова и не скрывалъ, что новый уставъ непримѣнимъ, такъ какъ, во первыхъ, онъ былъ составленъ безо всякаго предварительнаго соглашенія съ Болгарскимъ синодомъ, а во вторыхъ, потому, что онъ освящалъ цѣлый рядъ мѣръ, влекущихъ за собою вмѣ-
шательство смѣняющихся во власти партій въ права Церкви.

Цанковъ не смущался, однако, этимъ и при циркулярѣ своемъ, въ «качествѣ начальника Болгарской Церкви», пропро-
водилъ временные правила церковнаго управления къ еписко-
памъ въ княжествѣ, какъ бы къ подчиненнымъ ему чиновни-
камъ, съ предписаніемъ ввести эти правила въ дѣйствіе.

Издавая подобный законъ, Цанковъ нарушилъ, между про-
чимъ, и 42 ст. Болгарской конституціи, по которой ни одинъ
законъ не можетъ быть изданъ прежде, чѣмъ онъ не будетъ
разсмотрѣнъ и принятъ народнымъ собраніемъ, чего въ данномъ
случаѣ не было.

Болгарскій министръ исповѣданій не ограничился этимъ, а
захотѣлъ сразу подчинить себѣ Церковь. Онъ издалъ распоря-

жение, въ качествѣ «управителя синода и главы Церкви», коимъ предписывалъ свѣтскимъ властямъ въ книжествѣ отмѣнить крещеніе и браки взрослыхъ мусульманскихъ дѣвушекъ, вышедшихъ замужъ за христіанъ. Этимъ распоряженіемъ Цанковъ нарушилъ одинъ изъ основныхъ принциповъ конституціи, 39-я статья которой гласитъ: «Болгарское княжество въ церковномъ отношеніи подчиняется синоду, верховной духовной власти Болгарской Церкви, гдѣ бы эта власть ни находилась».

Именуя себя начальникомъ духовныхъ властей болгарской Церкви, Цанковъ отмѣняетъ крещеніе и бракосочетаніе и, тѣмъ самымъ, упраздняетъ самый синодъ. Какая надобность въ существованіи синода, архіереевъ и вообще духовенства, если бы Цанковъ достигъ успѣха въ своемъ домогательствѣ на вѣшательство въ дѣла, касающіяся таинствъ православной Церкви.

Экзархъ Болгарскій, будучи уведомленъ архіереями о распоряженіи министра исповѣданій, особымъ окружнымъ посланіемъ къ епископамъ, предписалъ имъ не признавать отмѣны Цанковымъ крещенія и браковъ, такъ какъ поступки министра незаконны.

Вообще, всѣ болгарскіе архіереи въ вопросѣ о временныхъ церковныхъ правилахъ стали въ открытую оппозицію съ княжескимъ министерствомъ. Климентъ Браницкій, съ самаго начала, запросилъ Цанкова, согласны ли изданныя имъ правила съ конституціей, такъ какъ они должны быть утверждены верховною болгарскою духовною властью, каковою является синодъ.

Въ отвѣтъ своемъ преосвященному Клименту, Цанковъ не могъ скрыть своего неудовольствія и высказалъ, что поставленные епископомъ вопросы кажутся ему странными и несвоевременными и что онъ, какъ министръ исповѣданій, несетъ ответственность предъ народнымъ собраніемъ за предлагаемыя мѣры.

Бывшій экзархъ, Анонъ Виддинскій, тоже протестуетъ и пишетъ съ горечью, что болгарское духовенство, бывшее провозвѣстникомъ болгарской независимости и столько выстрадавшее за народъ, заслуживало бы лучшаго съ собою обращенія.

Наконецъ, всѣ епископы сообщаютъ Цанкову, что экзархъ запретилъ примѣнять временные правила пока они не будутъ утверждены синодомъ. Особенно энергично высказался при этомъ Григорій Рущукскій.

Любопытна переписка, происходившая по этому случаю между экзархомъ и Цанковымъ.

28-го июля блаженнѣйшій Іосифъ пишетъ болгарскому министру исповѣданій, что съ великимъ сожалѣніемъ узналъ онъ объ его распоряженіяхъ тѣмъ болѣе, что онъ не можетъ понять повода, побуждающаго министерство дѣйствовать безъ всякаго законнаго основанія. Во первыхъ, министерство не имѣть права издавать правила для управлѣнія Церковью безъ вѣдома и согласія на нихъ верховной управляющей власти, синода, и, во вторыхъ, оно не имѣть права принуждать архіереевъ исполнять рѣшенія по церковнымъ дѣламъ, состоявшимъ безъ вѣдома экзарха, который есть исполнительная власть для рѣшеній синода. Экзархъ не можетъ уклониться отъ этихъ принциповъ, согласныхъ съ 39 и 42 статьями конституціи, вслѣдствіе чего онъ и предписалъ архіереямъ не исполнять временныхъ правилъ, а для выработки окончательныхъ церковныхъ правилъ предлагаетъ созвать соборъ.

Цанковъ въ отвѣтѣ своемъ оправдывается во взвидимыхъ на него обвиненіяхъ и увѣряетъ, что временные правила не касались вовсе духовныхъ дѣлъ церкви, а имѣли въ виду лишь улучшеніе материальнаго быта низшаго духовенства, а потому и не нуждались въ предварительномъ согласіи синода и могли быть изданы народнымъ собраниемъ, какъ законодательною властью, тѣмъ болѣе, что они были уже одобрены Тырновскимъ духовнымъ соборомъ.

Съ своей стороны, блаженнѣйшій Іосифъ не оставилъ этого письма безъ возраженія и 20 сентября 1880 года отвѣтилъ Цанкову, что архіереи въ Тырновѣ разсуждали частно, а не какъ члены синода, и что иѣтъ дѣла церковныхъ, которыхъ могли бы быть рѣшены безъ синода или экзарха. Чисто духов-

ныя дѣла разбираются синодомъ, смѣшанныя—синодомъ вмѣстѣ съ совѣтомъ экзархата, и, наконецъ, послѣдній разрѣдъ дѣлъ тѣ, кои разсматриваются однимъ совѣтомъ подъ предсѣдательствомъ экзарха.

Что же касается того, что законодательная власть въ Болгаріи принадлежитъ народному собрашю, то это относится лишь до законовъ о безопасности, свободѣ и благосостояніи всѣхъ жителей. Церковь же есть особое учрежденіе имѣющее божественное происхожденіе и своею главой Иисуса Христа, который поставилъ особыхъ лицъ для ея управления, въ Болгаріи представляемыхъ синодомъ.

Въ концѣ письма, заключающаго столько уроковъ для Цанкова, экзархъ вторично просить созвать архиерейское собраніе для выработки церковныхъ правилъ.

Лица, принадлежащія въ Болгаріи къ умѣренной партии, а также влиятельные болгары въ Восточной Румелии, весьма недоброжелательно отнеслись къ враждебности, выказываемой книжескимъ правительствомъ и, въ особенности, Цанковымъ, ко всѣми уважаемому и пользующемуся общимъ довѣріемъ экзарху, и полагали, что едва ли подчиненіе духовной власти администраціи послужитъ на пользу молодаго книжества.

Дѣйствительно, нельзя не видѣть въ дѣйствіяхъ Цанкова, помимо общей ихъ неправильности, и грубой политической ошибки. Изданный Цанковымъ законъ подрываетъ единственную возможность всѣхъ Болгаръ составить одно духовное тѣло.

Берлинскій трактатъ, раздѣливший Болгаръ на три части,—Болгарію, Восточную Румелію и Македонію,—обеспечилъ, однако, за ними единство Церкви, главою которой оставленъ Болгарскій экзархъ. Всѣ три болгарскія области подчинены духовной власти экзарха: онъ вмѣстѣ со своимъ синодомъ—единственный компетентныи лица при изданіи какихъ бы то ни было законовъ относящихся какъ до Церкви, такъ и до регулированія смѣшанныхъ явлений, духовно-гражданскихъ. Будучи приняты всѣми Болгарами, гдѣ бы они ни находились, такие законы связывали бы

во едино всѣхъ Болгаръ и этимъ способствовали бы умственному и нравственному развитію народа.

Проникшись убѣждениемъ, что одна изъ совершило законныхъ и наиболѣе сильныхъ связей между разорванными частями Болгаріи есть экзархатъ и вообще связь духовная, княжеское правительство должно было бы всячески—и нравственно, и материально—поддерживать экзархатъ, его права и границы.

Зачатки болгарской независимости развивались подъ охраной экзархата: признанный Турецкимъ правительствомъ, онъ, не сходя съ почвы законности, можетъ и нынѣ чрезъ духовенство вліять на народъ для направленія общей дѣятельности въ известномъ смыслѣ.

Между тѣмъ, Цанковъ своими мѣрами старался лишь умалять достоинство этого самаго экзархата и порвать естественную связь между тремя болгарскими областями, чтѣ, конечно, не могло не отразиться пагубно и на ихъ политическомъ будущемъ.

Русскій Синодъ не счѣлъ возможнымъ вмѣшаться въ дѣло о церковныхъ законахъ, изданныхъ Цанковымъ, но воспользовался случаемъ, чтобы обратить вниманіе экзархата на то, что лишь съ возстановленіемъ союза и общенія съ Константинопольскимъ престоломъ сама болгарская церковная власть приобрѣтетъ ту твердую нравственную опору, которая столь необходима для нея въ настоящихъ обстоятельствахъ. Тутъ же св. Синодъ упомянула и о томъ, что искулонное пребываніе экзарха въ Константинополѣ служитъ одною изъ главныхъ причинъ раздраженій противъ Болгарской Церкви со стороны вселенского патріарха, который никогда не примирится съ подобнымъ нарушеніемъ каноновъ.

Въ церковномъ законодательствѣ есть постановленія весьма различного достоинства. Есть правила, коими ограждаются подробности церковнаго обряда или чина и которыми въ иныхъ случаяхъ, требующихъ предпочтенія меньшаго зла большему, можно поступиться. Но есть и такія коренные положенія, которыхъ епископъ, вѣрный своему общанію, долженъ хранить со

всю твердостью и оть которыхъ отступиться онъ не можетъ, еслибъ и пожелалъ.

Вслеменское правило, воспрещающее быть двумъ епископамъ во градѣ, имѣть въ виду не одно охраненіе вѣбшняго правительственного порядка; оно имѣть смыслъ несравненно болѣе глубокий и проникаетъ даже въ область доклада о единству Церкви. Для правителя церковной области дѣйствительно существуютъ и должны существовать извѣстнаго рода «*pop possumus*», къ числу коихъ принадлежитъ и отверженіе епископскаго двоевластія.

Понимая, что въ случаѣ настаиванія болгарскаго министерства на принятіи выработанныхъ имъ церковныхъ правилъ, не минуемымъ слѣдствіемъ будетъ открытая борьба между Церковью и государствомъ, результаты которой могутъ быть пагубны, посоль нашъ въ Константинополѣ употребилъ всѣ свои усилія, чтобы добиться отъ княжескаго правительства пересмотра церковныхъ правилъ при участіи болгарского духовенства.

Наше министерство иностраннѣхъ дѣлъ, съ своей стороны, сдѣлало Болгарскому правительству представленія о неправильности его образа дѣйствій, доказывая, что подобный образъ дѣйствій послѣваетъ раздоръ тамъ, где должно было бы царствовать согласіе, и что княжеское правительство, вступая въ не-приязненные отношенія къ духовенству столько потрудившемуся своеї родинѣ, можетъ вызвать послѣдствія, которыя отразятся на политической будущности княжества. Кромѣ того, болгарскіе министры, къ какой бы партіи они ни принадлежали, не должны забывать, что вопросы церковные и духовные принадлежать именно къ тѣмъ вопросамъ, коими Россія интересуется наиболѣе.

Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, какъ то ни больно было Цанкову, онъ вынужденъ быть уступить и передать проектъ выработанныхъ имъ церковныхъ правилъ на разсмотрѣніе собора болгарскихъ архиереевъ, созываемаго экзархомъ въ Софиѣ.

Глубоко благодарный за оказанную ему Россіей поддержку, экзархъ разославъ окружное посланіе, которымъ приглашается

епископовъ собраться на совѣщаніе о положеніи болгарской Церкви вообще и выработать основанія, дабы поставить на правильную почву отношенія между нею, другими православными Церквами и, въ особенности, Константинопольскою патріархіей.

Въ то же время и многіе влиятельныи Болгари въ Рушукѣ, Тырновѣ и другихъ городахъ начинаютъ болѣе усиленно заниматься вопросомъ о примиреніи съ патріархіей, дабы тѣмъ достигнуть какого либо *modus vivendi* для ихъ соотчичей, живущихъ въ Македоніи.

Извѣстіе о намѣреніи княжескаго правительства сдѣлать уступки законнымъ требованіямъ экзарха обрадовало Болгаръ Восточной Румеліи. Филиппопольскій митрополитъ Панаретъ назначилъ своимъ представителемъ въ съзванномъ въ Софіи собраніи духовныхъ лицъ архимандрита Меѳодія, а Сливенскій епископъ выбралъ своимъ представителемъ священика Тилева, члена областнаго собранія.

Цанковъ, между тѣмъ, сдѣлавъ иѣкоторыя частныя измѣненія въ своеи проектѣ, требовалъ принятія его духовныхъ соборомъ, собравшимся въ Софіи. Соборъ не удовлетворился ими, но, съ своей стороны, послѣ иѣсколькихъ безплодныхъ засѣданій, разошелся, не достигнувъ никакихъ практическихъ результатовъ и рѣшивъ лишь, что подлежавшіе разсмотрѣнію его вопросы будутъ разбираться соборомъ болгарскихъ архіереевъ, который состоится въ Филиппополь въ сентябрѣ 1881 года.

Тѣмъ и кончился пресловутый походъ на экзархатъ Цанкова, вообразившаго себя главой болгарской Церкви.

XI.

Разсмотримъ теперь нынѣшнее положеніе греко-болгарскаго церковнаго вопроса и наше къ нему отношеніе.

Въ настоящее время если вопросъ этотъ и не дѣлаетъ ни одного шага по пути къ достижению соглашенія, то, по край-

ней мѣрѣ, взаимныя отношенія враждующихъ сторонъ въ Болгаріи и Восточной Румеліи сдѣлались болѣе спокойными; нѣть болѣе ежедневныхъ почти захватовъ другъ у друга, какъ прежде, то церквей, то школъ. Если же и теперь изрѣдка, въ видѣ исключенія, Болгары завладѣваютъ какою нибудь церковью, то власти немедленно возстановляютъ права собственности прежняго ея владѣльца и возвращаютъ ее Грекамъ, такъ что все снова входитъ въ обычную колею. Совмѣстно существующее греческое и болгарское духовенство какъ бы не замѣчаютъ другъ друга и наставы ихъ предпочитаютъ довольствоваться нынѣшнимъ *statu quo*, подъ охраною новыхъ учрежденій, введенныхъ въ Болгаріи и Восточной Румеліи послѣ минувшей войны.

Не то происходитъ въ Македоніи, оставшейся подъ непосредственнымъ владычествомъ Турокъ и при всѣхъ прежнихъ порядкахъ.

Послѣ изданія фірмана 1870 года правительство произвело въ Македоніи *истиламъ*, т. е. опросъ жителей, предлагаю имъ свободно высказаться, желаютъ ли они оставаться по прежнему подъ властью Вселенской патріархіи или перейти подъ власть вновь образованного Болгарскаго экзархата. Оставимъ въ сторонѣ законно или незаконно, было съ церковной точки зреінія, это распоряженіе Порты, но вѣдь нельзѧ не согласиться, что простой македонскій крестьянинъ, объявляя себя за экзархатъ, т. е. за возможность имѣть свое родное духовенство и слышать богослуженіе на понятномъ ему языке — былъ вполнѣ убѣждѣнъ, что не дѣлаетъ ничего противозаконнаго, такъ какъ, высказывая свое желаніе, онъ исполнялъ лишь требование, предъявленное ему законнымъ его правительствомъ. Но тутъ то и ошибся Болгаринъ, забывъ, что логика, даже самая простая, не всегда лежитъ въ основаніи мѣропріятій Турскаго правительства. Съ того самого несчастнаго дня, когда македонскій Болгаринъ высказался за экзархатъ, начался противъ него рядъ систематическихъ и неустанныхъ пресѣдованій не только со стороны мѣстнаго греческаго духовенства, что было бы вполнѣ понятно,

но и со стороны турецкихъ властей, только теперь сообразившихъ, что въ Македонії Болгары многочисленнѣе Грековъ и, следовательно, опаснѣе для турецкаго владычества надъ этой страною.

Утративъ послѣ минувшей войны Болгарію и Восточную Румелію, Греки ухватились, со всею энергией погибающаго, за Македонію и устремили всѣ старанія, чтобы по крайней мѣрѣ эту страну приспастіи для отчизны Фемистокла и Эпаминонда. Нельзя не отдать справедливости Грекамъ, что они повели свои нападенія съ большою ловкостью и съ необыкновеннымъ задоромъ, причемъ сила ихъ въ томъ единствѣ, той неразрывной связи, которая соединяетъ между собою греческихъ дѣятелей, приводящихъ въ дѣйствіе всѣ пружины, чтобы дружными усилиями достигнуть желаемаго ими результата, въ чмъ имъ помогаютъ не жалѣющіе на то никакихъ денегъ константинопольскіе богачи-негоціанты. И Турки горячо покровительствуютъ Грекамъ, умѣющимъ скрыть свои собственные стремленія къ захвату Македонії и сваливающимъ всю вину на Болгаръ. Да какъ и не дорожить подобною націей, которая способствуетъ укрѣплению тамъ власти османісъ, постоянно открывая новые козни, новые заговоры Болгаръ, только и помышляющихъ о немедленномъ сверженіи турецкаго ига и о присоединеніи къ своимъ освобожденнымъ и полуосвобожденнымъ братьямъ.

Не надо также упускать изъ виду, что въ Македонії Болгары лишены заступничества епископовъ, являющихся въ турецкихъ провинціяхъ единственными законными представителями и защитниками мѣстныхъ христіанъ. Въ македонскихъ управительныхъ совѣтахъ, состоящихъ при турецкихъ властяхъ, засѣдаютъ лишь греческие архіереи, пользующіеся правомъ официального заступничества за весь христіанскій элементъ страны. Болгары же лишены своихъ епископовъ и потому собираются обильные плоды подобнаго положенія, такъ какъ засѣдающіе въ совѣтахъ греческие архіереи,—что бы ни случилось съ Болгарами, какія бы прятѣнія отъ мусульманъ они ни испыты-

вали,—пальцемъ не пошевельнуть, чтобы прийти на помощь къ схизматикамъ, не говоря уже о томъ, что, въ большинствѣ случаевъ, они становятся прямо противъ Болгаръ и если иногда и рѣшаются помочь имъ, то лишь иѣкоторымъ образомъ про- давая свою помощь предварительнымъ обязательствомъ Болгаръ признаетъ надъ собою власть патріархіи.

Заручившись поддержкою турецкихъ властей, Греки всею тяжестью своею опустились на македонскихъ Болгаръ, ухудшая и безъ того уже достаточно жалкое положеніе этихъ послѣднихъ. Повсюду пошли принужденія болгарскаго населенія при-знать греческое священство, повсюду начались аресты непокор-ныхъ, по оклеветанію ихъ предъ Турками въ принадлежности къ революціоннымъ обществамъ, и много, много погибло бы ссы-лаемыхъ въ Малую Азію Болгаръ, если бы посольство наше въ Константино-полѣ не вмѣшалось энергически въ это дѣло и не настолило на освобожденія, безъ всякаго суда, посылаемыхъ въ изгнаніе Болгаръ.

Чтобы не быть голословнымъ, приведу иѣкоторые факты.

Въ іюнѣ мѣсяца 1881 года, коль-агаси (поручики) черкесь Али-ага, прѣѣхалъ въ Топлицкій монастырь, Демирхисарскаго округа, созывалъ къ себѣ вліятельныхъ лицъ изъ сорока окрест-ныхъ сель, по двое отъ каждого, и предложилъ имъ отказаться отъ экзархата и вновь признать надъ собою власть вселенской патріархіи; онъ предложилъ имъ тотчасъ же написать заявленіе въ такомъ смыслѣ, взамѣнъ чего офицеръ этотъ обѣщалъ кре-стьянамъ освободить ихъ родныхъ, находящихся въ тюрьмѣ, и въ то же время обѣщалъ вывести изъ ихъ сель расположенные тамъ турецкія войска.

Два дня спустя, иѣсколько Болгаръ изъ того же Демирхисарскаго округа явились въ Битолію просить тамошнія власти выслушать на свободу ихъ священниковъ, арестованныхъ по обвиненію, бездоказательному, впрочемъ, въ сообщничествѣ съ противоправительственными комитетами, подготовляющими - де въ Македоніи возстаніе. Въ подкрѣпленіе своей просьбы, Бол-

гары рассказали, что со времени ареста этихъ священниковъ, въ церквяхъ ихъ богослуженіе совершенно прекратилось, погребенія дѣлаются безъ священниковъ, а крещенія и бракосочетанія—прекратились вовсе.

Начальникъ битольской полиціи внимательно выслушалъ жалобы крестьянъ и, по нѣкоторомъ размысленіи, отвѣтилъ, что прежде всего имъ необходимо возвратиться на истинный христіанскій путь и признать главою своей Церкви не экзарха, а патріарха и его здѣшняго представителя—греческаго епископа. «Лишь подъ такимъ условіемъ»,— добавилъ онъ,— «турецкія власти выпустятъ на свободу и арестованныхъ Болгаръ вообще и вашихъ священниковъ».

Съ своей стороны, греческій митрополитъ Битоліи призвалъ къ себѣ многихъ влиятельныхъ лицъ изъ Болгаръ и объявилъ имъ, что имъ остается одно лишь средство спасти своихъ родичей отъ тюрьмы. «Возвратитесь снова въ греческую Церковь»,— говорилъ высоконреосвященный Матоей,— «и я готовъ защищать васъ предъ мусульманскими властями».

Греческій митрополитъ Охриды дѣйствуетъ въ томъ же смыслѣ, выбравъ себѣ помощникомъ нѣкотоаго Серафима Маврови-лова, который обѣзжаетъ болгарскія деревни и дѣлаетъ кре-стьянамъ такія же предложения и такія же обѣщанія.

Результатомъ этихъ соединенныхъ стараний ad majorem Dei gloriam, нѣсколько странныхъ по участію, принимаемому въ нихъ мусульманскими властями, было то, что, дѣйствительно, нѣкоторые деревни признали надъ собою власть вселенской патріархіи.

Но это еще счастливый результатъ для Болгаръ, тогда какъ въ другихъ случаяхъ постоянная преслѣдованія этихъ послѣднихъ приводятъ къ совершенно другимъ послѣдствіямъ, глубоко прискорбнымъ для всякаго православнаго и заставляющимъ каждого истиннаго христіанина желать возможно скорѣйшаго окончанія печальной греко-болгарской распри — я говорю объ успѣхахъ между Болгарами протестантской и католической пропагандѣ,

предѣль распространенію которыхъ можетъ быть положенъ лишь искреннимъ примиреніемъ съ вселенскимъ престоломъ.

Лишненіе твердой нравственной опоры, которую они прежде изчерпали въ неразрывномъ общеніи съ Великою Церковью, Болгары стали шататься въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ и многіе изъ нихъ поддались навѣтамъ враговъ православія и измѣнили вѣрѣ своихъ отцевъ. А враги православія давно уже недремлющимъ окомъ наблюдали за неурядицей въ славянскихъ земляхъ и стерегли лишь удобный случай, чтобы воспользоваться иенormalными отношеніями, установившимися вслѣдствіе церковной распри между греческою и болгарскою народностями.

До сихъ поръ тянувшейся споръ между вселенской патріархіею и экзархатомъ—народная страсти, замѣшившіяся въ дѣло, взаимное раздраженіе и, самое главное, общее ослабленіе религіознаго чувства въ Болгарахъ,—все это вмѣстѣ взятое доставило ту мутную воду, въ которой пропагандисты надѣялись сдѣлать богатый уловъ и въ которую со всѣхъ сторонъ закинули они свои сѣти.

Въ Македоніи дѣло пропагандистовъ было облегчено беззащитностью болгарского населенія, которому они стали нащептывать, что лишь покинувъ православіе оно можетъ измѣнить свое положеніе и избавиться отъ нынѣшихъ преслѣдованій со стороны Грековъ и Турокъ. Поддерживаемыи австрійскими консулами, католическими миссионерами удалось показать примѣры своего вліянія надъ отдѣльными, ими совращенными личностями, которыхъ турецкія власти перестали подвергать арестамъ и соединеннымъ съ ними страданіямъ. И вотъ, маловѣрные Болгары изъ-за материальныхъ выгодъ, а, можетъ быть, припоминая примѣры своихъ предковъ, стали продавать — за общізанную иностранную поддержку, какъ за новую чечевичную похлебку—свою древнюю вѣру, свои историческія преданія и переходить въ уніатство и протестантство. При этомъ нужно замѣтить еще одну особенность. Ослабивъ свое религіозное чувство, Болгары стали болѣе сочувствовать протестантству, какъ учению раціона-

листическому, основанному на свободѣ разсужденія, чѣмъ католиству, которое пугаетъ ихъ своею дисциплиной, и вотъ почему протестантская пропаганда дѣлаетъ болѣе приобрѣтений, чѣмъ католическая, хотя эта послѣдняя влечетъ за собою заступничество австрійскихъ консуловъ. Протестантскіе миссіонеры стараются дѣлать образовательнымъ путемъ: они основываютъ повсюду бесплатныя школы и читальни, но, въ то же время, не оставляютъ и ухаживать за больными, снабжать ихъ даромъ лекарствами и вообще помогать крестьянину въ бѣдѣ деньгами.

Слѣдуетъ, впрочемъ, упомянуть, что пропаганды работаютъ усиленно не только въ Македоніи, гдѣ, напр., большая часть жителей города Разлога обратилась въ протестанство, но и въ княжествѣ Болгарскомъ и въ Восточной Румелии, находящихся подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ экзарха.

Американская школа въ Бебекѣ—Roberts College—воспитываетъ 86 Болгаръ,—почти исключительно уроженцевъ книжества и Восточной Румелии. 26 Болгаръ учатся въ американской школѣ въ Скутари. Въ Самоковѣ, при министерствѣ Цанкова, Американцы построили огромное зданіе, гдѣ теперь учатся 40 мальчиковъ и 40 девочекъ. Протестантская пропаганда распространяется въ Сливовѣ, Рущукѣ и Тырновѣ, центрами ея сдѣлались Филиппополь, Ямболи, Сливно и Чирпань.

Католическая пропаганда въ Восточной Румелии тоже проявила въ послѣднее время усиленіе своей дѣятельности, совпавшее съ прибытіемъ изъ Австріи епископа Гиннингера съ цѣлью основать училища во всѣхъ наиболѣе населенныхъ городахъ края. Находящіеся въ Филиппополѣ католические епископы открыто заявляютъ, что считаютъ настоящее время, въ виду неудалженія Греко-болгарской церковной распри, особенно благопріятнымъ для привлечения Болгаръ въ лоно римско-католической Церкви.

Католическое духовенство пользуется каждымъ случаемъ, чтобы заявить свое сочувствіе болгарской національности и съ особынно торжественностью праздновало день свв. Кирилла и Ме-

оодія, первоучителей Славянъ, нынѣ причисленныхъ папою къ лику святыхъ римско-католической Церкви,—прічемъ проповѣдь и часть богослуженія происходили на болгарскомъ языкѣ.

Такой образъ дѣйствій католиковъ возбудилъ серьезныя опасенія среди болгарского духовенства, въ коемъ пробудилось сознаніе о необходимости поднять свой образовательный уровень для успѣшной борьбы съ католическою пропагандой и нынѣ рѣшено основать духовную семинарію въ Восточной Румеліи, не имѣющей теперь ни одной богословской школы. Впрочемъ, въ духовно-образовательномъ отношеніи положеніе духовенства и въ Болгаріи не лучше. Тамъ точно также, благодаря стараніямъ Цанковскаго министерства, не осталось ни одного разсадника духовныхъ болгарскихъ дѣятелей, изъ котораго могли бы выходить лица, достойныя занимать архіерейскія каѳедры, и экзархъ встрѣчаетъ большія затрудненія для пріисканія духовныхъ, мгущихъ съ грѣхомъ пополамъ исполнять обязанности митрополита.

Разсматривая отношеніе болгарскихъ выдающихся людей къ вопросу, служащему предметомъ настоящаго изслѣдованія, нельзя не сознаться, что немногіе изъ нихъ смотрѣтъ на него правильнно. Большинство, включая сюда и нѣкоторыхъ лицъ изъ высшаго духовенства, не отдаетъ себѣ, повидимому, яснаго отчета во всей серьезности нынѣшняго положенія и въ необходимости, въ выгодахъ самой Болгаріи, прийти къ соглашенію,— предполагая, что это излишне, что время лучшій врачъ и что церковный греко-болгарскій вопросъ долженъ разрѣшиться какъ то самъ собою.

Вообще, крайняя нетерпимость и упорное стремленіе къ совершенной обособленности, вмѣстѣ съ эгоистическимъ воззрѣніемъ на остальные племена и народы, какъ на якобы призванные служить исключительно къ возвеличенію болгарскаго народа,— составляютъ, къ сожалѣнію, характерную национальную черту весьма многихъ современныхъ политическихъ дѣятелей Болгаріи, ослѣпляющую ихъ и мѣшающую имъ взглянуть на свои отношенія къ сосѣдямъ съ точки зрѣя болѣе широко понимаемыхъ болгарскихъ интересовъ.

Радикалы, съ своей стороны, смотрятъ на церковный вопросъ исключительно какъ на рычагъ для освобождения Болгары отъ зленизациі. Ихъ главная цѣль теперь Македонія и Оракія, где духовенство должно служить, прежде всего, политическимъ интересамъ Болгаріи и не оставлять борьбы до тѣхъ поръ, пока македонскіе Болгары не будутъ вполнѣ ограждены отъ захватовъ Грековъ, и потому то люди этой партии, мало заботясь о православіи, всячески мѣшали и мѣшаютъ примиренію съ патріархіею, умышленно раздувая на оборотъ раздоръ, существующій между греческой и болгарской Церквами.

Что же касается до воспитывающихся въ Парижѣ и Римѣ Болгары, то, въ большинствѣ случаевъ, они возвращаются на родину готовыми орудіями латинства а, чаще всего, лишенными всякихъ вѣрованій. Не понимая важности канонического основанія для своей національной Церкви, они на разрывъ съ вселенскою патріархіею смотрятъ какъ на дѣло не представляющее никакихъ затруднений. Эту легкость возрѣнія на церковную сторону распри они сообщили и своимъ соотечественникамъ.

Какъ слѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ вмѣстѣ взятыхъ является распространеніе въ Болгарахъ индифферентизма, а преобладаніе въ болгарской Церкви смутныхъ политическихъ стремленій надъ православными, вмѣстѣ съ общимъ ослабленіемъ религиознаго чувства на Востокѣ и въ связи съ разгаромъ страстей, возбужденійъ борьбою между вселенскою патріархіею и экзархатомъ изъ-за признанія политическихъ правъ, приводить Болгару, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, смотрѣть на вѣру какъ на простое народное знамя.

То же самое произошло и съ греческимъ духовенствомъ, которое, обѣднѣвъ, очутилось въ полной власти греческихъ банкировъ и уличныхъ политиковъ, и подъ прикрытиемъ духовныхъ цѣлей стало работать для достижения цѣлей, имѣющихъ совершенно иную подкладку. А чѣмъ выше духовное начало, тѣмъ преступнѣе лицемѣrie въ людяхъ, дѣйствующихъ именемъ этого

духовнаго начала для достижения эгоистическихъ целей, для удовлетворенія своему властолюбію или своей алчности.

При такомъ настроеніи обѣихъ сторонъ, бездна между Греками и Болгарами нынѣ болѣе и болѣе увеличивается, и недалеко то время, когда можетъ послѣдовать между враждующими народностями безноворотный разрывъ, который必须ственно отразится какъ на общемъ вселенскомъ союзѣ православныхъ Церквей, такъ и на политической будущности православныхъ народовъ Балканскаго полуострова. Предоставленные самимъ себѣ, они никогда не придутъ къ примиренію, въ чёмъ съ горестью убѣдилися и самъ экзархъ, потому что поддержаніемъ ихъ взаимной вражды иувѣковѣченіемъ ихъ раздѣленія дорожатъ общіе ихъ и наши враги, никогда не выпускавшіе этого дѣла изъ своихъ рукъ.

Очевидно, что Восточная Церковь находится теперь въ состояніи кризиса: религиозные споры и борьба послѣднихъ лѣтъ расшатали основы ная ея начала и ея будущія судьбы зависятъ отъ событий, происходящихъ предъ нашими глазами.

Неужели же православные, благомыслие изъ Грековъ и Болгаръ не проникнутъ убѣждениемъ о всѣхъ опасностяхъ, сопряженыхъ съ настоящимъ положеніемъ церковнаго вопроса, и неужели же Россія, старшая дочь Православной Церкви, будетъ смотрѣть равнодушно, сложа руки, на распрю, чреватую своими послѣдствіями.

Устраняя себя отъ дѣятельнаго вмѣщательства въ церковный вопросъ и ограничиваясь однимъ наблюденіемъ, мы избѣгнули бы, конечно, многихъ затрудненій, но я сомнѣваюсь, чтобы подобный образъ дѣйствій былъ для насъ приличенъ и даже возможенъ въ вопросѣ, представляющемъ столь животрепещущий для православія и для Славянъ интересъ, каковъ греко-болгарскій вопросъ. Ограничиться въ этомъ случаѣ однимъ наблюденіемъ, значило бы отказаться отъ всякаго влиянія на события въ православномъ мірѣ, имѣющія для насъ особую важность.

Мы не можемъ отстанихъ отъ вселенской патріархіи, съ которой насть соединяетъ единство вѣры и преданій.

Многовѣковая борьба, которую Греки выдерживали не противъ одного грубаго насилия Турукъ, но и противъ уточненнаго коварства иновѣрной Европы, постоянно стремившейся всѣми доступными средствами подчинить своему вліянію православный Востокъ, борьба, въ которой этотъ малоочисленный, отовсюду тѣсненный народъ, при такомъ страшномъ неравенствѣ силъ, ни разу не остался побѣженнымъ и не опустилъ своего высоко вознесенного знамени, составляютъ неотъемлемую заслугу Грековъ, явственнымъ и неизгладимымъ чертами вписанную на скрижали исторіи и даетъ константинопольской Церкви и вообще Грекамъ неоспоримое право на вѣчную признательность всего православнаго міра, какъ искуснымъ и крѣпкостоятельнымъ бойцамъ за его общую святыню.

Дѣло греческаго духовенства и ионы въ дѣло всѣхъ Грековъ, какъ Турци, такъ и Греческаго королевства. Конечно, Греки не многочисленны, но жизненность ихъ огромна. Представляя собою религіозныя преданія Востока, Греки своимъ торговымъ духомъ и интеллектуальнымъ развитиемъ, своими качествами и даже недостатками, свойственными ихъ народности, играютъ и еще долго будуть играть на Востокѣ роль по значенію гораздо высшую, чѣмъ та, которая должна была бы имъ принадлежать, если брать въ расчетъ лишь количественные ихъ силы. Наши собственныя традиціи и задачи нашей политики заставляютъ насъ, несмотря на всѣ увлечения и ошибки Грековъ въ 1872 году, употребить всѣ усилия, чтобы не увеличивать бездны между ними и славянскимъ міромъ, такъ какъ окончательный разрывъ между этими двумя народностями можетъ имѣть для исторической миссіи Россіи неисчислимые последствія.

Константинопольская Церковь еще не утратила своего обаянія въ глазахъ всего христіанскаго міра. Съ ходомъ исторіи образовалось, правда, не мало другихъ христіанскихъ центровъ

и, однако, несмотря на упадокъ виѣшняго величія, константинопольскій престолъ все еще служить на Востокѣ звеномъ, связующимъ собою всѣ прочія Церкви, и пока жизнь Церкви Христовой вращается около нея, какъ около главнаго своего центра, звено это надоѣно хранить, чтобы не распалась связь Церквей, изъ коихъ нѣкоторыя до сихъ поръ находятся подъ игомъ невѣрныхъ.

Съ другой стороны, мы не можемъ оставить на произволъ судьбы и единокровныхъ намъ Болгаръ, ради которыхъ Россія принесла уже столько тяжелыхъ жертвъ, и не имѣемъ права отказать въ нашемъ содѣйствіи разумнымъ ихъ требованіямъ.

Поэтому-то, мы одни можемъ и должны принять на себя труды и заботы о примиреніи Грековъ съ Болгарами, какъ посредники, призванные къ тому Промысломъ и исторіею. Россія должна стать выше агитациіи и воплей народныхъ, твердо укрѣпившись на почвѣ основныхъ началь, на коихъ поконится самое зданіе вселенской православной Церкви и, внушивъ Болгарамъ и Грекамъ, что она желаетъ беспристрастнаго разрешенія ихъ распри и не будетъ становиться исключительно на чью либо сторону или благопріятствовать крайнимъ теоріямъ.

Обстоятельства для посредничества Россіи теперь въ особенности благопріятны тѣмъ, что во главѣ какъ константинопольской, такъ и болгарской Церквей стоять такія личности какъ святѣйший Іоакимъ и блаженнѣйший Іосифъ, высоко просвѣщенные, понимающіе истинныя нужды Богомъ вѣреныхъ имъ наставъ и одушевляемые примирительнымъ духомъ, причемъ вселенский патріархъ не скрываетъ, что онъ употребить всѣ старанія, чтобы сблизиться съ Болгарами и готовъ довести уступки имъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ, какіе только дозволяютъ его собственныя права въ обязанности, какъ главы Константинопольской Церкви.

Надо надѣяться, что и всѣ Греки, поддаваясь неотразимому обаянію, которое производить на нихъ вселенская патріархія, послѣдуютъ примѣру своего просвѣщенаго архиепастыря, не за-

хотять упорствовать въ своей нынѣшней враждебности къ Славянамъ вообще и согласятся на уступки Болгарамъ въ духѣ требованій времени и невозможности передѣлать совершившіеся факты.

Уступчивость Грековъ законнымъ требованиямъ Болгаръ будетъ обеспечена за этими послѣдними съ той самой минуты, когда Греки придутъ къ искреннему убѣждѣнію, что лишь тѣснымъ и дружнымъ союзомъ между собою христіанскія народности Балканскаго полуострова могутъ достигнуть блестящей и прочной для себя будущности, иначе, яблоко раздора между ними—Македонія—не достанется ни одной изъ нихъ и поглотится третьимъ лицомъ—католическою Австріей, постоянно преслѣдующею свое Drang nach Osten.

Если Балканскій полуостровъ желаетъ самостоятельнаго развитія, онъ долженъ *fara da se*, отстороня отъ себѣ непрошеныхъ западныхъ друзей, которые рано или поздно заставятъ заплатить за оказываемую помощь. Между тѣмъ, эти же самыя народности, искренно согласившись между собою, на основаніи полюбовной сдѣлки, и установивъ извѣстную разграничителную черту для сферы своего законнаго влиянія, найдутъ въ тотъ день, когда откроется, наконецъ, наслѣдство столько лѣть «большаго человѣка», свои естественные рамки, въ которыхъ онъ смогутъ, мирно развиваясь на своей собственной национальной почвѣ, служить общечеловѣческимъ и своимъ собственнымъ историческимъ задачамъ.

Когда убѣждѣніе это проникнетъ всѣ слои греческаго общества и раздѣлится Лоинскимъ правительствомъ, отъ правильнаго образа дѣйствій котораго и искренней поддержки имъ посредничества Россіи, во многомъ, зависить благопріятное разрешеніе изслѣдуемаго мною вопроса, — тогда тотчасъ прекратится церковный раздоръ между греческою и болгарскою народностями и, соединившись однимъ христіанскимъ духомъ любви, онъ положить конецъ распѣ, раздирающей ихъ уже столько лѣть и производящей въ Церкви столъ великой соблазнъ къ вицѣшему удовольствію и радости враговъ православія.

Обратимся теперь къ Болгарамъ. Пора перестать имъ кос-

иѣть въ своемъ индифферентизмѣ, пора подумать не объ одномъ материальномъ благоденствіи, котораго они, благодаря жертвамъ Россіи, уже достигли, а о духовномъ, дабы укрѣпить за собою навсегда поддержку глубоко православнаго русскаго народа, который неминуемо отшатнется отъ нихъ, если увидѣть, что, несмотря на всѣ наши увѣщанія, Болгары упорствуютъ въ своихъ чрезмѣрныхъ требованіяхъ и, становясь отщепенцами отъ Великой Церкви, не хотятъ обновить свои нравственные силы тѣснѣмъ союзомъ съ вселенскимъ престоломъ.

Неужели же и нынѣ Болгары могутъ настаивать на фирмѣ 1870 года, какъ на каноническомъ основаніи своей народной Церкви, фирмѣ, большинство распоряженій котораго осталось мертвую буквой.

Въ настоящее время болгарская Церковь не имѣть никакого законнаго основанія. Данный при совершенно другихъ обстоятельствахъ, фирмансъ, законность котораго съ точки зрењія церковной подлежитъ большому сомнѣнію,—нынѣ, при измѣнившихся политическихъ обстоятельствахъ, потерялъ всякую силу даже въ глазахъ власти его давней, въ чемъ убѣдился и самъ экзархъ при бесѣдѣ своей съ Джевдеть-пашею, завѣдующимъ въ Портѣ иностранными исповѣданіями.

Оставивъ въ сторонѣ каноническую законность фирмана, приложимъ къ нему юридическія понятія о подобнаго рода документахъ. Фирманъ 1870 года явился, такъ сказать, контрактомъ, регулирующимъ отношенія между вселенскою патріархией и новыи образованными экзархатомъ. Всякія права, вытекающія изъ какого либо документа, обусловливаются и известными обязательствами въ немъ заключающимися, причемъ права и обязанности составляютъ одно неразрывное цѣлое и находятся въ прямой зависимости одни отъ другихъ. Тоже самое было и съ фирмой 1870 года. Предоставивъ Болгарамъ известныи права по отношенію къ вселенской патріархіи, онъ наложилъ на нихъ известныи обязательства къ сей послѣдней, заключающіяся въ статьяхъ 3, 4, 6, 7 и 9-й этого фирмана.

Болгары не исполнили этихъ обязательствъ, поэтому невольно является вопросъ, могутъ ли они пользоваться и правами, вытекающими изъ сultанскаго фирмана и могутъ ли они, съ точки зрѣнія юридической законности, выѣсто того чтобы принять или отвергнуть фирмант во всей его совокупности, опираться лишь на единичныя его статьи, для Болгаръ выгодныя, отрицая въ то же время на дѣлѣ всѣ тѣ, которые возлагаютъ на нихъ извѣстныя обязанности.

Очевидно, что фирмант утратилъ всякое значеніе, существование самого экзархата потрясено и падеть, если не наберется новыхъ силъ соглашеніемъ съ вселенскою патріархіей, вслѣдствіе чего теперь и нужно изыскать новое основаніе, на которомъ могло бы быть возведено зданіе болгарской Церкви, необходимо, чтобы болгарское духовенство и народъ поняли, наконецъ, все зло, происходящее для духовнаго просвѣщенія Болгаріи и для неразрывно соединенной съ нимъ самой національности болгарской отъ продолженія несчастной распри съ Великою Церковью и взаимнаго отчужденія. Уже являются католики, открыто заявляющіе, что по этой именно причинѣ они считаютъ настоящее время особенно благопріятнымъ для привлеченія Болгаръ въ лоно римско-католичества и не подлежитъ сомнѣнію, что Болгаринъ, какъ скоро станетъ католикомъ, то тѣмъ самымъ вовлеченъ будетъ въ начало западно-латинской культуры и станетъ утрачивать черты своей національности: свойство это общее на всемъ Востокѣ и въ славянскомъ мірѣ. Напротивъ того, единство съ Восточною великою Церковью само по себѣ служило бы къ охраненію тѣхъ же національныхъ началь, изъ коихъ минимые друзья болгарского народа порвали церковную связь съ Греками и отвергли соглашеніе, предложенное патріархами Григоріемъ и Анонимомъ.

Итакъ, первое средство къ огражденію церковной и національной самостоятельности болгарскаго народа должно состоять въ единеніи съ вселенскою Церковью.

Такимъ образомъ, правильно понимаемыя выгоды обѣихъ

враждующихъ народностей—греческой и болгарской настоятельно требуютъ, чтобы онъ накинули покрывало забвенія на обоюдные ошибки прошлаго и взаимными уступками пришли къ соглашенію. Но пусть помнятъ онъ, что время не терпитъ и что нельзя откладывать теперь уступки, такъ какъ настоящій моментъ при поступательномъ движениі Австріи на Востокъ весьма важенъ для политической будущности христіанскихъ народовъ Балканского полуострова. Нынѣ онъ стоять, такъ сказать, на распутьи, и ихъ государственной мудрости предстоитъ решить вопросъ, склонять ли имъ поодиночкѣ сдѣлаться добычею Австро-Венгрии, или же изъ союзѣ между собою и при содѣйствіи Россіи обеспечить себѣ прочное развитіе своей національной самостоятельности.

XII.

Въ предыдущей главѣ я старался доказать необходимость для Грековъ и Болгаръ достигнуть взаимаго соглашенія въ раздѣляющемъ ихъ церковномъ вопросѣ, а также необходимость для Россіи взять твердою рукой кормило посредничества между обѣими враждующими сторонами, дабы предположенное между ними соглашеніе могло состояться.

На какихъ же основаніяхъ можетъ состояться это соглашеніе?

Прежде чѣмъ приступить къ переговорамъ обѣ условіяхъ соглашенія между Греками и Болгарами, необходимо устраниТЬ формальное къ тому препятствіе, заключающееся въ постановленіи Константинопольскаго собора 1872 года и благодаря которому болгарское духовенство и народъ считаются Греками съ того времени схизматическими. Трудно ожидать, чтобы греческие архиастыры отказались отъ решения этого собора и признали его какъ бы несуществующимъ и потому необходимо, чтобы болгарскіе архиастыры, какъ первые отступивши отъ единенія цер-

ковнаго, принесли первую жертву, сдѣлали первый шагъ къ примиренію. Шагъ этотъ могъ бы выразиться соборою ихъ грамотою на имя вселенскаго патріарха, въ которой они объяснили бы, во-первыхъ, что если Константинопольскій соборъ осудилъ ихъ за некоторые поступки, которые называлъ антиканоническими, то они готовы, въ видѣхъ примиренія, признать свою виновность и принести покаяніе, и во-вторыхъ, что если соборъ осудилъ ихъ еще за то, что они будто отѣляютъ и отѣляли болгарскій народъ отъ великой Церкви, во имя филетизма, то тутъ было недоразумѣніе. Никогда не будучи послѣдователями ереси филетизма, они желаютъ находиться съ вселенскою патріархией въ постоянномъ союзѣ по дѣламъ вѣры.

Получивъ такую или подобную грамоту, патріархъ можетъ уже безпрепятственно сдѣлать каноническое распоряженіе, чтобы освободить болгарскихъ архиастырей, какъ раскаявшихся, а съ ними и весь болгарскій народъ, отъ церковныхъ наказаний, на нихъ Константинопольскимъ соборомъ наложенныхъ, причемъ все болгарскіе духовные, какъ то подробно изложено въ Х-й главѣ, должны сохранить тотъ санъ, въ которомъ нынѣ находятся. Затѣмъ уже, вселенскій патріархъ можетъ вступить съ болгарскими архиастырями въ непосредственныя сношения и переговоры и самое воспоминаніе о болгарской схизмѣ исчезнетъ навсегда.

Изысканіе способовъ соглашенія между Греками и Болгарами потому представляетъ столь большія затрудненія, что дѣло идетъ не объ юридическомъ рѣшеніи вопроса, которое возможно было бы предложить сразу, а о рѣшеніи практическомъ, тѣмъ болѣе трудномъ, что оно поставлено въ зависимость отъ политическихъ и національныхъ страстей и разногласій. Такимъ образомъ, не обращая вниманія на эти два важные факторы, невозможно составить никакого плана, представляющаго вѣроятность достиженія какого-либо соглашенія обѣихъ враждующихъ сторонъ.

Принимимъ исторію церковнаго вопроса и мы увидимъ, что

всѣ распри и главныя несогласія между Греками и Болгарами происходили не отъ упорного отказа вселенской патріархіи признать самый принципъ отдѣленія болгарской іерархіи, а отъ непоставленія болгарской Церкви опредѣленныхъ географическихъ границъ, точно также, какъ и сultанскій фирмантъ 1870 года подалъ поводъ къ ожесточеннымъ спорамъ, преимущественно благодаря 10-й своей статьѣ, не разграничивавшей точнымъ образомъ епархіи греческихъ съ болгарскими, а предоставившей рѣшеніе вопроса подачь голосовъ и большинству населенія самихъ епархій. То же самое будетъ постоянно до тѣхъ поръ, пока рѣшеніе вопроса будетъ предоставлено самому населенію со всѣми прирожденными ему слабостями и пока, по своей неопределенности, оно будетъ неминуемо подчиняться вліянію людскихъ страстей.

Если же мы желаемъ достигнуть искренняго соглашенія и желаемъ, чтобы оно не сдѣлалось источникомъ новыхъ бѣствий, мы должны его установить на такихъ основаніяхъ, которыя могли бы обеспечить навсегда спокойствіе великой Церкви и умиротвореніе областей, нынѣ обуреваемыхъ раздорами. Такой результатъ можетъ быть достигнутъ лишь подъ условіемъ точнаго и правильнаго опредѣленія географическихъ границъ, отдѣляющихъ епархіи экзархата отъ епархій, подчиненныхъ вселенскому престолу, такъ чтобы новое соглашеніе не заключало въ себѣ зародыша новыхъ усобицъ, новыхъ неустройствъ.

Какія же области должны входить въ предѣлы болгарской Церкви?

Очевидно, что княжество Болгарское, пріобрѣтая самостоятельное существование и политическую полуавтономность, имѣть право желать и требовать себѣ самостоятельную Церковь. Впрочемъ, вопросъ этотъ не можетъ подлежать сомнѣнію тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли то выше, и самъ вселенский патріархъ не отрицаетъ права княжества имѣть автономную Церковь.

Если, съ формальной стороны, политическая условія Восточной Румелии отличаются отъ политическихъ условій княжества,

то, фактически, не полагаю, чтобы кто-нибудь сталъ оспаривать, что область эта есть ни что иное, какъ Южная Болгарія, лишь по нѣкоторымъ соображеніямъ западныхъ державъ поставленная въ болѣе прямую зависимость отъ султана. Имѣя свое собственное болгарское правительство, свои собственные учрежденія, Восточная Румелія и въ гражданскомъ отношеніи стоить особнякомъ и выдѣлена изъ состава другихъ областей Европейской Турціи—прямо подчиненныхъ гражданской власти Порты и духовной власти вселенского патріарха. Поэтому, Восточная Румелія не безъ основанія можетъ желать соотвѣтственного измѣненія и въ церковныхъ отношеніяхъ съ Константинопольскою патріархіею, въ смыслѣ достижениія большей самостоятельности. Разъ же допустить право Церкви Восточной Румеліи на извѣстную самостоятельность, то не безразлично ли для вселенской патріархіи допустить присоединеніе ея къ болгарской Церкви, глава которой будетъ находиться съ вселенскимъ престоломъ не въ тѣхъ враждебныхъ отношеніяхъ, которыя существуютъ нынѣ, а въ союзѣ любви и братскому единеніи. Согласіе на присоединеніе Восточной Румеліи къ болгарской Церкви могло бы совершиться на нѣкоторыхъ условіяхъ, о которыхъ подробнѣе будетъ говориться ниже, и, въ добавокъ, могло бы быть обусловлено предварительнымъ отказомъ Болгаръ отъ претензій на всѣ прочія мѣстности адрианопольского вилайета, находящіяся въ предѣловъ Восточной Румеліи и которыя отнынѣ должны будутъ находиться въ безусловной зависимости отъ Константинопольской патріархіи.

Присоединеніе это совершиенно законно съ точки зреянія канонической и согласно съ примѣрами церковной исторіи; такъ, 17-е правило IV-го вселенского собора и 38-е правило VI-го вселенского собора полагаютъ основнымъ принципомъ, что порядокъ и распределеніе церковныхъ областей должны слѣдовать порядку и распределенію, устанавливаемому политическими и гражданскими распоряженіями.

Знаменитый патріархъ Фотій писалъ, въ свою очередь, рим-

скому папѣ: «вошло въ обычай, что церковныя дѣла и условія, изъ особенности же касающіяся духовной юрисдикціи приходовъ или церковныхъ округовъ, мѣняются сообразно съ условіями политическими и административными».

Точно также если мы обратимся къ основаніямъ этнографическимъ и статистическимъ, то всякий, относящийся къ дѣлу безпредвѣтствію, не можетъ не согласиться съ справедливостью желаній румелотовъ быть присоединенными, въ церковномъ отношеніи, къ Церкви княжества Болгарскаго и даже бѣглый взглядъ на цифры убѣдить его, что эта область чисто болгарская, чего, впрочемъ, не отрицаль и святейшій Иоакимъ, противясь, какъ то разсказано выше, зачисленію Грековъ въ местную милицію.

Вотъ населеніе Восточной Румелии по послѣднимъ и самыемъ точнымъ свѣденіямъ:

Филиппопольскій департаментъ.

	Болг. мужч.	женщинъ	Грек. мужч.	женщинъ
Филиппополь	5,450	5,459	2,330	2,451
Его округъ	5,518	5,393	90	80
Овчехолмскій округъ .	10,316	10,229	—	—
Стрѣмскій » .	16,871	17,478	7	1
Сѣрнагорскій » .	11,489	11,995	8	3
Станимакскій » .	9,202	8,772	5,035	4,620
Родонскій » .	4,864	4,583	—	—

Старозагорскій департаментъ.

	Болг. мужч.	женщинъ	Грек. мужч.	женщинъ
Старозагорскій округъ .	21,222	19,400	—	—
Чирпанскій » .	16,446	16,926	—	—
Казанлыкскій » .	14,080	14,401	6	5
Новозагорскій » .	11,272	11,193	11	13

Хаскейскій департаментъ.

	Болг. мужч.	женщинъ.	Грек. мужч.	женщинъ.
Хаскейскій округъ . .	16,067	15,688	108	77
Хаджи-Еллескій » .	9,864	8,963	—	—
Харманлайскій » .	12,007	11,942	498	455
Кырджалайскій » .	67	57	—	—

Сливенскій департаментъ.

	Болг. мужч.	женщинъ.	Грек. мужч.	женщинъ.
Сливенскій округъ . .	11,407	11,237	—	—
Ямбольскій » .	10,841	10,539	228	257
Каваклайскій » .	7,884	7,663	6,014	5,830
Кызылмагачьскій » .	10,374	10,178	958	897
Котельскій » .	8,149	8,153	—	—

Татаръ-базарджикскій департаментъ.

	Болг. мужч.	женщинъ.	Грек. мужч.	женщинъ.
Т.-базарджикскій окр. .	15,097	15,237	187	148
Ихтиманскій » .	10,535	10,638	—	—
Пещерскій » .	7,404	7,328	173	163
Панагюриштскій » .	10,359	10,045	—	—
Копривищенскій » .	4,158	4,072	—	—

Бургасскій департаментъ.

	Болг. мужч.	женщинъ.	Грек. мужч.	женщинъ.
Бургасскій округъ . .	7,608	7,511	1,917	1,913
Анхиальскій » . .	1,659	1,662	3,819	3,607
Айдосскій » . .	2,763	2,718	255	246
Карнабадскій » . .	6,624	6,452	20	21

Все население Восточной Румелии съ болгарскими и греческими бѣженцами, не показанными въ вышеприведенной таблицѣ, распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Болгаръ	573,560	душъ.
Турокъ	174,700	"
Грековъ	42,659	"
Цыганъ	19,549	"
Евреевъ	4,177	"
Армянъ	1,306	"
Всего	815,951	душъ.

Если приведенные мною выше доводы въ пользу присоединенія Восточной Румелии къ болгарской Церкви кому либо показались недостаточно убѣдительными, смѣю думать, что только что изложенныя цифровыя данные подѣствуютъ съ неотразимою силой, доказавъ, какъ слабъ процентъ греческаго населения въ Восточной Румелии и что невозможно отказывать подавляющему болгарскому большинству въ удовлетвореніи законныхъ его желаній и навязывать ему греческую, іерархію чуждую ему по языку и происхожденію, не говоря уже о невозможности чисто физической замѣнить этою послѣднею іерархію болгарскую столько уже лѣтъ, хотя и противно волѣ вселенской патріархіи, дѣйствующую въ нынѣшней Восточной Румелии и которая, по органическому уставу, признается мѣстными властями и пользуется одинакими правами съ іерархіею греческою.

Наконецъ, въ видѣ послѣдняго аргумента, не могу не сопѣтиться на свѣжій примѣръ отзывчивости самой вселенской патріархіи къ требованіямъ времени, а именно въ дарованіи автономіи боснійской Церкви, послѣ того какъ Боснія и Герцеговина очутились въ иныхъ политическихъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, въ коихъ они находились до Берлинскаго трактата. Въ конкордатѣ, заключенномъ между вселенскою патріархіею и Австро-Венгерскимъ правительствомъ, святейшій Іоакимъ и его сподѣлъ прямо заяв-

ляютъ, что, даруя автономію боснійской Церкви, они дѣлаютъ уступку «требованіямъ времени и настоящимъ обстоятельствамъ».

Чтобы быть послѣдовательными, патріархъ и его синодъ не можетъ не сдѣлать уступокъ и Восточной Румеліи, которая, послѣ того же Берлинскаго трактата, оказалась тоже въ измѣнившихся политическихъ условіяхъ.

Предпославъ эти объяснительныя слова, изложимъ проектъ устройства болгарской Церкви:

1. Въ предѣлы автономной болгарской Церкви входятъ Болгарское княжество и Восточная Румелія, причемъ послѣдняя на условіяхъ изложенныхъ ниже.

2. Архіепископъ Софійский носить титулъ митрополита всей Болгарії; во главѣ всѣхъ остальныхъ епархій стоять епископы, канонически подчиненные митрополиту.

3. При митрополитѣ постоянно находится болгарскій синодъ, составленный изъ четырехъ епископовъ, ежегодно по очереди мѣняющихся. Синодъ блудетъ о сохраненіи чистоты православной вѣры и вѣдастъ всѣ дѣла церковныя, дисциплинарныя, административныя и судебнныя, являясь апелляціонною инстанціей для судебныхъ постановлений епархиальныхъ консисторій.

4. Въ случаяхъ первостепенной важности созывается Великий Архіерейскій Соборъ, засѣдающій подъ предсѣдательствомъ митрополита.

5. Митрополитъ и епископы избираются изъ среды болгарскаго духовенства чрезвычайнымъ собраниемъ, составленнымъ изъ всѣхъ болгарскихъ архіереевъ и народныхъ представителей, и утверждаются княземъ. Константинопольская Церковь не можетъ дѣлать никакихъ замѣчаній ни о способѣ избрания, ни о мѣсторожденіи и лицѣ избраннаго. При избрании лишь митрополита князь, какъ представитель болгарскаго народа, обязанъ извѣстить вселенскаго патріарха объ учрежденіи избраніи и лицѣ избраннаго и представить его на утвержденіе его святѣйшества. Патріархъ же, убѣдившись, что выборъ сдѣланъ сходно съ церковными правилами, долженъ прислатъ безъ всякаго отлагательства

свое письменное соизволение, сопровождаемое его первосвященническим благословениемъ, чтобы затѣмъ, въ Софиї, совершенно было посвященіе митрополита по церковному обряду. Епископы же посвящаются въ Софиї безъ предварительного патріаршаго соизволенія, но единственно властю и полномочіемъ ихъ митрополита, какъ тамошняго законнаго первосвященника, патріарху лишь присыпается сообщеніе о томъ и онъ, въ своемъ отвѣтѣ, даетъ свое согласіе и благословеніе.

Избрание производится закрытою подачей голосовъ и решается абсолютнымъ большинствомъ этихъ посѣдникъ. Если первая баллотировка не дастъ абсолютнаго большинства, тогда приступаютъ къ вторичной для опредѣленія большинства относительнаго. Если же и затѣмъ голоса раздѣляются по ровну, то выборъ решается жребіемъ.

Въ сань епископа и митрополита, избираемыхъ ножизненно, можетъ быть выбрано всякое духовное лицо, имѣющее не менѣе сорока лѣтъ отъ рода, прослушавшее курсъ богословскихъ наукъ, исполнявшее свои духовныя обязанности по меньшей мѣрѣ въ теченіи десяти лѣтъ и за все это время не занимавшее себя никакимъ церковнымъ проступкомъ.

Синодъ ведеть точный списокъ всѣхъ лицъ болгарскаго духовенства, которымъ могутъ быть избраны въ епископы. Списокъ этотъ провѣряется ежегодно.

6. Внутренній распорядокъ Болгарской церкви опредѣляется уставомъ, который будетъ выработанъ Великимъ архиерейскимъ Соборомъ.

7. Во всякой епархіи имѣется епархиальная консисторія, состоящая, подъ предсѣдательствомъ епархиального архіерея, изъ его викарнаго и двухъ священниковъ, назначаемыхъ самимъ епархиальнымъ владыкою.

8. Св. муро получается отъ вселенскаго патріарха.

9. Во время богослуженія, митрополитъ всей Болгаріи поминаетъ имя патріарха Константионопольскаго, а епископы, кромѣ епископовъ Восточной Румелии—митрополита.

10. Митрополитъ не можетъ быть безъ законной воли Константинопольскаго патріарха и соизволенія Болгарскаго князя удаленъ изъ своей епархіи, а болгарскіе епископы—безъ согласія митрополита и князя.

11. Болгарская церковь уплачиваетъ патріарху ежегодно за княжество Болгарское 960 турецкихъ лиръ и 275 турецкихъ лиръ за Восточную Румелію, т. е. столько же, сколько платили до сихъ поръ составляющія ее епархіи:

Софийская	11,250	шестастровъ.
Видинская. . . .	5,500	»
Варненская. . . .	1,500	»
Преславская	2,250	»
Тырновская	27,000	»
Кюстендильская	10,000	»
Самоковская	11,000	»
Червенская. . . .	5,000	»
Ловчанская	7,500	»
Врачанская. . . .	15,000	»
<hr/>		
	96,000	шестастровъ.

и въ Восточной Румеліи епархіи:

Филиппопольская . . .	23,500	шестастровъ.
Алхіальская	3,000	»
Месемврійская	1,000	»
<hr/>		
	27,500	шестастровъ.

Кромѣ того, при всякомъ новомъ избраниіи митрополита, патріарху присыпается, въ видѣ подарка, сто турецкихъ лиръ. За уплатою же этихъ суммъ, веленская патріархія не имѣеть права требовать что либо съ Болгаріи.

12. Что касается старого долга вселенской патріархії, то Болгарская церковь вносить единовременно на погашение его 37,999 турецкихъ лиръ, изъ коихъ 27,010 приходится на книжество и 10,989 на Восточную Румелію. *)

13. Ни митрополитъ, ни епископы болгарскіе не имѣютъ права дѣлать долга ни на счетъ болгарского народа, ни на счетъ Великой Церкви.

14. Болгарское подворье въ Фанарѣ зависитъ отъ митрополита всей Болгаріи.

15. Бераты для епископовъ Восточной Румеліи выдаются генералъ-губернаторомъ, действующимъ именемъ султана.

16. Епископы Восточной Румеліи на богослуженіи поминаютъ по чести имя вселенского патріарха и Болгарской синодъ.

17. Греческія общины сохраняютъ по отношенію къ своимъ церквамъ, школамъ и благотворительнымъ учрежденіямъ, всѣ права и преимущества, коими ониъользовались въ Болгаріи и Восточной Румеліи доселе, и имѣютъ своихъ народныхъ священниковъ, вполнъ подчиненныхъ, впрочемъ, местному архиерею.

Обратимся теперь къ Македонії. Установленіе въ этой странѣ известнаго *modus vivendi* и возвращеніе въ ней церковной тишины и спокойствія, по моему мнѣнію, возможно лишь при условіи удовлетворенія законнаго желанія Болгаръ—имѣть пастырей изъ своего народа и слышать богослуженіе на понятномъ имъ языке. Для практическаго же осуществленія этого условія и избѣженія нескончаемыхъ пререканій между греческою и болгарскою народностями, необходимо поставить его на почву этнографическую.

Много было споровъ изъ-за того, кто именно — Болгары или Греки — составляютъ большинство населения Македоніи. Безпредвзятые путешественники и ученые, начиная съ Лежана

---

*) При христіанскомъ населеніи Восточной Румеліи въ слишкомъ 616,000 и книжества въ 1,400,000 душъ, вносимая патріархіи сумма составить, по раскладкѣ, менѣе двухъ піастровъ съ душъ.

и Киперта, доказывали, что Греки заселяют лишь узкую береговую полосу, а вся остальная страна сплошь заселена Болгарами, что, какъ мы видѣли, подтвердила и баронъ Рингъ, французский делегатъ въ Восточно-румелийской комиссіи, проѣхавший всю Македонію верхомъ.

Греки же доказывали, что Македонія — ихъ исконное наслѣдство, заселена вся Греками, при этомъ они даже не поскупились изобрѣсти особый этнографический терминъ, назвавъ всѣхъ македонскихъ Болгаръ — болгарофонами. Одинъ изъ защитниковъ эллинизма — Syntet, такъ даже поусердствовалъ, что насчиталъ въ этой странѣ 474,506 Грековъ. Впрочемъ, нужно предположить, что Syntet былъ вовлечеченъ въ ошибку невольно. Ключъ къ разгадкѣ этой ошибки находится въ самомъ предисловіи труда Syntet, гдѣ онъ говорить, что въ своихъ вычисленіяхъ онъ руководствовался свѣдѣніями, собранными мухтарами (старостами), по приказанію вселенского патріарха, для установленія иѣкотораго налога на *православныхъ*. Понятно, что мухтары включили въ свои списки не только греческое населеніе Македоніи, но и тѣхъ Болгаръ, которые, какъ признающіе власть вселенской патріархіи, считаются ими за православныхъ, въ противоположность Болгаръ, подчиненныхъ экзархату и называемыхъ Греками — схизматиками.

Оставимъ пока въ сторонѣ южную Македонію, на которую, вслѣдствіе состава ея населенія, Греки съ основаніемъ или безъ основанія заявляютъ свои претензіи, и займемся лишь Македоніею съверною и среднею.

Вотъ населеніе ея по самымъ послѣднимъ даннымъ:

	Болгаръ	Грековъ	Валаховъ
Казы: Кукушъ	74,910	—	1,790
» Разлогъ	14,860	—	—
» Джуума	7,000	—	—
» Кюстендилъ	25,000	—	—
» Неврокопъ	30,060	—	408

		Болгаръ.	Грековъ.	Валаховъ.
Казы:	Демирхисаръ	68,000	—	2,160
"	Мельникъ	38,100	1,800	—
"	Петричъ	30,500	—	—
"	Дойранъ	13,090	—	—
"	Тыквешъ	72,000	—	—
"	Струмница	48,000	—	—
"	Велесъ	49,300	—	—
"	Ускюбъ	26,900	—	—
"	Куманово	35,100	—	—
"	Каратова	12,000	—	—
"	Тетово	32,300	—	—
"	Егри-Паланка	38,000	—	—
"	Радовичи	14,300	—	—
"	Кочани	31,700	—	40
"	Истибъ	26,400	—	—
"	Битоля	77,550	12	21,000
"	Прилепъ	52,400	800	200
"	Кырчево	23,100	—	—
"	Ресна	8,600	2	7,480
"	Пресба	7,600	—	—
"	Охрида	42,760	2	2,450
"	Флорина	41,400	—	3,250
Итого		940,930	2,616	38,778

Если цифры могут говорить краснорѣчиво, то я полагаю, что только что приведенные числа своею убѣдительностью должны избавить меня от необходимости приводить болѣе многочисленные аргументы въ пользу высказанныаго мною выше убѣжденія о неизбѣжности уступок законнымъ требованиямъ населяющихъ эту часть Македоніи Болгаръ, между которыми рѣдкими островками разбросаны Греки, совершенно почти пропадающіе въ морѣ болгарскаго элемента.

Объяснивъ мою точку зрења, переходу къ практическому способу какъ согласить требование Болгаръ съ условіями зависимости этихъ македонскихъ епархій отъ константинопольской патріархіи.

Соглашеніе, по моему мнѣнію, могло бы быть достигнуто на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. Казы: Кукушъ, Разлогъ, Джума, Кюстендиль, Неврокопъ, Демирхисаръ, Мельникъ, Петричъ, Дойранъ, Тыквешъ, Струмница, Велесъ, Ускаебъ, Куманово, Кратово, Тетово, Пазанка, Радовици, Кочани, Истибъ, Битолія, Прилепъ, Кырчево, Ресна, Пресба, Охрида и Флорина, обнимающія епархіи: Пелагонійскую, Мельницкую, Охридскую, Скопскую, Струмницкую, Могленскую, Велесскую и Полоцкую, — составляютъ отдѣльный округъ, хотя и входящій въ предѣлы вселенского престола, но пользующійся полной внутреннею автономіей.

2. Вселенскій патріархъ не имѣть права, ни право, ни ко-свенно, вмѣшавшись въ духовныя дѣла округа и, въ особенности, въ избраніе епископовъ.

3. Еписконы избираются изъ достойнѣйшихъ лицъ болгарскаго духовенства, туземныхъ клиромъ, при участіі народныхъ представителей и утверждаются патріархомъ.

4. Всѣ еписконы, подъ предсѣдательствомъ архиепископа Охридскаго, составляютъ архіерейскій Соборъ, на обязанности котораго лежитъ охраненіе чистоты православной вѣры и разрешеніе духовныхъ дѣлъ особой важности. Соборъ събирается разъ въ годъ въ Охридѣ для обсужденія вопросовъ, общихъ для всего округа. Засѣданія его продолжаются двѣ недѣли, но, при встрѣтившейся надобности, срокъ этотъ можетъ быть, съ общаго согласія, продленъ.

5. Соборъ будетъ вести списокъ лицъ, признанныхъ, по надлежащемъ испытаніи, достойными посвященія въ еписконы и конія этого списка сообщается ежегодно вселенской патріархіи.

Еписконы избираются по этому списку чрезвычайнымъ собраниемъ мѣстного духовенства и народныхъ представителей.

Собрание сообщает о съезжанномъ выборѣ вселенскому патріарху, который немедленно даетъ утвердительную грамоту, на основаніи которой и производится рукоположеніе вновь избраннаго.

6. Бераты для епископовъ испрашиваются у Порты патріархомъ и безъ отлагательства пересыпаются имъ по назначенню.

7. Св. муро получается отъ вселенской патріархіи.

8. Епископы округа—изъ коихъ Охридскій носить титулъ архіепископа, оставался во всемъ осталыемъ кромѣ титула совершенно имъ равнымъ—пользуются тѣми же правами, какъ и все прочие епископы и митрополиты Константинопольской патріархіи и участвуютъ въ избраниі вселенского патріарха въ качествѣ избирателей или избираемыхъ.

9. Одинъ или два архіерея будутъ поочередно присутствовать въ Константинопольскомъ синодѣ, оставаясь тамъ по одному году.

10. Богослуженіе совершается на церковно-славянскомъ языкѣ: епископы и архіепископъ поминаютъ на богослуженіи имя патріарха.

11. Низшее духовенство округа находится въ полной канонической зависимости отъ своихъ епископовъ и поминаетъ на богослуженіи ихъ имя.

12. Болгары округа имѣютъ право строить себѣ новые церкви и учреждать новые школы.

13. Внутрення администрація округа, въ духовномъ и образовательномъ отношеніи, устраивается на основаніяхъ, которыхъ будутъ выработаны архіерейскимъ Соборомъ.

14. Округъ принимаетъ на себя уплату части долга вселенской патріархіи, пропорционально пространству и числу жителей.

15. Округъ уплачиваетъ ежегодно вселенскому патріарху, чрезъ посредство архіерейского Собора, четыреста сорокъ семь турецкихъ лиръ, т. е. столько же, сколько вносили въ патріаршую казну доселѣ епархіи, входящія въ составъ округа:

Педагонійская . . .	6,000	піастровъ.
Мельниккая. . .	5,500	"

Охридская	4,250	піастровъ.
Скопская	17,250	»
Струмницкая	4,200	»
Могленская	2,000	»
Велесская	2,500	»
Поллянинская, ...	3,000	»
	44,700	піастровъ.

За уплатою же этой суммы вселенская патріархія не имѣть болѣе права предъявлять округу какія либо денежныя требованія.

16. Грекамъ въ Мельникѣ, Битоліи, Прилѣпѣ, Реснѣ и Охридѣ предоставляется, если они того пожелаютъ, имѣть особую церковь, по одной — за исключеніемъ митрополіи — въ каждомъ изъ этихъ городовъ. Во всѣхъ этихъ городахъ Греки имѣютъ право на одну школу, которую будетъ управлять греческая община.

17. Греческое населеніе въ Мельникѣ, Битоліи, Прилѣпѣ, Реснѣ и Охридѣ имѣть своихъ священниковъ греческаго происхожденія, вполнѣ, впрочемъ, подчиненныхъ мѣстному архиерою.

Что же касается до мѣстностей, населенныхъ Болгарами и остающихся виѣ предѣловъ Восточной Румелии и Охридскаго округа, то, приимая въ соображеніе, что если соглашеніе на вышеприведенныхъ условіяхъ состоится, веницуемымъ слѣдствіемъ того будетъ возстановленіе братскихъ отношеній между Греками и Болгарами, и что, потому, весьма естественно во вниманіе обязательствъ, взятыхъ на себя болгарскою Церковью по охраненію правъ греческаго элемента, — чтобы въ вселенской патріархіи даѣтъ съ своей стороны ручательство, что въ отдельные приходы съ большинствомъ изъ Болгаръ будутъ назначаться священники изъ Болгаръ же, и что школы, содержащіеся на пожертвованіе болгарскихъ общинъ будутъ управляться болгарскими же общинами. Богослуженіе же въ смишанныхъ приходахъ могло бы совершасться поперемѣнно, на языкахъ греческомъ и церковнославянскомъ.

Достойный подражанія примѣръ данъ бытъ въ этомъ отношеніи греческимъ адрианопольскимъ митрополитомъ Неофитомъ, известнымъ своею умѣренностью и благочестіемъ.

Когда Болгары, въ началѣ 1881 года, стали служить обѣдно въ своей новой церкви въ адрианопольскомъ предѣлѣ Ильдирымъ, мѣстные Греки явились къ митрополиту съ жалобами. Высокопреосвященный Неофитъ отвѣтилъ имъ, что всякий свободенъ молиться гдѣ и какъ онъ хочетъ и что вѣра не можетъ быть дѣломъ физического принужденія.

Не довольствуясь этимъ, митрополитъ Неофитъ тогда же разрѣшилъ Болгарамъ деревни Евкварь читать въ церкви богослужебныя книги по болгарски.

Святый Василій Великій, знаменитый архіепископъ Кесарії Каппадокійской, начерталъ на страницахъ, оставшихся безсмертными, описание смуты, раздиравшихъ въ его время Восточную Церковь. И теперь, по прошествіи пятнадцати вѣковъ, краснорѣчивыя страшны эти, исполненные высокой христіанской любви и чувства всепрощенія, глубоко трогаютъ сердце каждого православнаго.

Зачѣмъ не имѣю я силы и краснорѣчія этого отца Церкви, дабы, представивъ плачевное зѣльице раздоровъ и неустройствъ, свившихъ себѣ гнѣздо въ отношеніяхъ между греческою и болгарскою народностями, и могъ подѣйствовать на серда вожаковъ этихъ обѣихъ единовѣрныхъ національностей и склонить ихъ къ уступчивости и къ принятию вышеизложенныхъ условій, дающихъ, по моему крайнему разумѣнію, именно тѣ безпристрастныя основанія, на которыхъ могло бы состояться, къ большей горести враговъ православія, столь горячо желаемое нами соглашеніе по греко-болгарскому церковному вопросу и взаимное примиреніе двухъ равно дорогихъ Россіи народностей.

Пусть и Россія возьмется мощною рукой за это дѣло, помня свою исконнѣй принадлежащую роль посредницы и покровительницы всѣхъ христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова,

а также помня, что плодами всяких недоразумений будетъ пользоваться, конечно, не православіе и не обще-руssкое дѣло.

Восточные патріархи въ окружномъ посланіи 1846 года, провозгласили, что единство въ православной Церкви хранится не виѣшнею силой, не виѣшнею властью, а союзомъ христіанской любви.

Нынѣ настало время приложить на практикѣ эти возвѣшенныя слова. Если вселенская патріархія искренно хочетъ, чтобы повсюду въ предѣлахъ православной Церкви хранилось единство, пусть она проникнется мудростью словъ этого посланія св. іерарховъ и станетъ дѣйствовать въ духѣ любви и спокойствія къ своимъ чадамъ, хотя и погрѣшившимъ, но теперь раскаявающимся и желающимъ полнаго примиренія съ Великою Церковью.

Что же касается до Болгаръ, то имъ слѣдуетъ помнить, что лишь одно окончательное примиреніе съ Константинопольскою патріархіей и официальное признаніе всѣми православными автокефальными Церквами независимости болгарской Церкви можетъ утвердить власть этой послѣдней и доставить ей необходимое обаяніе и прочность.

Для заключенія настоящаго моего труда невозможно, мнѣ кажется, найти лучше словъ, чѣмъ тѣ, которыя были произнесены извѣстнымъ ученымъ—Грекомъ Танталиди: «услышь и ты, православный болгарскій народъ! Не успокоивай себя тою ложною мыслью, которую заманиваютъ тебя иѣкоторые, будто бы ты безопасно останешься въ православіи, если твой экзархатъ будетъ учрежденъ путемъ раскола. Откажись и ты отъ нечестивыхъ твоихъ представителей и поддержки благочестивыхъ и умѣренныхъ. Ищи освященія твоего экзархата отъ твоей матери—Церкви. Положи основаніе его на благословеніяхъ, дабы онъ пребыть непоколебимъ во вѣки».

В. Тепловъ.

Буюкдерс.
23-го Августа 1881 г.